

ЗНАКИ СУДЬБЫ
Наталья Калинина

*Секрет черной
КНИЖКИ*

Annotation

Казалось, ничто не может разрушить мирное существование провинциального дома престарелых, куда Вера устроилась на работу медсестрой, ища себе убежище. Но смерть старушки и оставленное ею наследство взбудоражили старинную усадьбу и перевернули все с ног на голову. Вере угрожают, хотя девушка и сама не понимает, что именно ищут преследователи. И как раз в этот момент в ее жизни появляется странный незнакомец в рваных джинсах – еще один враг или, может быть, незваный друг?

- [Наталья Калинина](#)

- -
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [Эпилог](#)
-

Наталья Калинина

Секрет черной книги

© Калинина Н., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

*С благодарностью докторам
Мигелю Ройо Сальвадору,
Марко Фиальосу,
Карле Мендес Сааведра
и персоналу
Барселонского Института Киари, Сирингомиелии
и Сколиоза*

Серый с темными полосками кот сидел перед белой деревянной дверью, словно раздумывая, войти или нет. «Это же комната Кузьминичны!» – мелькнуло в голове у Веры, и девушка, зашикав и размахивая руками, бросилась бегом по коридору.

– Гаврила! – закричала она, когда кот уже поднял лапу, чтобы толкнуть приоткрытую дверь. – Кыш отсюда! Пошел вон!

Животина лениво повернул голову, и на заостренной, как у его далеких египетских предков, морде отразилось выражение досады – будто у человека, которого вдруг отвлекли от важного дела. Вера подумала, что Гаврила сейчас назло ей войдет в комнату, но кот, лизнув поднятую лапу, развернулся и лениво потрусил по коридору прочь. Девушка перевела дух, только сейчас поняв, как на самом деле перепугалась, и тихонько отворила дверь.

Старушка лежала, вытянув поверх тонкого одеяла сухие руки. Вера на цыпочках прошла к кровати и наклонилась, прислушиваясь. От сердца отлегло: спит. Свет ночника, вопреки ожиданиям, не умалял возраста спящей, а безжалостно прибавлял ей лет, высвечивая каждую морщинку. Белоснежно-ватные волосы обрамляли худое, с ввалившимися щеками, лицо пожилой дамы, подчеркивали желтоватые тени под закрытыми глазами. Вера подумала, что надо попросить доктора Савельева еще раз осмотреть Валентину Кузьминичну и взять кровь на анализы. Не нравится ей эта желтизна кожи, которую пожилая женщина, продолжавшая и в восемьдесят лет следить за собой, днем маскировала тональным кремом «Балет». «Деточка, кожа должна быть цвета персика, – учила Веру Кузьминична. – А вы, девонька моя, бледны. Вам нужно купить хорошие румяна и тон, обязательно персикового оттенка!» Вера улыбнулась, вспомнив советы старой дамы, и тихонько вышла в освещенный приглушенным светом коридор.

Возле двери сидел, словно дожидаясь ее, кот Гаврила. Вернулся.

– Ты что здесь делаешь? А ну брысь отсюда! – сердито прошипела Вера, но, смягчившись, поманила животное: – Кис-кис, пойдем со мной! Я тебе вкусного дам. Пойдем, Гаврила!

Кот дернул ухом, словно в досаде, но лениво поднялся и побрел за Верой к медсестринской. В Гавриила, упрощенного затем до Гаврилы, его переименовал из обычного Тишки кто-то из постояльцев пансионата пару

лет назад, когда за обычным с виду котом закрепилась страшная слава вестника смерти. Об этом коте даже как-то написали в областной газете, тем самым обеспечив заведению дополнительную рекламу. Мистики и местный светила науки ломали голову над феноменом полосатого «ангела смерти». Скептики утверждали, что ничего необычного нет в смертях уже находящихся в преклонных годах обитателей частного дома престарелых. Но однако же примета, связанная с Гаврилой-Гавриилом, срабатывала как швейцарские часы: стоило коту, обычно не заходившему в жилые комнаты, нанести визит кому-либо из стариков, как вскоре тот отбывал в мир иной. Чем руководствовался Гаврила, выбирая, к примеру, не комнату и так уже дышащего на ладан девяностолетнего старика Сидоркина, а энергичной и еще довольно крепкой семидесятилетней Петровны, оставалось загадкой. Но на следующий день пожилую даму обнаружили уснувшей вечным сном в своей аккуратной постели, а старик Сидоркин и по сей день жил и здравствовал. Распространялась примета только на обитателей дома, но никак, к счастью, не затрагивала работников: объевшись на кухне куриной требухи и сметаны, Гаврила частенько дремал под батареей в комнате персонала, а выспавшись, уходил через дверь кухни в палисадник и затем мог не появляться в пансионате сутками.

– Зачем ты его сюда привела? – нервно воскликнула Ирочка, увидев вошедшего за Верой в комнату для медсестер кота.

Ирочка была новенькой, заменяла находящуюся в декрете Попову. Она недавно окончила медицинское училище и пришла в пансионат по знакомству, как и большинство из персонала: место здесь было хлебное и элитное, «с улицы» без протекции попасть сюда было практически невозможно. Работа новой сотруднице нравилась: мерить ухоженным и чистым старикам, количество которых не превышало двенадцати, температуру и давление и раздавать им таблетки – это тебе не работать в местной больнице или поликлинике. Но Ирочка панически боялась Гаврилы, и никакие уверения коллег, что кот «предрекает» уход только стариков, на молодую девушку не действовали.

– Он здесь отдыхает, – безапелляционно заявила Вера, прошла к холодильнику и достала из него пакет. Налив в чашку молока, она поставила ее в микроволновку. Кот проследил за действиями девушки взглядом и требовательно мяукнул.

– Если бы ты еще миску умел сам приносить, – вздохнула Вера. На кухню идти было далеко. Медсестринская располагалась на втором этаже в противоположном от лестницы конце коридора. Нужно было миновать все комнаты – по шесть с каждой стороны прохода, пройти кабинет врача

и комнатки для горничных, затем спуститься на первый этаж, где располагались столовая, кабинет директрисы и комната охранников. А затем уже из столовой, занимающей целый зал, бывший когда-то балным, спуститься на кухню. Помимо пищеблока, в полуподвале располагалась еще и прачечная.

– Будто он не может найти другого места для отдыха! – воскликнула Ирочка, с настороженностью наблюдая за тем, как Гаврила занимает место возле холодильника, куда обычно ему ставили миску с молоком.

– Ира, он появился здесь задолго до тебя и сам выбрал, где ему бывать, а где нет, – отрезала Вера, которую излишняя мнительность напарницы не забавляла, а раздражала. Сердитые нотки в ее голосе прозвучали еще и потому, что тревога по поводу Кузьминичны не утихала, а набирала обороты, как вовремя не заглушенная таблеткой мигрень. Девушка выставила чашку из микроволновки на стол и вышла в коридор.

Двухэтажный особняк, в котором располагался пансионат, еще шесть лет назад занимало отделение коммерческого банка. Затем банк закрылся, помещение с год пустовало, а затем его выкупил местный олигарх Варенников – под частную гостиницу и элитный клуб любителей рыбалки, так как красота и экологическая чистота местных озер привлекали в эти места отдыхающих. Но в последний момент, когда ремонт подходил к концу, олигарх передумал. Поговаривали, что его так достала советами и поучениями собственная матушка, что богач задумал отселить ее куда-нибудь от себя подальше. Пожилая дама положила глаз на дом, в котором в стародавние времена располагалась летняя усадьба помещика Ягодина. На старости лет мадам Варенникова, в чьих жилах текла рабоче-крестьянская кровь без малейших примесей, вбила себе в увенчанную седым пучком голову, что она на самом деле происходит из графского рода. По прихоти мадам была составлена длинная родословная и нарисован семейный герб. Но для полного графского счастья мадам Варенниковой не хватало особняка. Ее сыну ничего не оставалось, как отписать особняк ей, а для клуба подыскать другое помещение. Сухонькая старушка с выправкой балерины и надменным лицом классической гувернантки, облаченная в меха и обвешанная, как елка, золотом и бриллиантами, стала первой постоялицей этого пансионата, тогда еще не являвшегося домом престарелых. Дама пожелала жить под наблюдением врача и медсестер (у старушки пошаливало сердце), а еще ей, естественно, требовались горничные, повар и садовник. Персонал, совершенно необходимый для аристократской жизни, был тщательно подобран. Мадам даже занялась организацией первого бала, но не успела завершить его подготовку:

в прессе появилось сообщение, что мадам Варенникова скончалась. Ее сын не стал распускать персонал и организовал в особняке пансионат для стариков. Вера пришла на работу сюда четыре года назад, вскоре после тех событий. Благодаря стараниям все того же Варенникова слава и элитного пансионата, и самого поселка как отличного места для загородного отдыха достигла столицы. Организованный олигархом клуб любителей рыбалки (членство в котором было по карману лишь людям весьма состоятельным) пользовался успехом у столичных и местных богачей, и отстроенная в деревенском стиле, но начиненная всеми современными удобствами гостиница не пустовала даже зимой. Но при этом в поселке, похожем на окруженный лесами и чистыми природными озерами островок, сохранялась необходимая для желающих отдохнуть от столичной суеты атмосфера тишины и покоя.

Вера прошла по коридору второго этажа к лестнице. Дверь рядом вела на широкий, похожий на театральную ложу, балкон, где старики в теплые деньки, сидя в расставленных полукругом плетеных креслах, дышали воздухом и принимали солнечные ванны. Девушке вдруг показалось, что с балкона потянуло ночным ветерком. Она плотнее прикрыла дверь и спустилась на кухню за миской. После того как кот насытится, блюдечко нужно обязательно вернуть на место: повариха Варвара всегда ругалась, если оно исчезало, хоть и знала, где его искать. Варвара редко покидала свои владения: подниматься на второй этаж ей было тяжело из-за тучности и одышки. Поэтому повариха ввела правило: после кормежки Гаврилы его блюдеце обязательно спускать обратно на кухню. Нарушение правила каралось жестко: Варвара лишала обе смены – дневную и ночную – своих вкусных пирожков или булочек. Просто не выдавала дневному персоналу к обеду пирожки и «забывала» оставить для тех, кто будет работать ночью, тарелку с выпечкой, заботливо прикрытую салфеткой. «Проще завести миску для молока в нашей комнате», – в какой раз уже подумала Вера, зная, что из этой затеи ничего не выйдет. Кошачьи миски из медсестринской исчезали уже на второй день: в ночную смену их прятала Ирочка, а в дневную убирал доктор Савельев, любивший пить чай в комнате для медсестер, но не выносивший кошачьего общества из-за аллергии.

Вера с миской в руках поднялась на свой этаж и вдруг заметила в приглушенном свете ламп, что в противоположном от нее конце по коридору двигается какой-то мужчина. В первый момент она из-за невысокого роста и одежды, похожей на халат, приняла его за одного из стариков. Но тут же отвергла это предположение: шел мужчина по коридору не шаркающей стариковской походкой, а крадучись, будто по-

кошачьи.

– Эй! – громко окликнула его девушка. Как этот незнакомец прошел мимо бдительных охранников? – Кто вы? Что вам тут нужно?

Мужчина не обратил на нее никакого внимания, вошел в дверь, ведущую в спальню Кузьминичны, и пропал. В первую очередь думая о постоялице, а не о собственной безопасности, Вера кинулась бегом по коридору и распахнула дверь комнаты.

– Что вам здесь нужно?! – грозно повторила она вопрос, увидев, что незнакомец склонился над старушкой. Он медленно повернул голову на оклик, и девушку внезапно захлестнула волна ужаса: лицо ей увиделось без бровей, с двумя дырочками на месте носа и с пустыми глазницами. Вера закричала и выскочила в коридор, инстинктивно захлопнув за собой дверь. И снова закричала, уже зовя на помощь. На крик прибежала Ирочка, а следом за нею по коридору тяжело затопали охранники. Обитатели комнат тоже проснулись, уже скорей не от крика Веры, а от шума, производимого бегущими тяжеловесными охранниками, и высыпали из комнат. Даже кот Гаврила вышел в коридор, потянул ноздрями воздух, улавливая лишь ему ведомые запахи, и вдруг издал громкий, похожий на сирену вой. Вера, увидев, что помощь подспевает, замахала руками, требуя, чтобы старики зашли в свои спальни, и подхватила разнервничавшуюся животину на руки. Но Гаврила вывернулся, спрыгнул на пол, оцарапав девушке запястье, и, скосив набок хвост, прыжками ускакал к выходу.

– Там, в комнате, – слабо махнула рукой Вера, не решаясь открыть дверь. Один из охранников отодвинул загораживающую проход девушку и вошел в спальню. Следом за ним отправился и его напарник. Но, не задержавшись в комнате, молодые мужчины вышли обратно:

– Там никого нет. Что случилось?

– Как нет? – не поверила Вера. Из комнаты никто не выходил.

– Ну, старуха спит.

– Это странно, что спит! – воскликнула Вера. Как можно было не проснуться от того шума, что она тут устроила? Тем более что Кузьминична всегда спала очень чутко. Встревожившись, Вера сама зашла в комнату и убедилась: все именно так, как ей описали, в спальне никого, кроме хозяйки, не было. Вера склонилась над кроватью, прислушиваясь, и на самом деле различила тихое сопение. Невероятно! Поиск в шкафу и под кроватью тоже ни к чему не привел. Никого. Не в форточку же испарился тот, кого она тут застучала!

– Ну, так что? – спросил нетерпеливо второй охранник. Оба были

похожи, словно братья-близнецы: одного роста и сложения, бритые, с квадратными челюстями. Вера звала их про себя «двое из ларца».

– Общайте все! – скомандовала она, находясь в состоянии, близком к истерике. Та страшная рожа, которую ей довелось увидеть, так и стояла перед глазами. Не привиделось же ей это, в самом деле!

– Да кого искать?! – хором удивились «двое из ларца» и одинаково поскребли пятернями в затылках. – Вы не сказали, что случилось.

Вера, вздохнув, кратко объяснила. Охранники выслушали ее с невозмутимыми лицами, Ирочка же – открыв рот от удивления. Вера закончила рассказ и увидела, что старики опять вышли из спален. Кто-то прислушивался, по-черепашьи вытянув морщинистую шею. Кто-то – приложив руку к уху. А кто-то слушал стеснительно из-за двери, делая вид, что ему не любопытно. «Устроила тут развлечение. Теперь судачить будут долго», – с раздражением подумала Вера, но, улыбнувшись старикам, жестом попросила их вернуться в комнаты.

– Хорошо, мы посмотрим, – согласился один из охранников, но по его тону было заметно, что просьбу Веры он принял за блажь. Нет тут никого и не было, показалось девице!

– Я вызову доктора Савельева, пусть осмотрит Кузьминичну, – сказала Вера, направляясь в медсестринскую к телефону.

– А до утра подождать нельзя? – робко спросила Ирочка, семеня следом.

– Нельзя, – отрезала Вера и сунула миску ей в руки. – На, отнеси обратно на кухню. Гаврила, похоже, сбежал.

* * *

Девушка была мертва. Безнадёжно мертва. Лицо ее, молодое и симпатичное при жизни, сейчас обезображивала жуткая гримаса, словно перед смертью несчастная увидела нечто ужасное. Возможно, от увиденного она пыталась отбиться или отгородиться: одна рука с растопыренными пальцами была вытянута вперед, другая – прижата к груди. Темный балахон, накинутый прямо на обнаженное тело, распахнулся, являя жадным взглядам столпившихся возле тела четырех мужчин молочную белизну груди и живота. В руках у троих было по фонарику. Четвертый же стоял, сложив руки на груди. Похоже, смерть несчастная приняла на коленях: тело ее после того, как сердце остановилось, завалилось набок, а ноги так и остались согнутыми.

А может, она уже лежала, когда умирала, а колени просто подтянула к груди, «закрываясь» от того, что ее напугало до смерти.

– Что с ней делать? – спросил один из мужчин и носком тяжелого ботинка поддел хрупкую девичью кисть, выглядывающую из широкого рукава балахона, словно перед ним лежало не остывающее тело, а сломанный манекен.

– Будто не знаете, – поморщившись, словно от боли, ответил ему другой мужчина, тот, что без фонарика. В этой компании он казался воробьем в стае воронов, причем белым. Трое из его коллег были похожи друг на друга, словно братья: одинаково высоченные, широкоплечие, коротко стриженные, одетые в черные футболки и камуфляж. Четвертый же едва доходил своим спутникам до плеча и обладал совершенно неспортивным сложением: щуплый, с длинным и узким, как у ласки, телом и короткими ногами. Но, без сомнения, он тут был главным: об этом говорила и его поза, и застывшее на вытянутом лице выражение высокомерия, и одежда: летний костюм, цветастый шейный платок и пижонские светлые туфли с острыми носами. Но даже элегантный костюм и дорогие туфли ничуть не смягчали его непривлекательности. Мужчина был альбиносом: кожа его была лишена розового подтона, ресницы и брови словно отсутствовали, глаза казались белыми, словно вываренные пуговицы. Жидкие бесцветные волосы он зачесывал назад, открывая и без того широкий и плоский лоб. Единственным ярким пятном был шейный платок, который, с одной стороны, отвлекал внимание от непривлекательной внешности хозяина, но с другой – подчеркивал ее бесцветность.

– Приберите здесь, – брезгливо подняв верхнюю губу, скомандовал мужчина и обвел маленькой, словно женской, рукой то ли подвал, то ли гараж, используемый не по назначению. Кирпичные стены, стол, сложенный из каменных плит, на нем раскрытая книга и чашка, на дне которой плескалось что-то темное, по периметру расставлены черные свечи – и больше ничего здесь не было. Двое мужчин, выполняя приказ, тут же присели над телом девушки и принялись заворачивать его в балахон, третий затушил свечи на столе и собрал их.

– Нож не забудьте, – сказал альбинос, выуживая из кармана мобильный телефон.

Тот, который собирал свечи, осветил фонарем вокруг себя и обнаружил валяющийся под столом тонкий нож с загнутым острием и костяной, разрисованной какими-то знаками ручкой. Он аккуратно поднял его и вытер лезвие о балахон девушки.

– Да, – сказал в это время альбинос по телефону. – Она мертва.
Послушал, что ему ответили, и кивнул, словно собеседник мог его видеть.

– Хорошо. Я распоряджусь. Да, так и будет. Книгу я привезу сам.
Не успел он убрать телефон, как тот вновь зазвонил. Альбинос бросил взгляд на монитор и сделал своим спутникам знак, чтобы те не шумели.

– Да, говорите!
Выслушав сообщение, он отключил телефон и сунул его в карман.
– Разберитесь здесь без меня, – распорядился он. – Мне нужно ехать.
– Вас сопроводить? – спросил его один из мужчин.
– Не нужно. Я сам. Займитесь ею. – Он бесцеремонно ткнул носком туфли в бок девушки. – И чтобы без шума.

– Будет сделано.
– Книгу я забираю.
Альбинос подошел к столу и почтительно закрыл толстый том. Провел ладонью по нему, ощущая под пальцами остывающую кожу переплета, будто книга до недавнего времени тоже была живой, а сейчас умирала на ледяной каменной поверхности. Вынув из кармана сложенный в несколько раз квадратный отрез ткани, мужчина бережно завернул книгу и взял ее под мышку. Затем открыл тяжелую металлическую дверь и вышел в ночь, уже начинающую растворяться в подступающем рассвете.

* * *

– Ты мне не веришь? – спросила Вера.
– Ну почему же... – уклончиво ответил Савельев, подходя к ручному телефону. Девушка невольно задержала взгляд на его широкой спине, облаченной не в привычный белый халат, а в летнюю рубашку, и не столько увидела, сколько представила себе, как доктор тщательно промывает каждый палец: пунтиком Савельева была чистота, переходящая в стерильность. После мытья рук мылом он еще обрабатывал их спиртосодержащим гелем.

– Вера, ты сама, думаю, понимаешь, как странно эта история звучит, – сказал доктор, оборачиваясь к девушке и промокая руки сорванным с крючка свежим полотенцем. Его слова отозвались в душе Веры неприятным уколом: произнеся, что история «звучит», а не «выглядит», Дмитрий Васильевич тем самым невольно или умышленно свел в своем понимании все случившееся к Вериной выдумке. История, рассказанная

ею, а не увиденная другими свидетелями.

– Понимаю, – вздохнула она. – Но я не выдумываю.

– Да уж, ты у нас обладаешь патологической честностью, – усмехнулся Савельев то ли насмешливо, то ли чуть снисходительно. – А вот скрывать – еще как умеешь. Прямо шкатулка с секретом, а не девушка.

– Так что ты скажешь обо всем этом? – вернулась Вера к первоначальной теме. – Кузьминична точно в порядке? Похоже, она так и не поняла, что что-то произошло.

– В порядке, – нехотя выдавил доктор, потому что не находил причин для беспокойства. – Голуба моя, зря ты так растревожилась.

– Мы за стариков отвечаем, – напомнила строго девушка. – Ты уж осмотри, пожалуйста, Кузьминичну еще раз завтра. Не нравится мне цвет ее лица.

– Мадам у нас с тональным кремом перемудрила, – отшутился Савельев. И, увидев, как нахмурились брови девушки, поспешно произнес: – Ладно, ладно, будь спокойна. Осмотрю ее. Только уже утром. Лады? А сейчас, моя хорошая, с твоего позволения вернусь я домой и досплю остаток ночи. Справитесь без меня?

Вера обиженно дернула плечом: когда это они не справлялись?

– Ну, тогда спокойного дежурства, – кивнул Савельев и снял с вешалки пиджак.

Время до утра прошло без происшествий. Только разбуженная таинственным происшествием старуха Потапова так и не смогла больше уснуть и дважды вызывала медсестер померить давление («а то, как пить дать, вскочило, окаянное!») и дать ей таблетку от головной боли. Да еще раз заглянули в медсестринскую охранники – справились, все ли в порядке. Ирочка порывалась поговорить о ночном происшествии, но Вера не поддержала тему и увела разговор в другое русло. Напарница посопела от недовольства, но, видимо, успокоила себя тем, что еще может пересказать события своей дневной сменщице Алевтине, охочей до слухов и сплетен. А иначе как еще объяснить то, что она отказалась от Вериного предложения подвести ее до дома и под каким-то предлогом задержалась?

Вера попрощалась со встретившимися ей в коридоре проснувшимися стариками, уже совершавшими свой привычный моцион, и наконец-то покинула здание. Сегодняшняя смена ей показалась очень длинной, она чувствовала непривычную усталость и желание как можно скорей оказаться дома и нырнуть в постель. Задержавшись на крыльце, она полной грудью вдохнула еле уловимые запахи озерной свежести и скошенной травы. В этот ранний час воздух – прохладный, тяжелый от влаги – был

особенно вкусен. Солнце только начинало свое восхождение на темно-синее небо с бело-розовой росписью тонких облачков. Большая часть его еще утопала в озере, а другая отражалась в темных, чуть подсвеченных лучами водах, как в зеркале. Видимая часть солнца «соединялась» с отражаемой, и создавалась иллюзия, что оно не круглое, а продолговатое, как ташкентская дыня. Звонкое чириканье пташек добавляло пасторали в эту картину, и Вера подумала, не пройтись ли ей. Летом она иногда так делала: оставляла машину на стоянке и возвращалась домой пешком. Дорога занимала сорок минут и бодрила лучше умывания колодезной водой. После таких прогулок Вера потом еще не сразу укладывалась спать, неторопливо завтракала, занималась домашними делами, готовила себе заранее ужин. Вот и сейчас мелькнула соблазнительная мысль прогуляться, но, едва не поддавшись порыву, Вера разумно рассудила, что после ночного события, переполошившего обитателей пансионата, лучше поскорей вернуться домой и как следует отдохнуть.

Маленький «Пежо», блестящий каплями росы на синих боках, приветливо мигнул фарами, когда хозяйка нажала на кнопку на брелоке. Вера погрузилась в удобное кресло, вдохнула знакомый запах травяного освежителя и только сейчас в полной мере осознала, как устала. Нет, хорошо, что она не отправилась пешком. За рулем бы не заснуть! Она включила радио и вырулила со стоянки. Привычный путь ей показался бесконечным, усталость сковывала по рукам и ногам, мысли путались, не помогала даже бодрящая музыка. Казалось, прошел целый час до того момента, когда она наконец припарковала машину на обочине размытой недавними дождями дороги. На деревянном заборе сидел соседский кот Борька и сосредоточенно вылизывал лапу. На секунду отвлекшись от своего занятия, он проводил девушку равнодушным взглядом и принялся умывать себя лапкой уже за ухом. Вера поприветствовала Борьку, как привыкла делать при встрече с ним, и толкнула скрипучую калитку. Пересекая небольшой земляной дворик, она подумала, что надо снять яблоки с пригнувшихся под тяжестью плодов ветвей и отнести урожай к соседке: пусть из одной части сварит повидло, а другую пустит на компоты. Эта небольшая яблонька, сорта которой Вера не знала, плодоносящая через год кисловатыми яблоками с желто-зеленой кожицей, оказалась единственным выжившим деревом на всем участке. Хозяйство простояло в полном запустении не один год. Вере повезло купить его еще до того, как цены на землю в этих местах подскочили до высот небоскребов. Дом достался ей с разрушенным крыльцом и прохудившейся крышей, и в ремонт его пришлось вложить едва ли не стоимость покупки.

Но зато потом, со свежесрубленным крыльцом, перекрытой крышей, отмытыми окнами, выкрашенный в солнечный цвет, он казался новым.

Вера перешагнула порог и вдохнула привычные запахи мяты и чабреца, смешанные с кофейным духом. Она невольно улыбнулась от радости и мысленно поблагодарила Хозяина – домового, в которого верила, за хранимый уют. Наконец-то у нее есть собственная гавань, наконец-то корабль ее жизни, так долго метавшийся в бушующем океане, разбитый о рифы, с потрепанными парусами, пришвартовался у дружелюбного острова. Ее больше не интересуют неизведанные берега, она устала от штормов и путешествий по сломанному компасу. Это счастье, что островок ее новой жизни так надежно спрятан за скалами, что никакие ветра – ни ураганские из прошлого, ни сулящие перемены бризы – здесь не побеспокоят.

Дом был небольшим: всего две комнаты – гостиная и спальня. Дверь вела не в прихожую, а сразу в большую комнату, отделенную от маленькой кухни перегородкой. Через спальню был вход в ванную, совмещенную с санузлом. Но дом большего размера ей и не нужен был: в более просторном помещении Вера ощущала бы не уют, а пустоту, которую принялась бы заставлять ненужными вещами. А ненужные вещи она не любила еще больше, чем пустоту.

Ей вспомнилось, с каким удовольствием она возрождала к жизни этот умирающий в запустении дом: вначале разобрала кучи хлама, выбросила старую мебель, оставив только большой старинный сундук, который теперь украшал гостиную. Деревянный пол отскребли от бурой, напоминающей цветом засохшую кровь, краски, и Вера сама покрыла прозрачным лаком отциклеванные половицы. Затем она отмыла стены от грязи и жира, тщательно проветрила комнаты и развесила под деревянными балками мешочки с сушеными ароматными травами.

Когда дом был отремонтирован, новая хозяйка занялась участком. Сосед из крайнего на улице дома за небольшую плату выкорчевал три засохших плодовых деревца. Вера выколола сорняки и разбила небольшой огород: зелень, лук, морковь. А оставшуюся часть земли засадила газонной травой и цветами. Ну и уж потом принялась обставлять дом. Предметы обихода хозяйка подбирала с особой тщательностью, долго разыскивая по магазинам и ярмаркам грубые «деревенские» стулья и стол. Ей даже удалось купить узкую лавку, которую она поставила в гостиной вдоль стены и покрыла длинным домотканым полотенцем. На окна Вера повесила нарядные занавески, приобретенные тоже на ярмарке. В кухонном шкафчике поселились подобранные по цвету и стилю тарелки и пиалы

различных размеров и в тон им – чашки с блюдцами. На деревянных полках вдоль стены в маленьких и больших круглых баночках находились специи и крупы, на полках разделочного стола за дверцами прятались банки с вареньями и соленьями, которые Вера получала либо в дар от балующих ее соседок, либо покупала на рынке.

По соседству проживали две старушки, с которыми Вера водила дружбу. Соседки нередко заходили к ней то давление померить, то сделать укол, а то и просто развеять одиночество (мужья обеих давно ушли в мир иной, а дети проживали в столице). Зная, что девушка работает в ночную смену, старушки не беспокоили ее по утрам, если заходили, то уже во второй половине дня. Но иногда приветствовали ее, когда она возвращалась с работы, так как частенько уже с утра пораньше ковырялись в своих огородах.

Вера приняла торопливо душ и, мечтая об отдыхе, нырнула в прохладную постель. Но, видимо, пережитое минувшей ночью наложило отпечаток на ее сны, и ей впервые за долгое время с тех пор, как она поселилась здесь, привиделся кошмар. Она стояла напротив церкви и рассматривала расположенный над высокой арочной дверью каменный крест. И площадь с разбитой подковами брусчаткой, и каменные дома с узкими вытянутыми оконцами, и мрачная церковь, хмуро взиравшая на площадь мутными стеклами, и торопливо процокавшая башмаками мимо незнакомая женщина в глухо застегнутом на все пуговицы длинном платье – все это оказалось непривычным, чужим, незнакомым. Что это за место? Почему она здесь? Ее кто-то ждет? Чувство тревоги, трансформирующейся в страх, сдавило горло так, что Вера коснулась шеи, желая расцепить душасие ее невидимые ладони. Она перевела взгляд на высокую лестницу, ведущую к приоткрытой двери церкви, но так и не решилась сделать шаг. Ее там ждут, но идти ей туда нельзя: спасение, за которым она сюда пришла, обратится для нее погибелью. Ей захотелось повернуть назад, но ноги будто приросли к брусчатке. А дверь тем временем с глухим стоном, тяжело и медленно, начала открываться. На крыльцо упала тень того, кто, не дождавшись Веры, решил сам выйти ей навстречу. Чувство опасности накрыло ее так остро, что девушка наконец-то справилась с оцепенением. Сбежать, пока не поздно! Перебежать площадь, скрыться в узком проеме между двумя домами, уйти отсюда петляющими закоулками! Она развернулась, чтобы бежать, и в этот момент, словно подавая сигнал тревоги, вызванной ее попыткой скрыться, из-под небес раздался гул – такой раскатистый, что девушка от неожиданности втянула голову в плечи и закрыла ладонями уши. Сочный гул, издаваемый церковным колоколом,

сотряс воздух, накрыл площадь невидимым куполом, а Вере показалось, что это упала прозрачная сеть, берущая ее в плен. Не отнимая ладоней от ушей, она боязливо подняла голову, чтобы взглянуть на раскачивающийся колокол, и увидела, как из-за колокольни вырвался всполох черного дыма, завертелся вихрем, и резонирующий гул потонул в хлопающем шуме и пронзительном крике. И только когда вихрь взорвался салютом, рассыпался на отдельные черные «кляксы», залепившие небо, Вера поняла, что это были потревоженные боем колокола вороны. А может, гул и не встревожил их, а дал сигнал им, как стражникам, потому что птицы закружили прямо над ней, спускаясь все ниже и ниже, то сходясь в живой смерч, то опять рассыпаясь на кляксы. И вдруг, словно некто подстрелил их из множества орудий, вороны посыпались на землю. Девушка присела и прикрыла голову руками. А мертвые птицы все сыпались и сыпались с тревожно гудящего неба и били ее по плечам, рукам, голове. Казалось, это продолжалось вечность. И когда наконец-то наступила тишина, Вера не сразу поняла, что все закончилось. Боязливо приоткрыв глаза, она увидела рядом с собой не мертвую птицу, а какой-то листок. Девушка машинально протянула к нему руку, но, перевернув изображением вверх, с криком отбросила. Листок оказался фотографией, выдававшей ее тайну. Вера огляделась и увидела, что вся площадь усеяна бумагами. В панике она вскочила с места и бросилась собирать обличающие ее снимки. Из домов, хлопая дверями, выходили люди, поднимали фотографии, рассматривали их, косились на Веру, перешептывались, показывали на девушку пальцами. А затем, будто сговорившись, начали приближаться, сужая круг, в котором она уже не металась, а стояла, понуро опустив голову и ожидая расправы.

II

Вера проснулась от собственного крика в тот момент, когда толпа людей обступила ее плотным кольцом. Она рывком села на кровати и ладонью вытерла взмокший лоб. В голове до сих пор раздавался колокольный гул. Вера поморщилась и спустила ноги с кровати, чтобы сходить за таблеткой, заглушить надвигающуюся мигрень. Давно с нею такого не случалось – и кошмары, и мигрень.

Настенные часы с кукушкой показывали только половину одиннадцатого, но кошмар прогнал усталость и сонливость, взбодрил, будто ледяной душ. Вера набрала в электрический чайник воды и прямо в халате вышла во двор сорвать пару мятных листочков. Она любила чай с ароматными травами и специально выращивала их на небольшом участке в огороде.

– Вер, а ты чего, не отдыхаешь что ли? – крикнула ей через забор соседка баба Шура и заулыбалась металлическими коронками.

– А я уже, – приветливо улыбнулась девушка в ответ. – Хотите зайти? Я чайник поставила, сейчас заварю чаю с мятой.

– Зайду, – не стала ломаться соседка, подходя к низенькому сетчатому забору, разделявшему два участка. – Давление померяешь?

– Конечно!

– Яблоки надо бы снять, – заметила баба Шура, внимательным взглядом окидывая яблоню, перевесившую через забор ветви, на которых желтели сочные плоды. – А то попадают и попортятся. Хочешь, наварю тебе повидлы?

– Хотела об этом попросить вас, – слегка смущенно призналась Вера. – Я вам заплачу...

– Опять ты за свое! – возмущенно замахала руками соседка и сердито нахмурила брови. – Сколько раз говорила: не предлагай мне деньги! Мне варить-то в удовольствие! А еще больше удовольствия видеть, как ты мою повидлу на хлеб мажешь и ешь! Все мечтаю откормить тебя, а то вон – кожа да кости! Куда это годится?

Баба Шура привычно возмущалась, отказываясь признавать, и что в моде сейчас куда более худосочные девушки, чем в ее времена, и что у Веры просто такое сложение. Но девушка удержалась от спора: повидло у бабы Шуры получалось что надо – прозрачного янтарного цвета, густое, в меру сладкое и ароматное. Ломоть деревенского хлеба с повидлом и чай

с душистыми травами – нет завтрака вкуснее.

– Тогда я сахар принесу, – предложила Вера, и баба Шура на этот раз не стала возражать.

Соседка пообещала заглянуть через четверть часа, и Вера, нащипав мятных листочков, вернулась в дом готовить угощение. Баба Шура любила пить чай с карамельками, и специально для нее девушка покупала в местной лавке «Гусиные лапки» и «Клубнику со сливками». Другая соседка, Зинаида Михайловна, сладкое, наоборот, не жаловала, но не отказывалась от соленых крекеров с сыром. Для нее хозяйка держала всегда пачку печенья.

Когда Вера заливала чайные листья кипятком, раздался звонок мобильного телефона. На дисплее высветился рабочий номер.

– Я тебя разбудила? – раздался в трубке голос Алевтины, медсестры из дневной смены.

– Я не сплю. Что-то случилось?

– Нет, ничего такого особого, как ночью... – В этой заминке явственно послышался жадный интерес напарницы к ночным событиям. Алевтина даже сделала долгую паузу, надеясь, что Вера лично перескажет ей происшествие, но девушка молчаливо выжидала.

– В общем, Кузьминична тебя срочно к себе запросила! – сказала напарница, не скрывая разочарования в голосе.

– Кузьминична? Ей плохо? – встревожилась Вера. Ох, видимо, Савельев проигнорировал-таки ее ночную просьбу осмотреть пожилую женщину.

– Да нет, в общем, не плохо... Перед этим она еще какого-то мужчину к себе вызывала и долго разговаривала с ним. А теперь тебя запросила. Я уж и так, и сяк пыталась ее уговорить, что можно и потерпеть до твоей смены. А она на своем настаивает, говорит, дело срочное и до вечера не дождется!

– Кто не дождется? – не поняла Вера. – Дело или Кузьминична?

– Дело, я так поняла. Ну? Что мне ей сказать? Что ты спишь с отключенным мобильником и я не дозвонилась?

– Скажи, что я буду через полчаса, а то и меньше.

– Вер, да ты что! Это ж стариковские причуды! – удивилась-возмутилась Алевтина. – Наверняка ради какой-то глупости тебя вызывает. Подождет до вечера, ничего с ней не станет.

– Скажи, что я приеду, – отрезала Вера и отключила вызов.

Сборы заняли не больше десяти минут: умыть лицо, махнуть по коротким волосам расческой, переодеться в джинсы и блузу, взять ключи от

дома и машины. Уходя, Вера с сожалением покосилась на стоявший на плотной вышитой салфетке заварочный чайник: позавтракать так и не удалось, но ничего, наверняка дело, ради которого ее вызвали, не займет много времени.

– Баб Шур! – крикнула Вера через забор копающейся в своем огороде соседке. – Меня на работу вызвали! Буду позже. Я вам покричу, когда вернусь.

– Вот же ж неугомонные, – проворчала соседка, выныривая из грядок и обтирая лоб тыльной стороной ладони. – Совсем девчонке отдохнуть не дают. За меня не беспокойся, я могу и завтра прийти, не так уж страшно. Вишь, опять копошусь в огороде...

– Вы с вашим давлением-то не шибко!

– Да что мне сделается! – отмахнулась баба Шура.

Когда Вера подъехала к служебной стоянке перед пансионатом, ночные охранники уже сменились, и Вера на ходу поздоровалась с выглянувшим из комнатки парнем. Интересно, дневная смена знает о ночном происшествии? Девушка скользнула изучающим взглядом по невозмутимому лицу охранника. Ладно, не важно. Что же от нее понадобилось Кузьминичне? Тревога нарастала с каждым шагом, и лестница, которую обычно Вера преодолевала в два счета, показалась высотой до небес.

Она не стала заходить в медсестринскую, сразу направилась к комнате, в которой проживала старушка. Дверь оказалась приоткрытой, Вера постучала для порядка и вошла. Пожилая дама сидела на застеленной кровати, вытянув на покрывале обтянутые плотными чулками ноги. Одета Кузьминична была в синее шерстяное платье со старомодным белым кружевным воротничком. Старушка никогда не носила халатов и спортивных костюмов, ее можно было застать в шелковом пеньюаре поверх длинной ночной рубашки – поздним вечером – и обязательно в платье – в дневное время суток. Но сегодня в ее облике было что-то особо торжественное. Вера невольно замерла на пороге, окидывая взглядом прическу и накрашенное лицо Кузьминичны в желании понять, что же это, но ее внимание тут же переключилось на лежащего на коленях старушки кота. Увенчанные кольцами и перстнями артритные пальцы Кузьминичны ласково почесывали его за ушком, и Гаврила громко, как мини-трактор, рокотал от удовольствия. Идиллическая картинка, если бы не страшная слава Гаврилы. «А ведь он уже пытался пробраться в комнату Кузьминичны накануне», – подумала Вера.

– Верочка, я вас жду! – ласково улыбнулась пожилая дама и махнула

ей рукой, приглашая присесть на стул рядом с кроватью. – Спасибо за то, что приехали!

– Я не могла не приехать, – пробормотала Вера, не сводя взгляда с довольно урчавшего кота.

– Вас, видимо, разбудили, – виновато склонила голову набок Валентина Кузьминична.

– Я не спала, – отговорила девушка. Старушка сделала паузу, переводя взгляд на кота, и какое-то время в комнате раздавалось лишь рокотание, убаюкивающее, как колыбельная. «Затянул песенку смерти», – в отчаянии подумала Вера.

– А меня вот кто сегодня навестил, – словно прочитала ее мысли Валентина Кузьминична. И Вера наконец поняла, что показалось ей торжественным в облике старушки: готовность отправиться в новый путь.

– Не буду утомлять долгими разговорами, у вас и так была непростая ночь... А скоро новая смена. Надеюсь, вы еще успеете отдохнуть, я не задержу вас надолго. Стариковская причуда: захотелось увидеться с вами еще раз.

«Да она никак прощается со мной!» – ужаснулась Вера. Выглядела Кузьминична сейчас на редкость хорошо, не похоже было на то, что ее сегодня тревожили болезни. Но, похоже, визит Гаврилы старушка приняла за знак.

– Как-то вы странно говорите, Валентина Кузьминична! – нарочито бодрым тоном провозгласила Вера, вставая со стула и протягивая руки к недовольно зыркнувшему на нее Гавриле с тем, чтобы выпроводить его из комнаты. Кузьминична отдала ей кота, хоть ее ладонь и скользнула по его шерстке с сожалением. Гаврила недовольно мяукнул, когда Вера поднесла его к двери, и, задрав хвост трубой, с достоинством удалился.

– Видимо, вас напугал кот, – продолжала беззаботно рассуждать девушка, возвращаясь на свое место.

– Ну что вы, как меня может напугать этот чудесный кот? – возмутилась пожилая дама и улыбнулась краешками губ. – Знаете, Верочка, мне кажется, вы с ним чем-то похожи.

– С кем?! – воскликнула Вера. Получилось слишком громко и испуганно. Она тут же смущенно покраснела и мысленно отругала себя: ну что она как маленькая. Кузьминична, скорей всего, имела в виду совершенно другое.

– С Гаврилой. Есть что-то в вас обоих такое... особенное, – сказала старушка и посмотрела на Веру так внимательно, будто знала о ней куда больше, чем Вера предполагала. Да нет, вряд ли. Откуда?

– Гаврила у нас и правда особенный, а я – так, обыкновенная, – улыбнулась, стараясь сгладить неловкость, Вера, но спохватилась, что сказала что-то не то.

– Деточка, – опередила ее Кузьминична, увидев, что невероятно смущенная Вера собирается оправдываться. – Того, что суждено, не избежать, как бы вам этого ни желалось. А рано или поздно мы, старики, все покинем это заведение, и, к сожалению, уже лишь в одном случае. Впрочем, зачем сожалеть? У каждого из нас за плечами слишком долгий путь.

Не нравилось все это Вере, очень не нравилось. Кузьминична обычно острела, несерьезно капризничала, кокетничала или учила Веру «женским премудростям», но не пускалась в философские размышления.

– Я попросила доктора Савельева осмотреть вас. Сегодня же.

– Ах, детка, зачем эти напрасные хлопоты! – взмахнула рукой так, что засверкали самоцветами камни в перстнях, Кузьминична. – Я прекрасно себя чувствую! Зачем отвлекать от насущных дел этого чудесного мужчину?

– Это прекрасно, что прекрасно! – улыбнулась Вера. – Но все же пусть вас осмотрит.

– Ну, пусть, раз ему больше нечем заняться, – по-стариковски проворчала Кузьминична. Ее руки, после того как Вера выпроводила кота, сейчас не могли найти себе занятие. Они то начинали расправлять и без того аккуратно разложенный подол платья, то комкали его, то разглаживали уже покрывало, выдавая нервозность при видимой невозмутимости пожилой дамы. Видимо, Валентина Кузьминична это тоже поняла, потому что встала и подошла к столику возле окна, на котором стоял электрический чайник.

– Выпьете со мною чаю?

Вера кивнула.

– Вы – лучик солнца, – неожиданно произнесла старушка. – Захотелось еще раз вами полюбоваться.

– Валентина Кузьминична, я рассержусь! Мне не нравится то, что вы говорите. Если желаете, я выпью с вами чаю, но тему мы сменим.

– Вы не понимаете, деточка... Вернее, понимаете, но не желаете принимать. Ну, хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему.

В две чашки опустились пакетики заварки, Валентина Кузьминична разлила кипяток, распечатала пачку печенья и кивком головы пригласила Веру. Девушка подвинула к столику кресло и, для себя, стул и присела.

– Сахара нет. Как вы знаете, я пью несладкий чай. Ваш эскулап

запретил, – лукаво улыбнулась хозяйка комнаты. – Впрочем, правильно, от сахара один вред! Хотя жизнь сама по себе вредна, так зачем отказываться от маленьких слабостей? Я вот всю жизнь отказывалась, а сейчас подумала... Впрочем, какое это уже имеет значение? Деточка, может, выпьем чаю с сахаром?

– Я сейчас принесу, – поняла намек Вера и встала, чтобы сходить в медсестринскую.

В коридоре ей никто не встретился: старики в это время прогуливались в садике, совершая предобеденный моцион. В комнате для персонала тоже никого не оказалось, но недавнее присутствие Алевтины выдавал лежащий на столе свежий номер «Космополитена». Вера открыла шкафчик, сняла с полки коробку с кусочками сахара и поспешила ретироваться.

– Верочка, вас очень напугало это ночное происшествие? – спросила вдруг Валентина Кузьминична, когда они уже сидели за столиком и прихлебывали горячий чай. Вера посмотрела внимательно на собеседницу, пытаясь по ее лицу понять, что ею больше двигает – любопытство или искреннее беспокойство. Но прочитать истинные эмоции оказалось затруднительно, потому что в этот момент Кузьминична поднесла ко рту чашку и опустила взгляд.

– Напугало, – не стала отрицать девушка. – Меня беспокоило, что этот человек кому-то из вас нанесет вред.

– Как всегда, думаете не о себе, а о других.

Вера пожалала плечами, так, словно о себе беспокоиться не привыкла.

– А вас? Напугало?

– Что вам сказать... Наверное, я, как и любая из здешних старух, в первую очередь почувствовала любопытство, – лукаво улыбнулась Валентина Кузьминична. – Мы ж такие: закричи кто «Пожар!», сбежимся посмотреть, а потом еще долго будем мусолить происшествие. Что поделать, наш возраст уже не балует нас событиями.

– Мне не поверили, – призналась вдруг Вера.

– Небось этот эскулап? Так ему, Верочка, надлежит верить лишь в то, что он может потрогать руками. Не берите в голову.

Кузьминична надолго замолчала, погруженная в свои мысли, но по дважды брошенным на Веру быстрым взглядам девушка догадалась, что пожилая дама хотела ее еще о чем-то спросить, но почему-то не отважилась.

– Верочка, спасибо вам за компанию! – сердечно поблагодарила Валентина Кузьминична, когда девушка поставила на столик пустую чашку. – Не буду злоупотреблять вашим временем, вам еще нужно

отдохнуть до вечерней смены.

– Мы увидимся вечером! – бодро сказала Вера, вставая со стула.

– Да-да, конечно! – растерянно улыбнулась пожилая женщина, опять думая о чем-то своем.

– Я напомним доктору Савельеву, чтобы он заглянул к вам.

– В этом нет необходимости, но раз вы настаиваете... Тогда уж после обеда. Я сейчас немного отдохну, а после готова буду принять нашего расчудесного доктора. Скучная же у него работа – осматривать нас, старух! Ему бы девок молодых в соку, а не нас. Впрочем, девки в соку во врачах почти не нуждаются.

– Отдыхайте, Валентина Кузьминична!

Женщина лишь махнула рукой. Уходя, Вера оглянулась с порога и спросила, не нужно ли купить что-то. Частенько она выполняла просьбы стариков купить ту или иную вещь для личного пользования. Для Валентины Кузьминичны она покупала тональный и детский кремы.

– Нет-нет, спасибо, детка! Все у меня есть... А пожалуй, да, обременю вас одной просьбой.

Последнюю фразу Кузьминична произнесла так, будто на что-то, переборов сомнения, решилась. Она встала, подошла к шкафу, открыла дверцу, покопалась в ящике с бельем и вытащила жестяную коробочку из-под датского печенья.

– Фотографии у меня тут всякие хранятся... – пояснила пожилая дама и извлекла из коробки маленькую записную книжечку в черной обложке. – Вот, возьмите, пусть будет у вас.

Вера растерянно приняла книжечку.

– Ну, все, детка! Буду отдыхать, – лучезарно заулыбалась старушка. Вера сунула телефонную книжку в карман джинсов и попрощалась.

А вечером Кузьминична умерла. Спускалась по лестнице, споткнулась и при падении сломала шею.

* * *

– Скажите, разве она не прелесть?

Рука с просвечивающими сквозь тонкую, усыпанную веснушками кожу венами ласково, будто по кошачьей шерстке, скользнула по черному кожаному переплету.

– Подумать только, сколько в ней хранится тайн. Страшных, кровавых, конечно, но от этого еще более завораживающих. Вот послушайте...

Альбинос послушно прислушался, но ничего, кроме еле уловимого шелеста переворачиваемых страниц, не различил. Не рассказывала ему никаких кровавых тайн эта книга. Только вот показала. Совсем недавно и дважды. Последнее воспоминание о лежащем на цементном полу теле молодой девушки заставило его невольно содрогнуться. «Надеюсь, с трупом у них не возникло проблем», – подумал мужчина о своих помощниках. Ему до сих пор не позвонили с отчетом, и это тревожило. Задумавшись, он не сразу заметил, что за ним пристально наблюдают.

– Какие-то сложности? – услышал альбинос и вздрогнул.

– Нет, нет, никаких сложностей, – фальшиво улыбнулся он.

Подумаешь, малознакомая девица померла. Еще одна. Сложность это или нет?

– Надеюсь, эта... девушка не принесет нам хлопот? Я не люблю шум, знаете ли.

– Не принесет, – заверил альбинос. Ох, хотел бы он сам быть в этом уверен. Но он постарался, чтобы голос его прозвучал бодро.

– Смотрите... Так вернемся к нашей книге. Как видите, она уже показала свой, гм, строптивный характер.

«И не в первый раз», – кисло подумал альбинос, но промолчал. Ему здесь надлежит стоять и с подобающим видом выслушивать любой бред, любые капризы. Строптивный характер у книги – это еще придумать надо! Еще скажите, что у этой пачки истончившейся до паутины бумаги, облаченной в черную протертую кожу, есть душа.

– Не знаю, почувствовали ли вы, что в ней есть душа? Как в любой старой вещи с историей...

Ну вот, так и есть – пошли размышления про душу, историю... Бабкины сказки. Он никогда не любил сказки. И вообще, его сейчас волнует другое – удалось ли замести следы после неудачно закончившегося чужого каприза? Кто-то пальцами щелкает и прихоть свою выказывает, а кто-то потом по уши в дерьме оказывается. Альбинос мысленно вздохнул, но продолжил с делано заинтересованным выражением лица слушать то, что ему говорили.

– У меня всегда были две страсти – старые вещи и книги. А уж если это старая книга... Люблю я истории. Но не столько слушать, сколько... угадывать, домысливать, раскапывать. И у меня, знаете ли, неплохо получается. А у этой книги прелюбопытнейшая история. Вот послушайте. Она похожа на сказку. Да садитесь вы, садитесь! Вот сюда.

Альбинос послушно присел на краешек предложенного дубового табурета, тоже, видимо, «с историей». Он, наоборот, к старым вещам

относился как к износившемуся хламу, от которого нужно избавляться, и никогда не понимал этой чужой страсти к антиквариату. Ну что может быть замечательного, к примеру, вот в этом неудобном тяжеленном табурете, который и с места с трудом сдвинешь? А ведь наверняка найден он не на помойке, а куплен за бешеные деньги в какой-то пропахшей пылью и нафталином антикварной лавке. Раздражение закипало в мужчине, словно молоко, грозя выплеснуться через край в самый неподходящий момент. Но он старался себя контролировать: уже где-где, но не здесь выказывать ему свои недовольства. Сказали слушать сказку – значит, придется слушать. Как миленькому или, точнее сказать, как маленькому. Все же слушать сказки – это тебе не трупы прятать. Послушает.

– А знаете, хоть этой книге века два, история ее началась гораздо позже. Со свадьбы.

Ой, гуляла свадьба! Пир на всю деревню, шумно, весело. Женили Ивана Неторопова, человека не то чтобы богатого, но и не бедного, бездетного вдовца тридцати лет от роду. Пир горой, песни, прославляющие молодых, слышны за околицей, блюда сменяют одно другое, крепкие напитки – рекой. Не поскупился Иван на празднество: пусть прославляют их с нареченной гости, желают благополучия и счастья, да и невеста, юная Марфа, пусть знает, как щедр и добр ее муж. До чего же хороша она! Глаз не отвести. Прелестна в своей юности и скромности, глаза застенчиво опускает, встречаясь с мужем взглядом, улыбается краешками губ, а на щеках алеет нежный девичий румянец. Чудо как хороша!

Четыре года Иван вдовствовал, жил небедно, торговлей потихоньку ведал, и не в убыток себе. С первой женой жил не то чтобы в раздоре, но и любви особой между ними не было. Сосватали их по юности уже покойные родители. Прожил Иван в супружестве восемь лет, детей так и не нажили. А потом умерла, промучившись с месяц болезнью, жена. Не думал Неторопов вновь жениться, но одиноко стало: не старый он еще мужик, собой не плох, достаток есть. Да и хозяйство женщине вести куда сподручней. Собрался Иван и отправился к деревенской знахарке и известной свахе Лукерье – просить найти ему невесту хорошую, работающую, несварливую. Сваха подарок, им принесенный, приняла и ответила, что есть у нее на примете девица – в работе спорая, собою приятная. Сирота, живущая в работницах в семье Коневых, что из соседней деревни. Приданого, правда, за нее не обещают, но девушка уж больно мила. Ну, если выйдет из нее жена хорошая, то почему бы и не жениться? И затеялось сватовство. Неторопов не поскупился на хорошие

подарки семье, из которой собрался брать невесту, и Лукерья вместе с другой свахой отправилась сватать. Поговорили да смотрины назначили, на которые и Иван поехал. В доме невесты встретили их с почестями, проводили за стол, где уже был поставлен сладкий пирог. Нареченного жениха усадили вперед, помолчали для приличия, а затем Лукерья попросила явиться «пирожницу» – ту, которая поставила на стол угощение. Иван обратился весь во внимание, ожидая впервые увидеть свою нареченную. Одно дело – слушать рассказы Лукерьи, а другое – увидеть невесту своими глазами. А ну-ка не придется она ему по душе? А хозяйка уже выводила к столу девушку, облаченную в вышитый сарафан и белоснежную рубаху. Увидел Неторопов нареченную, замер, от восхищения дыхание аж перехватило: права была Лукерья, хороша девица. Совсем юная, тонкая и гибкая, как травиночка, идет плавно, опустив скромно голову. На щеках алеет румянец, толстая русая коса с вплетенными в нее красными лентами перекинута через плечо. Все за столом встали, приветствуя девушку. А Иван, засмотревшись на красавицу, позже всех поднялся. Неужели такое сокровище – ему достанется? А Марфа подняла васильковые глаза, кротко посмотрела на него и вновь потупилась, но и этого короткого взгляда Ивану хватило, чтобы почувствовать сердечный укол. За все время обеда нареченная едва вымолвила два слова, но Ивану ее смущение и скромность только нравились: его прежняя жена была сварлива и криклива. Хорошо прошел обед, а там уже и сговор назначили, ударили по рукам да разломали пирог в знак нерушимости сговора. И принялись за приготовление к венчанию: оповестили гостей, снарядили свадебные чины, выбрал Иван в тысяцкие давнего приятеля Савву, посаженных отца и мать назначили. Накануне венчания явились в дом к Ивану свахи – свадебное ложе подготовить да защитить его от нечистой силы. Первой вошла главная сваха Лукерья с рябиновой ветвью в руках, обошла все кругом, а остальные за нею принялись готовить ложе: снопы постлали, на них – ковер, а уж сверху перины, простыни и подушки. Ивану все эти хлопоты казались далекими, будто не с ним все происходило. Мальчишеское волнение затапливало его душу – такое сильное, какое он, наверное, никогда в жизни не испытывал. Наряжался к торжеству, а все думал о том, что сейчас бабы под свадебные песни обряжают его Марфу в лучшее платье, в последний раз надевают ей на голову венец – символ девичества. А нареченная в это время плачет. Согласно ли традиции или искренне, пугаясь новой жизни в замужестве? Не бойся, Марфонька, не бойся, милая, будешь ты счастлива и любима.

Всю дорогу до дома, где жила Марфа, выкуп и церемонию венчания Иван был будто во сне, до конца не веря в обрушившееся на него счастье. Робко косился на невесту, так же несмело коснулся ее уст первым брачным поцелуем. Не юный уже отрок, а робел и волновался как мальчишка.

А на обратном пути случилось нечто, нарушившее счастливый ход событий и сильно напугавшее невесту: свадебному поезду дорогу перебежал волк, остановился на обочине и вдруг оглянулся, так, словно желал поглядеть на невесту. «Ох, не к добру!» – воскликнула Марфа и крепко вцепилась в руку своего уже мужа. «Ну что ты, милая! Это просто волк, что он нам сделает? Смотри, он уже скрылся в лесу!» Иван ласково погладил ладонь своей молодой жены, желая успокоить. «Не к добру это, – опять прошептала Марфа. – Как он на нас глянул... Будто не зверь, а недобрый человек». Иван зашептал жене вновь ласковые слова, но невольно вспомнилось ему то, что говорила накануне Лукерья. «Надо бы позвать на свадьбу мельничного колдуна». Говорили, что на старой заброшенной мельнице живет отшельником колдун, который на людях редко показывается, но местные бабы изредка бегают к нему за зельем каким или с просьбой о помощи. Сказывали, что колдун тот так страшен собой, мрачен и нелюдим, что осмеливаются идти к нему только уж в сильном отчаянии, по пустякам не тревожат. «Что ты, Лукерья? Как его звать? На светлую свадьбу – черного душой человека, антихриста? Невесту мою напугает». Лукерья, упрямая баба, поспорила, но сдалась. «Ну, гляди, как бы он не заявился непрошеным гостем, – предупредила она. – Обидится сильно, осерчает». – «Да он и знать-то не будет», – возразил Иван. И больше о том колдуне они не говорили. Лукерья выполнила все обряды защиты от нечистой силы, порчи и сглаза. Да только вот сейчас, увидев, как недобро покосился волк на невесту, Иван вновь вспомнил о том колдуне с мельницы: не он ли, обратившись в зверя, вышел навстречу их свадебному поезду? Сгинь, сгинь, нечистый!

Марфу удалось успокоить, и Иван и думать забыл о том волке. Свадьба пела и плясала, молодых прославляли, напитки лились рекой, веселились гости, а молодые, казалось, не замечали вокруг ничего. Глядел Иван на свою молодую жену, перехватывая ее нежный взгляд, и сердце его тонуло в радости и счастье.

Вдруг раздалась чьи-то испуганные крики, а следом за этим наступила тишина, прерываемая лишь шепотом, докатившимся до молодых тревожной волной:

– Колдун... Колдун...

Марфа побледнела и крепко сжала мужу локоть. Иван, собрав волю в кулак, дабы своим испугом не встревожить молодую еще больше, встал и поклонился вышедшему на середину избы незваному гостю.

– Проходи, гость дорогой, если с добром пришел. Отведай нашего угощения.

Тут же верный тысяцкий, Савва, поднес гостю чарку с крепким напитком, а Лукерья с другой стороны – кусок пирога. Гость, хмуро глянув из-под густых бровей на молодых, в ответ слегка склонил голову. Не сняв шапки, взял чарку и одним махом опустошил ее. Пирог лишь надкусил и положил обратно на блюдо. Иван смело глянул на гостя: не так уж он страшен собой, как рисовала его людская молва. Не старик столетний, а крепкий мужик, волосы, выбивающиеся из-под шапки, черны как смоль, спина не согнута еще тяжестью долгих лет. Только взгляд темных глаз недобр, пугает.

Марфа, дрожа как осиновый лист, нащупала ладонь мужа своего и сжала ее. А Иван указал рукой на свободное место за столом и пригласил гостя сесть.

– Не рад ты меня видеть, – вымолвил скрипучим голосом колдун, глядя виновнику торжества в глаза. – Нежеланный я гость. Ну что ж, у тебя я побывал. Теперь ты ко мне придешь.

Сказал и пошел прочь. Гости испуганно расступились, давая колдуну проход. Он ушел, а в комнате еще долго звенела напряженная тишина.

– Эк, напугал мне молодую! – нарочито весело воскликнул Иван, дабы прервать замешательство. – Гуляйте, гости дорогие! Ешьте, пейте! Прославляйте молодых песнями.

Мало-помалу вернулось веселье, о страшном госте никто больше не вспоминал, только Марфа до конца праздника сидела ни жива ни мертва и на встревоженные вопросы мужа не отвечала.

Свадьбу отгуляли, и зажили Иван с Марфой в любви и согласии. Не мог нарадоваться на свою жену Неторопов: и красива, и скромна, и работящая какая. И к нему, мужу своему, с душой и лаской обращается. Поселилось счастье в доме, которого не было уже много лет. Да и было ли оно? Марфа – ясное солнышко, с улыбкой и песней день спозаранку встречает, все в ее руках спорится, все ладно делается. Никогда Иван не видел ее грустной или недовольной. Да и свой нрав, глядя на жену, менять стал. Ну как тут оставаться по-прежнему суровым и неприветливым, когда счастье душу переполняет? Лукерья, сваха, стала в доме их желанной гостьей, почитал ее Иван теперь как мать родную.

И все бы хорошо, жить им и дальше радоваться, да заболела тяжело

Марфа. Слегла после Рождества, три месяца спустя после свадьбы. Не ест, не пьет, не встает, пылает жаром. «Ох, видно, Ванечка, не суждено нам долго быть вместе. Прощай, милый...»

III

Несчастный случай нарушил мирное течение жизни обитателей пансионата, всполошил, закрутил в печальной суете. И хоть это случилось до того, как Вера заступила в свою смену, большая часть печальных хлопот легла на ее плечи. За все время работы не было на памяти девушки ночи тяжелей этой. Тело покойной давно увезли, стариков успокоили и уложили спать, а дел у Веры все не убавлялось. Они разделили с напарницей работу между собой: Ирина раздала старикам необходимые лекарства, измерила давление и температуру, выполнила мелкие просьбы перед сном, а Вера взяла на себя хлопоты, связанные с гибелью Валентины Кузьминичны: звонила родственникам (трубку снял сын, разговор вышел короткий и какой-то казенный, лишенный эмоций со стороны сына), разговаривала с двумя полицейскими. Затем собрала вещи Валентины Кузьминичны, чтобы передать их ее сыну. Всю работу она выполняла механически, словно заведенная кукла, с непроницаемым лицом. И только уже после того, как закончилась смена, в салоне машины расплакалась. Каждый уход стариков Вера принимала близко к сердцу, так и не смогла привыкнуть к этой неизбежной части своей работы. А Кузьминична была ей по-особому дорога. «Она знала», – подумала Вера, глядя сквозь пелену слез на дорогу. «Вы не понимаете, деточка... Вернее, понимаете, но не желаете принимать», – вспомнились ее слова. Чем дольше Вера думала над словами Кузьминичны, тем больше ей казалось, что старушка вложила в них куда более глубокий смысл, чем могло показаться на первый взгляд. Но что Кузьминична знала о ней? Только то, что Вера сама могла рассказать. Но о себе она предпочитала не распространяться.

«Вы с Гаврилой чем-то похожи»...

...Ей было шесть лет, когда это случилось впервые. Тот случай разрушил атмосферу беззаботного счастья в ее семье, вспоминался в разговорах, даже когда Вера уже повзрослела.

Они жили в спальном районе на одной из конечных станций столичной ветки метро. В ту пятиэтажку родители въехали в год, когда родилась Вера, и довольно быстро подружились с соседями по площадке – молодой парой, которая свою квартиру получила в качестве свадебного подарка от родственников с обеих сторон. Вначале сдружились молодые женщины, оказавшиеся ровесницами, а следом уже и их мужья нашли общие интересы. Лет до четырех Вера так и считала соседку своей родной

теткой, так как та всегда оставалась с нею, когда маме нужно было сбежать в парикмахерскую или когда родители вечером уходили в кино. Своих детей у соседней Нечаевых не было, и причина тому была медицинская, как потом, уже годы спустя, обмолвилась мама. Поэтому тетя Вита Нечаева нянчилась с маленькой Верой как с дочкой, постоянно делала ей подарки. То «гэдээровскую» куклу принесет, то игрушечную коляску, то красивое платье, то просто шоколадку. Соседка работала в большом универмаге и заведовала одной из секций, поэтому имела возможность что-то «припрятать» из полученных дефицитных товаров, которые частенько и не доходили до прилавков, а распределялись по родственникам и знакомым. Ее муж, несмотря на молодость, тоже занимал неплохую должность на производстве. Они оба, муж и жена, происходили из небедных семей, в которых были и дачи, и служебные машины, и дефицитные продукты по спецзаказам. Однако не кичились происхождением и были на равных со своими менее состоятельными друзьями. Как-то соседка рассказала маме Веры, что и брак их был тоже тщательно спланирован родственниками с обеих сторон, но, несмотря на это, в их семье присутствовала любовь.

Когда Вере исполнилось пять лет, у соседней появилась вначале дача, а потом и машина – новенькие «Жигули». И Вера с родителями стали частыми гостями на даче. Это даже превратилось в традицию: во второе и последнее воскресенье каждого летнего месяца отправляться на дачу семьями, жарить шашлык, купаться, если погода позволяла, в местной быстротечной речушке. Так прошло почти два лета, и вот наступила суббота, предшествующая тому последнему воскресенью августа. В квартире Веры активно велась подготовка к предстоящему выезду. Папа готовил удочки и собирал большой рюкзак, в который свободно помещалась дочь. Сосед во дворе мыл машину. Мама мариновала дефицитное мясо, которое принесла тетя Вита на шашлыки (считалось, что маринад у мамы выходит куда лучше). Соседка же на их кухне резала крупными кольцами луковицы, которые мама затем голыми руками вдавливала в сырое мясо в эмалированной кастрюле. Все находились в радостном предвкушении предстоящей поездки. И только Вера, которая всегда больше всех радовалась этим путешествиям, сидела в комнате и не выходила на кухню, хотя обычно вертелась рядом во время сборов.

– Что с тобой? – спросила мама, зайдя с соседкой в комнату. – Ты не заболела случайно?

– Нет! – буркнула девочка и залезла под покрытый скатертью с кистями стол в комнате – свой «домик», в котором пряталась, когда на что-то обижалась. Тетя Вита, присев на корточки, заглянула под скатерть

и посулила надувшейся девочке пупса-младенца. Но Вера молчала и лишь сверлила молодую женщину взглядом, который той показался вдруг таким страшным, недетским, что она отпрянула.

– Почему она на меня так смотрит? – растерянно пробормотала соседка, вставая на ноги и обращаясь уже к матери Веры.

– Оставь ее, Вита, – сказала, вздохнув, та. – Подуется и отойдет. Вот увидишь, завтра будет скакать и бегать как ни в чем не бывало. Стрекоза!

– Я не хочу ехать! – выкрикнула из своего укрытия девочка. – Не хочу! Не хочу!

– Но почему? – тут уже растерялась мама. Вера забилась в дальний угол, но даже оттуда ей были видны обутые в пушистые тапочки ноги мамы, которые потоптались рядом со столом, будто в нерешительности, а затем мама, как перед этим – тетя Вита, присела на корточки и заглянула под стол. Испачканные в рассоле руки она держала на весу, развернув их тыльной стороной кистей от себя, и от них исходил острый и аппетитный запах уксуса и лука. Вера сглотнула слюну: ей представилось, как папа готовит пропитанное соусом мясо, дым, подхватываемый ветром, разносится далеко за пределы дачи, щекочет ноздри, вызывает урчание в животе. Воображаемый запах приготавливаемых шашлыков смешался с запахом бензина и кожи, который витал в салоне машины соседей, с запахом речной свежести, земли и травы, и на мгновение девочкой овладела та неожиданно утраченная сегодня радость от предстоящей поездки. Вера уже подалась вперед к матери, как это ощущение сменилось другим, и девочка отшатнулась, вжавшись в стену и втянув голову в плечи от охватившего ее ужаса. Он, подобно смерчу, затянул ее в свою тугую воронку, сжал, словно в тисках, так что Вере стало трудно дышать. Аппетитный аромат шашлыков сменился тошнотворным запахом, который девочка не смогла идентифицировать, а глаза вдруг застило черно-красное марево.

Что было потом, Вера не помнила. Очнувшись она уже в своей постели, одетая все в то же платье и обутая в тапочки. Рядом стояла встревоженная и заплаканная мама, а отец сидел на кровати, положив дочери жесткую ладонь на лоб.

– Пришла в себя? – тревожно спросила соседка, также находившаяся в комнате.

Отец, не глянув на нее, кивнул.

– Может, вызвать врача?

– Не надо, – испуганно отозвалась Вера. Чувствовала она себя лучше, только слегка кружилась голова да все не отпускал тошнотворный запах,

след которого будто повис в воздухе.

– Я не хочу ехать! – жалобно проговорила девочка, глядя отцу в глаза.

– Хорошо, не поедem, – кивнул тот и растерянно оглянулся на жену. – Температуры вроде нет. Может, она съела что-то не то? Вера, у тебя болит живот?

Девочка качнула головой.

Ее переодели в пижаму и уложили спать раньше времени. Вера лежала одна в комнате, следя за теньями на потолке, которые превращались в страшные фигуры. Не помогало даже зажмуриться: тени тут же трансформировались в ее воображении в яркие, налитые красками картины, такие ужасные, что Вера боялась вздохнуть. Надо было бы позвать маму, попросить ее посидеть рядом, но мама была занята на кухне: заканчивала что-то упаковывать, шуршала бумагой и целлофановыми пакетами. Папа продолжал тихонько шебуршиться в коридоре, докладывая в рюкзак необходимые для пикника вещи. А Вера, глядя в потолок, на котором тени наконец-то начали сливаться в одно сплошное темное пятно, глотала слезы, но уже не столько из-за страха, сколько от осознания того, что родители не вняли ее просьбам и продолжают как ни в чем не бывало сборы. Она так и уснула – заплаканная, напуганная, совершенно не успокоенная, а просто сраженная усталостью. Но отдыхала она недолго, вскоре проснулась с жаром и тогда уже жалобно позвала маму.

Температура, несмотря на лекарство, так и не спала к утру, и внезапная болезнь дочери очень расстроила родителей. В семь утра, как и было условлено, в дверь позвонила соседка. Вера, лежа в постели, слышала, как мама огорченно говорит подруге о заболевшей дочери, затем выносит с кухни кастрюлю с замаринованным мясом, желает хорошо провести день и закрывает дверь. Девочка только тогда спокойно выдохнула, повернулась на бок, прикрыла глаза и наконец-то провалилась в сон. К тому времени, когда пришел участковый педиатр, температура у нее уже спала сама по себе. Врач осмотрел девочку и не нашел даже признаков простуды или гриппа, но все же порекомендовал еще день постельного режима. Выспавшейся Вере принесли по ее просьбе карандаши и альбом, и она прямо в кровати занялась рисованием. Только выходили у нее в этот раз совсем не принцессы, а другие картинки. Закусив губу, Вера размашисто черкала карандашом по листу, оставляя резкие штрихи, и не могла остановиться, будто некто водил ее за руку.

– Не переутомляйся, – сказала, войдя в комнату, мама. Девочка машинально кивнула и сменила черный карандаш на красный. Когда она закончила штриховать лист, почувствовала себя такой уставшей, словно

рисование отняло у нее все силы. Вера прикрыла глаза и с удовлетворением отметила, что страшные образы уже не атакуют ее, словно остались на бумаге. И в это время раздался телефонный звонок. Вера услышала, как мама вышла в коридор, сняла трубку и сказала: «Алло!» А затем, после недолгой паузы, в которую, видимо, выслушивала то, что ей говорили, вскрикнула и запричитала. Вера осторожно встала с кровати и, подойдя к двери, замерла. Мама уже не причитала. С трубкой в одной руке и телефонным аппаратом в другой она присела на край тумбочки и, слушая то, что ей говорят, изредка кивала, словно невидимый собеседник мог ее видеть, и шепотом поддакивала. Лицо у нее было растерянным и испуганным, на щеках блестели слезы.

– Да-да, конечно, конечно... До свидания! – попрощалась мама и аккуратно соединила, будто они были половинками, трубку с аппаратом, подержала телефон в руках и затем тихонечко поставила его рядом с собой на тумбочку.

– Кошмар какой. Какой кошмар, – пробормотала она, медленно встала и, не заметив дочери, вышла в комнату, в которой отец смотрел телевизор. Вера на цыпочках шмыгнула следом за мамой. Ощущение случившейся беды тянулось из коридора в комнату шлейфом, как запах душных духов, и в ближайшие моменты грозило окутать всю их небольшую квартиру целиком. Мама прошла к телевизору и выключила его.

– Нечаевы погибли, – сказала она, повернувшись к медленно встающему из кресла отцу. – Сейчас позвонили. Лобовое столкновение с бензовозом. На месте... Там, говорят...

Голос ее дрогнул, и она, некрасиво искривив рот, срывающимся голосом добавила:

– Если бы Верочка не заболела...

Вера тихо развернулась и вышла из комнаты. Ее вдруг бросило в жар, словно она оказалась рядом с пожаром, и страшные картины вновь возникли перед глазами: яркие всполохи и черный дым. Ее замутило. Вера с трудом добрела до своей кровати, не в силах даже позвать на помощь маму, и ничком легла в постель. Ей не нужно было расспрашивать родителей, удивляться, почему они такие расстроенные, спрашивать, что случилось с тетей Витой и дядей Лешей. Она поняла, что ни тетя Вита, всегда такая красивая и пахнувшая вкусными духами, не придет к ним в гости и не принесет обещанного пупса-младенца, ни дядя Леша никогда больше не будет мыть во дворе свою машину.

Постепенно дурнота стала отпускать, уводя за собой образы, как отступающая разгромленная армия. Вера лежала и ждала, зайдет ли к ней

мама или нет. Может, если бы мама в тот момент пришла к ней, девочка рассказала бы ей о том, что случилось с нею. Но мама все не приходила и не приходила, и Вера, не дождавшись, уснула. А утром она уже проснулась абсолютно здоровой.

...Вера припарковала машину и быстро шмыгнула к себе, надеясь, что соседки ее не заметят и не отвлекут расспросами. Разговаривать с кем-либо сейчас ей не хотелось. Дома она умылась на кухне холодной водой, а затем включила электрический чайник. В ожидании, когда закипит вода, порылась в сумочке в поисках сигарет. Курила Вера очень редко, одна и та же пачка, забытая, могла лежать в ее сумке месяцами, пока хозяйка не вспоминала о ней после какой-нибудь особо тяжелой смены.

Вера извлекла из маленького отделения сумки пластмассовую зажигалку, а затем, думая, что это пачка, – черную книжечку. Надо же, а она совсем забыла о ней! Вера повертела блокнот, данный ей Валентиной Кузьминичной, а затем пролистала его. Ничего интересного внутри не оказалось, только несколько телефонов, вероятно, близких знакомых старушки. Правильно было бы позвонить по ним и сообщить о кончине Кузьминичны. Вероятно, она именно этого и хотела.

Клацнула клавиша вскипевшего чайника, но Вера уже набирала со своего мобильного первый номер – некой Марии Сеницыной. Следом последовал номер Галины Старополовой. Обзвонив почти всех указанных в книжке людей, Вера отложила телефон, налила в чашку кипятка и опустила в него чайный пакетик. Ни сил, ни терпения заваривать чай по всем правилам не осталось, ей хотелось сладкого и горячего чаю немедленно.

Звонки оказались неплодотворными и привели Веру в легкое недоумение. Мария Сеницына ответила, что никакой Валентины Кузьминичны не знает. Телефон Галины Старополовой оказался отключен, как и телефон некой Яны без указанной фамилии. А по номеру, значившемуся в книжке как телефон Сергея Петрова, ответила женщина и кратко сообщила, как и Мария Сеницына, что ни с какой Валентиной Кузьминичной не знакома, а Сергей Петров скончался. После чего собеседница, не прощаясь, повесила трубку.

Вера отставила пустую чашку и закурила. По двум телефонам, которые сейчас оказались отключенными, она решила перезвонить позже. Оставался еще один номер, записанный на последней странице под именем Яны. Вера докурила сигарету до середины, затушила ее о край блюдца и вновь взяла со стола мобильный.

Ей долго не отвечали, и когда она уже собралась отключить вызов,

в трубке наконец раздалось сонное «алло», произнесенное мужским голосом. Похоже, она разбудила владельца голоса. Девушка сразу же почувствовала себя неловко, но, взяв себя в руки, произнесла то, что говорила и предыдущим абонентам:

– Здравствуйте! Простите за беспокойство. Ваш номер записан в телефонной книжке Светловой Валентины Кузьминичны.

– В чьей книжке? – перебили ее. Вера вздохнула про себя: и этот человек тоже не был знаком с покойной.

– Валентины Кузьминичны Светловой...

– А кто это? – с недоумением спросил собеседник.

– Это... – начала Вера и осеклась. – Простите, я зря вам позвонила.

Валентины Кузьминичны не стало вчера, и я обзваниваю ее знакомых.

– Но мы с ней не знакомы.

– Да-да, я уже поняла. Простите за беспокойство.

– Да нет, ничего. Примите мои соболезнования.

– Спасибо, – ответила Вера и не стала пояснять, что Валентина Кузьминична не приходилась ей родственницей. Она почему-то вдруг уцепилась за голос безымянного собеседника, как за руку друга, и не желала его отпускать. Но мужчина, проговорив дежурные слова, уже попрощался, и в трубке раздались гудки. Вера еще какое-то время их послушала, будто не веря в то, что ее оставили одну, а затем аккуратно положила мобильный на стол. Интересная вырисовывается картина. Два человека, чьи телефоны были внесены в книжку Валентиной Кузьминичной, заявили, что не были с ней знакомы. Один человек умер. По двум номерам, по которым не удалось дозвониться, девушка решила перезвонить позже.

Возможно, Кузьминична внесла в книжку полезные контакты вроде порекомендованных ей кем-то парикмахера и маникюрши, а не телефоны своих знакомых. Другого объяснения Вера не могла подобрать, как и не могла понять, зачем все-таки старушка оставила ей этот блокнот. Вера еще раз пролистала его, внимательно рассматривая каждую страницу, даже посмотрела некоторые из них на свет, будто желая найти водяные знаки, но ничего интересного не обнаружила. Не звонить же адресатам опять с вопросом: «кто вы?» А Валентину Кузьминичну уже и не спросишь... Старческая причуда? Маленький «сувенир» на память? Может быть, и так.

Вера сполоснула чашку и блюдце под краном и убрала посуду по местам. Затем открыла окно, чтобы проверить кухню от дыма, и выставила на будильнике время: хоть следующая ночь и была у нее выходной, не хотелось проспать до позднего вечера и потом мучиться бессонницей.

Уснула она практически мгновенно, не погрузившись мягко в сон, а упав в него, словно в яму. И, может быть, пробыла бы в его черноте до звонка будильника, если бы не возникшие вдруг помехи в виде шорохов, скрипа приоткрывшейся двери и тихих шагов. Вера распахнула глаза и резко села на кровати. Спальня была пуста, и она с облегчением выдохнула: приснилось. Сон без видений, но с «озвучкой». Но тем не менее девушка преодолела желание вновь лечь и решила проверить, все ли в порядке в доме. Однажды, вернувшись очень уставшей с работы, Вера забыла запереть дверь, и соседский кабан Петька пробрался в дыру в заборе и забрел в ее дом. Ох она и перепугалась тогда, проснувшись от довольного хрюканья и тыканья холодного пяточка в руку! Лучше проверить сейчас, не открыта ли дверь. О том, что забраться к ней мог человек, Вера даже не подумала: поселок был тихим и уединенным, без случаев криминала. И в этот момент вновь послышался шорох. Вера резким движением распахнула дверь и увидела метнувшуюся к открытому окну тень. От неожиданности девушка даже не успела закричать и замерла на пороге безмолвной статуей. Опомнилась она лишь тогда, когда со двора донесся шум мотора. Вера бросилась к двери, откинула щеколду и прямо в пижаме выскочила на улицу. Она еще успела увидеть, как от ее двора по дороге, поднимая облачка сухой пыли, уезжает на большой скорости черный джип, но номера его уже не разглядела. Вот дела... От мысли, что в то время, пока она мирно спала, кто-то с неизвестными намерениями ходил по ее дому, может быть даже заглядывал в спальню, ее прошиб пот. Вера вернулась в дом и кинулась проверять, все ли на месте, ничего ли не украли. О том, что воришки вряд ли будут ездить на таких крутых машинах, Вера подумала уже когда убедилась, что и ее немногая наличность, которую она хранила прямо в кошельке, и ноутбук с мобильным телефоном на месте. Кажется, ничего у нее не украли. Вера выдохнула с облегчением, однако по-настоящему не успокоилась: если цель неизвестных «посетителей» была отнюдь не нажива, то тогда зачем к ней забрались через открытое окно? Девушка бросила взгляд на стол и вдруг обнаружила, что забрали черную книжечку, которую ей отдала Валентина Кузьминична. Зачем? Что в этом блокноте такого ценного?

Спать больше не хотелось. Вера переделась в домашние шорты и футболку, сделала на кухне бутерброд и вышла в сад. Подставляя бледное лицо яркому солнцу, она неторопливо завтракала, при этом не переставая думать о том, что произошло. Ощущение, что ей дали всего лишь несколько пазлов из картины, не оставляло ее, и тем не менее она все же пыталась сложить даже из них кое-какую картинку.

Начались загадки с визита странного мужчины, который невероятным образом исчез, будто просочился в щель, улетел в форточку или растворился в воздухе. Кто он и что искал? Тот же вопрос можно отнести и к сегодняшним визитерам. Черный блокнот?

Вера отряхнула колени от крошек и встала с полотенца. Стебли скошенной травы кололи ступни, но девушка, погрузившись в раздумья, не замечала этого и нарезала круг за кругом по небольшой лужайке между домом и грядками с зеленью. На газон упала тень от набежавшего на солнце облака. Вера, не прекращая кружения, мельком взглянула на небо: похоже, меняется погода, вон как затягивает синеву облаками. Погода менялась стремительно: еще полчаса назад Вере было жарко в майке и шортах, а сейчас она ежилась от поднявшегося ветра и с тревогой поглядывала на темнеющее небо. Быть дождю, не иначе. Ну что ж, лето тут такое, капризное, то дарит многообещающие улыбки, то вдруг в одночасье меняет настроение и выливает свое недовольство дождем. Вера подняла с травы полотенце и ушла в дом переодеться в соответствующую погоде одежду. Надо бы обобрать до дождя яблоки и отнести их, как обещала, вместе с сахаром бабе Шура. Иначе попортятся и не будет ей повидла.

Вечер Вера провела в гостях у соседки, угощаясь молодой картошкой с солеными грибами и потом чаем со сладким пирогом. Баба Шура была мастерица не только варить вкусное повидло, но и печь пироги. Вернулась к себе Вера уже поздно, когда темнота скрыла очертания окрестностей. Но и идти тут было всего ничего. Девушка бегом пересекла соседский двор, согнувшись под хлещущим по спине дождем и загоразивая собой миску с остатками пирога, без которого баба Шура не согласилась ее отпускать. «Вот тебе и завтрак, и обед», – сказала соседка, заворачивая в пищевую пленку миску. И Вера, зная, что возражать бесполезно, приняла дар.

Она откинула щеколду на калитке и вбежала в свой двор. Как раз вовремя, потому что в этот момент оглушительно гроыхнуло и небо озарила яркая молния. Вера испуганно втянула голову в плечи: грозы она боялась с детства. И этот страх не прошел, даже когда она повзрослела.

* * *

Ночью разыгралась буря: ветер гнул деревья, срывал с них охапками листья и швырял их в окно. Дождевые капли выбивали по подоконнику частый ритм, под который можно было сплясать дикарский танец, призванный вызывать духов. Темноту ночи то и дело вспарывали всполохи

молний. Громыхало оглушительно и рядом, словно громовержец Илья прознал про черные планы и метал молнии в желании сжечь дом, в котором находилась опасная книга. Его гневом полыхало небо, как при пожаре. А может, где-то молния уже и попала в дерево и превратила его в пылающий факел.

В такую ночь пугливые отлеживаются под толстым одеялом, натянув его на голову. Непугливые просто спят, наплевав на грохот и мракобесие, или, разбуженные, сердятся на прогоняющий сон гром. Но есть и те, кто в такую ночь получает настоящее наслаждение от творящегося разгула стихий. Это ночь огня в камине, это ночь подогретого вина с пряностями в бокале и укутывающего замерзшие колени шерстяного пледа. И, конечно, это ночь историй. Жаль только, что единственный слушатель – чернильно-черный кот, покоящийся на коленях поверх пледа, чье громкое мурлыканье не заглушали даже раскаты грома. Но кот, хоть и притворялся спящим, прислушивался: дергал ухом, приоткрывал зеленый глаз. Ну что ж, кот, послушай историю. У черной толстой книги, лежащей на столике у камина, – занятная судьба.

Страшно идти, да деваться некуда: помирает Марфонька. Всякие средства испробовали и в бане парили, да все недуг не отпускает. Никак наслал колдун на молодую жену какую черноту: то ли разгневался, обиженный тем, что его не позвали на свадьбу, то ли просто от души своей безбожной зло сотворил.

Вышел Иван на рассвете: путь предстоял неблизкий и пеший. Побоялся на санях: за мельницей дорога не санная, а бросишь лошадь там – глядишь, и волки нападут. Оставил Иван мечущуюся в огневице Марфу на старуху Лукерью, надел шапку, армяк и отправился в дорогу. Лукерья его-то и уговорила. Иди, говорит, поклонись в ноги колдуну, вымоли прощение, ежели рассерчал, задобри его подарками, уговори речами. Если он наслал недуг на молодую, то лишь он и снять его сможет.

Не хочется идти, ой как не хочется к нечестивому в берлогу, хоть и не из робких был Иван, и медведя, случалось, встречал, и волков. Да только колдун – враг куда похуже зверя. Безбожная у него душа, уморить из прихоти человека ли, птицу ли ему ничего не стоит. Шел Иван по накатанной санями дороге, а мысли были совсем негладкие. Что и как скажет он нечестивому? Задобрить ли его подарками прям с порога? А ну-ка слушать даже не станет, прогонит да проклянет вдогонку? Один раз ноги едва не развернули Ивана обратно. Но вспомнилась ему Марфа, ее лик белый с щеками румяными, выгнутые коромыслом брови и сладкие, что лесная малина, губы. Нет, не повернет он назад, если надо, упадет самому

черту рогатому в ноги, не испугается, только бы Марфонька пошла на поправку.

До лесу шлось еще легко, а дальше пробирался Иван уже с трудом, выдергивая ноги из глубоких сугробов, так как свернул с укатанной чужими санями просеки на занесенную снегом узкую дорогу, ведущую к старой мельнице. Может, летом и бегала к колдуну какая баба за зельем, да зимой смельчаков не оказывалось. Шел Иван долго-долго, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к лесным шумам: а ну-ка как не вовремя покажется волк? Сжимал в одной руке рукоять взятого на случай волка топора, в другой нес подарок колдуну – завязанные в узел свежие яйца, каравай, отрез холста. Лес мирно спал, иногда вскрикивал растревоженной птицей да потрескивал от мороза. Дважды останавливался Иван – перевести дух и проверить, не сбился ли с пути. В сумерках-то легко заблудиться. Но словно черт вел его в то темное утро. Вот и лес стал редеть, и вскоре показалось широкое занесенное снегом поле, за которым темнел остов старой мельницы. Но вместо радости, что добрался, овладела Иваном опять робость: близко, близко он уже от волчьего логова колдуна. Как встретит его тот?

Нет, не уйдет он без своего, даже если проклятый молниями сыпать начнет и дьявола кликать. Решительность придала сил, Иван пересек бесконечное поле, легко перешел через шаткий мосток. Громадина уснувшей на веки вечные мельницы нависла над ним страшным богатырем, когда он приблизился к ней. Вмерзло намертво в черный лед колесо. Давно стояла без движения эта мельница, еще с тех пор, когда отец Ивана был молодым. Семья мельника жила на новой мельнице за соседней деревней. А как уж поселился здесь колдун, Иван не знал.

Неторопов обошел колесо, увидел три ступени, ведущие к двери, поднялся и постучал чугуном кольцом. Долго никто не открывал, так что решил уже Иван повернуть обратно. И лишь когда он сошел на ступень, испытывая одновременно и отчаяние – кто теперь Марфе-то поможет? – и облегчение, что не свиделся со страшным колдуном, дверь вдруг распахнулась. Сама по себе. Чертовщина, да и только. Заробевший Иван перекрестился и перешагнул порог. Глаза к темноте привыкли не сразу. Неторопов сделал вслепую несколько шагов, вытянув вперед руку.

– Зачем пожаловал? – остановил его вдруг голос, такой громкий, что Иван от неожиданности вздрогнул. Глаза уже немного привыкли к сумраку, и Неторопов смог разглядеть согнутую фигуру хозяина, стоявшего в двух шагах от него.

Иван снял шапку, поклонился со всем почтением, а затем произнес:

– Дело у меня есть. За помощью пришел.

– Ну? – поторопил его колдун, потому что Иван замолчал. Не пригласил пройти дальше, не вынес огня, чтобы разглядеть гостя, не шевельнулся, так и стоял, закрывая проход. Но Иван, даже не видя глаз хозяина, чувствовал на себе его взгляд – внимательный, изучающий. Возможно, видит колдун в темноте, как кошка. С него станется.

– Жена у меня недугом страдает, – начал он. И рассказал все: зачем пришел и как долго больна жена. – Помоги, – взмолился Неторопов под конец рассказа.

– Не жилица твоя жена, – вымолвил после долгой паузы колдун. Ивана изнутри будто обожгло огнем: как же так, шел он сюда за последней надеждой, путь такой проделал, а вон что выходит!

– Да как ты... – вскричал он, забывшись от горя и негодования. Колдун остановил его поднятой рукой.

– Я могу сделать так, что Марфа избавится от недуга и останется с тобой.

– Сделай, сделай! – обрадованно вскричал Иван и кинулся к колдуну как к спасителю, с желанием поцеловать его руку. Но хозяин вновь остановил его движением руки.

– Плату дорогую возьму, – сурово произнес он.

– Что хошь бери!

– И душу отдашь? – рассмеялся вдруг каркающим смехом колдун. Оторопел Иван, опомнился, что не к барину с просьбой явился, а к слуге дьявола, сделал невольный шаг назад. Колдун отсмеялся и перевел взгляд на руку Ивана, крепко сжавшую рукоять топора. И чудо случилось: пальцы вдруг ослабли и выскользнуло из них древко. Топор с глухим стуком упал на деревянный пол, вонзился острием, будто в пень, в половицу меж ступней Ивана.

– Ко мне с орудием не ходи.

– Так от волков же... – оправдался Иван, переведя изумленный взгляд с торчавшего из пола топора на попрекнувшего его хозяина мельницы.

– А волк тебя не тронет. Если ко мне или от меня идешь – не тронет. Ну, готов ты заплатить цену высокую за жену свою?

– Да, – ответил после недолгого колебания Иван. За тем и пришел. И в неожиданной бравате добавил: – Жизнью готов расплатиться!

– Горячий какой, – усмехнулся колдун и медленно приблизился. – Жизнь мне твоя ни к чему. А вот...

Он не договорил. Остановившись с гостем совсем рядышком, замер, будто принюхиваясь. И тихо затем вымолвил:

– Любишь ты ее сильно... Верну я тебе жену. Смотри только, не пожалеешь потом.

– Не пожалею! – рубанул Иван ладонью воздух.

– Ну-ну. Ступай домой. Придешь ко мне после. Я позову.

Тишину вдруг разрезал шумный звук птичьих крыльев, и не успел гость опомниться, как ему на плечо сел крупный ворон. Вцепился когтями в плечо так крепко, что Иван почувствовал их сталь сквозь толстую ткань армяка. Проклятая птица... Долбанет крепким клювом в висок – тут и смерть настанет.

– Ка-ар! – раздалось оглушительное прямо в ухо, будто ворон прочитал его мысли. То ли согласие выразил, то ли протест. Иван аж присел от неожиданности.

– Жди знака, – повторил колдун и со значением поглядел на сидевшую на плече у гостя птицу. – Что бы ни было, не откладывая явись ко мне. Иначе потеряешь жену навсегда.

Ворон сжал когти еще крепче, словно желая предупредить о чем, а затем резко разжал их и взлетел. Шумно хлопая крыльями, птица сделала круг над гостем и затем присела на плечо хозяина.

– Ну, иди, – вымолвил колдун. Иван поклонился, протянул узел с подарком, но хозяин не шевельнулся. Переступил Неторопов с ноги на ногу, не зная, как поступить: унести ли гостинец или оставить. А ну-ка унесет, да разобидится хозяин. А с другой стороны – и знака не дал, нужен ли ему подарок. Стоит все так же, с вороном на плече, и смотрит изучающее. Иван развернулся и вышел. Топор он так и оставил торчать в половице, а узел аккуратно, прежде чем затворить за собой дверь, оставил у порога. Ну его, пусть, не принесет он ничего домой с проклятой мельницы.

Путь домой показался куда короче. Шел Иван в раздумьях и тревоге – как там Марфа? Не стало ли ей хуже? И мысли всякие блуждали в голове: колдун так и не сказал, что потребует в оплату. Жизнь ему не нужна, уже дело. А про душу спросил ли спросил? И когда позовет к себе? Не поздно ли станет? Хоть бы дал с собой какое снадобье... В избу Иван не вошел, а вбежал, не сбив с валенок в снях снега, весь в тревоге за Марфу. Но, увидев, как Лукерья, встретив его неодобрительным качанием головы, приложила палец к губам, успокоился. Тихо подошел к лавке, опустился на колени рядом со спящей Марфой, коснулся ледяной ладонью ее пылающего лба и облегченно выдохнул: жива. «Дорого возьму», – вспомнились Ивану слова колдуна, от которых он невольно содрогнулся. Но, глядя на прекрасное даже в болезни молодое лицо жены, с бравадой

подумал, что не страшно ему расплатиться с нечестивым даже собственной душой, лишь бы красавица Марфа оставалась с ним.

IV

Без Кузьминичны все шло не так, – хотя, похоже, это замечала лишь Вера. В этом заведении смерть не была шокирующей гостьей, к ее «визитам» что персонал, что сами обитатели если не привыкли, то относились более-менее спокойно. Поэтому и после ухода Кузьминичны и старики, и Ирочка вели себя как обычно. Но Вера кожей чувствовала пустоту и скорбную тишину, исходившие от закрытой двери комнаты, в которой еще так недавно отдыхала старушка. Иногда Вера, забывшись, памятуя о чутком сне старушки, проходила по привычке мимо ее комнаты тихонечко, дабы не разбудить. А потом спохватывалась, и ощущение утраты вновь накатывало на нее кислой тоской, похожей на изжогу. Скоро комнату займет новый постоялец или постоялица: в этом пансионате, несмотря на дороговизну, места долго не пустовали. Но кто бы то ни был, он (или она) не сможет заменить Вере Кузьминичну с ее рассказами, советами, пусть порой немного и по-стариковски навязчивыми, с ее легкими причудами, которые девушке казались милыми. Да что об этом говорить! Вера тосковала, и все у нее валялось из рук. Она умудрилась разбить за смену стакан, уронить дважды на пол градусник (слава богу, не ртутный), перепутать таблетки (опять же, слава богу, Ирочка вовремя заметила ее оплошность). Всегда собранная и внимательная, она этой ночью была сама не своя. Прошлая смена была тяжелой? Нет, это сегодняшняя казалась непосильной.

– Ты из-за Кузьминичны так переживаешь? – спросила Ирочка в паузу, когда они, пользуясь тем, что старики мирно отдыхают, пили чай в медсестринской. Вера молча кивнула: что тут еще сказать... Все в пансионате знали о ее привязанности к Кузьминичне, хоть ко всем старикам Вера относилась с заботой.

– Жалко ее, – вздохнула Ирочка. В ее пока еще коротком опыте работы в пансионате эта смерть была второй, но девушка, похоже, уже стала относиться к ней спокойно.

– Алевтина из дневной сказала, что это она нашла ее. Ужасно, правда? – продолжила Ирочка. – Я бы на ее месте, наверное, завопила. А Алевтина молодец, не растерялась.

– Она работает здесь с самого начала. Нет, даже еще при мадам Варенниковой пришла, – ответила Вера. – А до этого сколько в районной больнице в реанимации проработала? Привыкла. Странно было б, если бы

растерялась.

– А ты, ты не плакала потом, дома? Я вот немного. Представляешь? Вроде и старушка как старушка, не родная мне, не бабушка же, а я как приехала домой, так разревелась. Уснуть потом долго не могла. Вот ужас-то!

Ирочка плеснула себе еще кипятку и добавила заварки. Вера же отнесла свою пустую чашку в раковину. Вопрос напарницы она проигнорировала, вместо этого спросила другое:

– Ты Гаврилу не видела? Куда-то пропал он. За всю смену так и не появился. Вчера, в твою, не приходил?

Когда у кого-то из девушек был выходной, напарнице приходилось работать ночь одной.

– Нет. Но Алевтина вроде его видела, – хмуро ответила Ирочка, не любившая кота. Помолчав, добавила:

– Но лучше бы он не приходил! Без него было бы как-то лучше.

– Он-то в чем виноват, Ира? От того, приходит он или не приходит, ничего не изменится, – сердито парировала Вера. Сказала и тут же вспомнила, как сама несколько дней назад отгоняла Гаврилу от дверей Кузьминичны. Будто это могло что-то изменить.

– Все равно! Нехороший он. Если бы был просто котом... И откуда только такой взялся?

Вера промолчала, не желая развивать тему. К счастью, Ирочке тоже не хотелось говорить о Гавриле, и она вспомнила другое:

– Алевтина рассказала, что за вещами Валентины Кузьминичны приезжал мужчина.

– Сын?

– Да ты слушай! Весь из себя такой крутой, часы дорогие, телефон последней модели. А во дворе еще и машина крутая стояла, джип, с водителем.

– Сын на джипе? – удивленно спросила Вера. Сына Валентины Кузьминичны она видела лишь два раза: когда тот привез мать и когда приезжал по просьбе заведующей подписать какие-то бумаги. Оба раза приезжал он сам, без водителя, и на «Фольксвагене». Поменял машину? Разбогател до того, что может теперь позволить себе нанять водителя?

– Да не перебивай, – досадливо поморщилась Ирочка. – Мужчина этот сказал, что приехал по просьбе сына Кузьминичны, типа тот не может и все такое. Ну, его запустили в комнату, где вещи покойной лежали.

– Я их собрала, – кивнула Вера.

– Ну вот, ты собрала, а он все равно шкаф раскрыл, разворошил в нем

все и вытащил коробку, в которой Кузьминична всякие письма и фотографии держала. Алевтину в этот момент кто-то позвал, она отошла, а когда вернулась, мужчины уже не увидела. На столе стояла коробка, в ней – бумаги, а мужчины нет. Алевтина еще подумала, что он, может, понес в машину вещи и сейчас вернется. Но заглянула в шкаф и увидела, что все на месте, только в беспорядке. А джип со двора уехал.

Джип, джип... Еще с самого начала рассказа, едва услышав это слово, Вера насторожилась. На внедорожнике приезжали те, кто вторгся в ее дом. Но мало ли на свете этих джипов!

– А потом, уже ближе к вечеру, приехал сам сын и сказал, что никакого помощника не отправлял, – продолжала Ирочка. – Представляешь, как всполошилась Алевтина! Она же тому мужчине на слово поверила! Испугалась, что сын станет бумаги перебирать и обнаружит какую-то пропажу. Но вроде как ничего такого. Интересно, кто же тот, первый? Можно подумать, завещание искал. Так какое у Кузьминичны завещание? Последний год она прожила тут, а сын у нее и так все отобрал.

Вера помнила рассказ старушки о том, что она отдала квартиру сыну, когда тот повторно женился. Вторая жена попалась щучка еще та, мужа обработала так, что сдал тот родную мать в дом престарелых, а сам стал жить с новой женой хоть и в спальном районе Москвы, но зато в трехкомнатной квартире. Кузьминична эту историю рассказывала будто и с юмором, и улыбалась, а у Веры все равно остался неприятный осадок. За время рассказа она ни разу не улыбнулась – хорошо хоть, что сынок нашел для матери приличный пансионат, а не сдал в государственный дом престарелых.

Ночь прошла спокойно – видимо, в качестве компенсации за прошлые беспокойные. И все же Вера, хоть почти не чувствовала усталости, вздохнула с облегчением, когда ее смена подошла к концу: тяжело находиться в этих стенах, зная, что Кузьминичны больше нет. Не привыкла еще. Не осознала до конца. Не отпустила.

Она вышла на крыльцо и немного задержалась, доставая из сумочки сигарету – вторую за последнее время. Не подсесть бы опять плотно на табак. «Выброшу пачку от греха подальше», – подумала Вера и щелкнула зажигалкой. На ветру прикурить удалось не сразу, но наконец-то кончик сигареты затлел. Вера поплотнее закуталась в шерстяной кардиган домашней вязки и глубоко затянулась. Погода за минувшую ночь совершенно не наладилась, наоборот, создавалось впечатление, что лето окончательно сдало позиции и ушло стремительными шагами, уступив место быстро наводящей новые порядки осени. Ветер срывал охапками еще

не пожелтевшие, но с уже наметившимися светлыми пятнышками листья, кружил их вихрем и бросал в темные, будто траурные, воды озера, поверхность которого не казалась уже зеркальной из-за ряби и мелких «лунок», пробиваемых каплями. Дождь шел тоже осенний – морозящий. Вера сделала шаг назад, под козырек. Стоя сейчас на холоде и ветру, она растягивала предвкушение того, как скоро сядет в салон, включит печку, согреет ладони, а затем, после осторожной езды по туманной дороге, войдет в свой пахнущий травами дом, примет горячий душ и ляжет спать.

– Тетенька, тетенька, вы врач? – прокричал неожиданно невесть откуда взявшийся мальчишка. Вера от неожиданности выронила сигарету в лужу и торопливо, хоть в этом и не было уже надобности, затоптала ее и носком отбросила в сторону. Мальчишка лет десяти стоял внизу, не решаясь подняться по ступеням, и смотрел на нее одновременно с испугом и восхищением, будто на некое божество. Вера даже ощутила себя статуей на пьедестале и, чтобы избавиться от этого ощущения, спустилась к мальчику.

– Не совсем. Я медсестра.

– Не важно! – рубанул по воздуху ладошкой мальчишка. Одет он был в промокшие джинсы, грязные на коленях, и надетую поверх футболки синтетическую спортивную кофту. Мокрые его волосы топорщились смешным ежиком, и Вере неожиданно захотелось пригладить их ладонью.

– Там дяденьке плохо! Вы поможете ему? – голосил звонким голосом мальчишка, все так же заглядывая Вере в глаза. – Он упал и не может встать. И ничего не говорит. Я увидел его и побежал за помощью. Меня так мамка учила!

– Где этот дяденька? – встревожилась Вера, мгновенно приходя в боевую готовность. – Далеко отсюда?

– Не, вон там. На дороге.

Торопливо махнув рукой, мальчишка побежал, а следом за ним и Вера. Дорога подходила близко к территории пансионата. Движение на этом участке было не особо активным, но все же девушка не на шутку встревожилась, увидев, что неизвестный мужчина лежит на проезжей части. Первое, что пришло на ум: его сбила машина и скрылась с места происшествия. Вера мысленно выругалась в адрес бездушного водителя: как это – бросить человека и уехать, не попытавшись оказать тому помощь?! Счастье, что мальчик его нашел. Человек лежал на спине с раскинутыми руками, так, будто он желал кого-то обнять. Вера присела рядом и легонько коснулась его рукой.

– Вы слышите меня?

Крови не видно, но у мужчины может быть внутреннее кровотечение или закрытая головная травма. А может, стало плохо с сердцем. Возраста он был не пожилого: лет тридцать – тридцать пять на вид, но с современным ритмом жизни сердечные приступы случаются и у молодых. Вера нащупала пульс и замерла, считая. Вроде в норме, но нужен осмотр. И не здесь. Надо перенести его в пансионат и вызвать «Скорую». А может, доктор Савельев уже подъехал?

– Беги в пансионат, позови охрану на подмогу! – крикнула она, не оборачиваясь, мальчишке, но не получила ответа. Оглянувшись, Вера обнаружила, что мальчик куда-то девался, и на дороге, кроме нее и пострадавшего, никого нет. Ну что ж, она остановит первую проезжающую машину и попросит помощи. Словно по заказу, послышался шум подъезжающего автомобиля. Вера дернулась, желая вскочить на ноги и просить знаками машину остановиться, но пострадавший вдруг, мгновенно придя в себя, схватил ее и крепко прижал к себе.

– Что вы делаете?! – возмутилась девушка, от удивления даже не успев испугаться. Рядом взвизгнули тормоза резко остановившейся машины, черная громадина заслонила собой обзор. Хлопнула дверь, из салона джипа проворно выпрыгнули двое мужчин и, легко подхватив сопротивляющуюся девушку, затолкали ее внутрь.

* * *

Старуха была назойливой до зубовного скрежета. Мало того что явилась непрошеной гостьей и испортила все дело, так еще оказалась из серии тех, от кого отвязаться не так просто. Пристала даже не с просьбой, а требованием, но что конкретно желает, так и не сказала. Вот уж поистине задала задачку из серии «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Нет, конечно, с ним, Владом Колосовым, случилось и не такое, попадал в ситуации и куда серьезней, но дело в том, что идти на поводу у старухи у него совсем не было желания. Ему есть чем заняться и без ее просьб проследить за внученькой. И зачем за ней следить? Но тем не менее, ругаясь про себя на назойливую «гостью» и проклиная дождь, он стоял за оградой из густых кустов и наблюдал за крыльцом дома престарелых. Старуха сказала, куда ему нужно прийти, и указала час, в который у девицы заканчивается смена. И вот он стоял, ожидая непонятно чего, вернее, кого, с ощущением, что теряет время впустую. Ладно, увидит он для начала эту внученьку. А там, может, старуха откроет,

зачем за ней следить. Впрочем, Влад надеялся на то, что следить дальше за девицей не придется и что вообще старуха больше к нему не придет. Нашла себе этого... блин, как его? Детектива, вот! Какой из него детектив?! Обхохочешься: он – и детектив.

Девушка задерживалась, и Влад, чтобы скоротать время, гадал, зачем старухе понадобилась эта слежка. Может, девушка сперла у любимой бабули бриллианты и спрятала куда-то? Книжная версия. Хоть детектив заворачивай. И Влад завернул: от скуки придумал целую историю, в которой несчастная старуха становилась жертвой жадной и жестокой внучки, и даже себе роль отвел – главную, конечно. Придумал, как следит за девицей, которая штука еще та, стерва и дрянь (но, надо сказать, очень привлекательная дрянь: с фигурой и лицом топ-модели, с шикарной гривой темных волос). А затем он выходит на след банды, занимающейся сбытом краденых драгоценностей за границу, сражается с главарем, разбивает сердце красотке-стерве и выходит из всех передряг победителем. История Владу так понравилась, что он, замечтавшись, перестал обращать внимание и на противный мелкий дождь, и на ветер с холодом, от которого коченели руки. Может, он бы сочинил и вторую часть этого «детектива», если бы на крыльце в этот момент не появилась девушка. Влад в первый момент даже не сразу сообразил, что эта девушка может быть той, которая ему и нужна: так уже успел сжиться с придуманным образом. Вышедшая же на крыльцо девушка на роль стервы, укравшей бриллианты в его истории, совершенно не тянула. Он бы назначил ее какой-нибудь библиотекаршей-свидетельницей, и не более (и, может быть, дальше по сюжету пристрелил – в память о навязанной ему ее бабулей просьбе, заставившей его тащиться сюда в такую рань и непогоду). Такая не то что бриллианты не украдет, бесплатно из Интернета фильма не скачает. С фотомоделью девушку роднит разве что рост: внученька была высокой. Но и только. Фигуру скрывала бесформенная кофта домашней вязки, никак творение любящей бабушки, волосы, хоть и черные, оказались остриженными и торчали на затылке, как у какой-то пташки, лицо ее тоже, насколько Влад мог разглядеть его из своего укрытия, показалось ему не особо примечательным. Одним словом, героиня не его романа. Впрочем, вряд ли бы стерва-красавица-похитительница-бриллиантов стала работать в доме престарелых. Так что зря он размечтался.

Девушка тем временем не спешила уходить. Достала из сумочки сигарету и закурила, заставив Влада поморщиться: курящие девушки ему совершенно не нравились. Проигрышный вариант. Он надеялся хотя бы на то, что следить ему придется за красоткой, а тут не девушка, а стриженое

недоразумение какое-то в бесформенной кофте. Ну что ж, пожалуй, ему пора: полюбовался – и хватит, познакомился, так сказать, заочно, и домой. Не провожать же ее ему до дома? Влад уже было развернулся, чтобы уйти, но в этот момент к крыльцу, прыгая прямо по лужам, примчался мальчишка лет десяти и завопил на всю округу о том, что кому-то стало плохо. Девушка мигом сорвалась и помчалась на помощь. Влад пару мгновений поколебался, как ему поступить: идти ли следом или отправиться, как и желал, домой, и все же последовал за девушкой, неторопливо, на расстоянии, чтобы она его не увидела. А дальше все случилось почти так, как он себе нафантазировал: рядом со склонившейся над лежащим на дороге мужчиной девушкой резко затормозил джип и двое молодцов оперативно затолкали ее в салон.

– Во дела! – удивленно присвистнул Влад. И быстрее, чем успел подумать, на кой ему сдались такие приключения, ринулся к кустам, в которых прятал свой мотоцикл.

Туман, который изначально мешал пути, сейчас сыграл роль хоть и ненадежного, но некоего подобия прикрытия на безлюдном участке дороги. Ехать приходилось теперь с двойной осторожностью: не попасть бы из-за погодных условий в аварию и не оказаться замеченным людьми из джипа. Поэтому Влад держался на расстоянии, не столько следя за идущим впереди внедорожником, сколько стараясь предугадать его дальнейший маршрут. А джип, обогнув озеро, выбрал на развилке не ту дорогу, которая вела в поселок, а другую. «Куда это они ее?» – обеспокоился уже всерьез Влад, когда джип выехал на загородную трасу. Вряд ли те, из джипа, друзья девушки, иначе бы обошлись с нею куда вежливее.

На шоссе стало проще: легче затеряться среди машин. Джип недолго двигался по трассе, а затем свернул на неасфальтированную узкую дорогу, петляющую среди полей. И Влад тут встретился с новой сложностью – как остаться незамеченным. Туман рассеялся, затеряться в потоке машин невозможно просто потому, что их тут нет. Ничего не оставалось, как остановить мотоцикл, подождать, когда джип скроется из виду, и понадеяться на то, что эта дорога единственная и приведет куда надо. «Чтоб вас обеих», – выругался Влад в адрес старухи и девицы. Навязались ему на голову! Можно было бы развернуться и поехать к себе домой, а не преследовать джип с несколькими довольно крепкими мужиками, строя из себя героя. Но бабка спросит ведь с него, еще как спросит. Хотя могла бы предупредить о таком повороте событий! Он бы, может, какое оружие захватил с собой. Хоть нож. Впрочем, с ножом против нескольких наверняка еще и вооруженных «братков» тоже смешно выступать. Но

с холодным оружием за пазухой Владу было бы куда спокойней. Черт бы побрал эту бабку!

Дорога привела к заброшенному хозяйству, бывшему когда-то колхозом, на въезде еще сохранился проржавевший указатель «Красная Звезда». Влад сбавил скорость, готовясь в любой момент наткнуться на джип. Лучше дальше пойти пешком, так как звук мотора обязательно его выдаст. Но он решил рискнуть и проехать немного вперед – подыскать более-менее удобное укрытие для его железного коня. То тут, то там встречались одноэтажные бетонные постройки-коробки, но металлические проржавевшие двери были в них наглухо закрыты, и Влад ехал дальше в поисках подходящего «гаража». Наконец он увидел длинное кирпичное здание, дверь в которое оказалась выбита. Он заглушил двигатель и спешил. Длинный проход разделял помещение на две равные половины, каждая из которых, в свою очередь, была поделена кирпичными, не доходящими до потолка перегородками на узкие отсеки. Похоже, раньше здесь держали скот. Влад оставил мотоцикл в одном из стоил и вышел на улицу.

Грустное зрелище представлял собой этот полуразрушенный колхоз, наверняка когда-то бывший передовым: Влад наткнулся на каменную плиту, на которой красовались звезды-награды. А сейчас все здесь было таким мертвым, что создавалось впечатление прогулки по кладбищу. Кладбище разрушенных домов и вышедшей из строя проржавевшей сельскохозяйственной техники. То тут, то там встречались брошенные прямо посреди построек тракторы с выбитыми стеклами, один раз попался самый настоящий комбайн – остов уснувшего навеки монстра-гиганта. Пару раз Влад наткнулся на легковые машины, вросшие в землю сдувшимися колесами. Добавляли настроения моросящий дождь и серость низкого неба, без которых ощущение от «кладбищенской прогулки» явно было бы неполным. Прогуляться сюда как-нибудь ночью? Влад усмехнулся и задержался на пару мгновений возле валяющегося железного ржавого агрегата, ни названия, ни предназначения которого он не знал.

А джип будто сквозь землю провалился. Влад обошел этот небольшой поселок уже дважды, но так и не встретил внедорожник. А может, неизвестные, похитившие девушку, спрятали машину так же, как и он свой мотоцикл, – где-нибудь в сарае? Влад решил закончить начатый круг и вернуться к тому месту, где находился его байк. Ну, не нашел он девицы, не нашел. Не сыщик же! Мужчина в сердцах сплюнул себе под ноги. И в этот момент увидел вдали серую стену кирпичной постройки, которую в первый раз принял за трансформаторную будку. А вон и джип – спрятался

за «будкой». Так вот, значит, где девица. Влад осторожно приблизился, оглядывая кирпичную «коробку» без окон и с железной дверью на проржавевших петлях. Идеальная «камера пыток». Но можно попробовать выбить дверь. Он тут же представил себе, как с киношными криками влетает вместе с выбитой дверью в помещение, а там его ждут несколько качков. Нет, он, конечно, хоть и вполне себе сильный, спортзал не забывает посещать, и когда-то занимался айкидо, но с голыми руками против трех (или сколько там их было в джипе?) не попрешь. Хороший же из него освободитель, если его на глазах у девицы скрутят, как котенка. Влад огляделся в поисках какой-нибудь железяки, но ничего подходящего не обнаружил. Зато увидел еще одну машину, которую раньше не заметил, – черную «Ауди». Машина стояла вдали и будто не имела никакого отношения ни к постройке, ни к джипу. Но если не имела, то что тут она делает? Похоже, «приятелей» девицы собралось здесь куда больше, чем он предположил. Ну и стоит строить из себя героя? Девица незнакома, мотивы ее похищения – неизвестны. Да и бабка просила лишь «последить». Может, ей всего лишь нужно знать, куда внученьку привезут? Так уговаривал сам себя Влад, отходя подальше от коробки и продолжая машинально обшаривать землю взглядом в поисках подходящей палки. Подошел к «Ауди» и запомнил ее номер – на всякий случай. Столичный, не областной. Жаль, нет у него знакомых в полиции, которые могли бы пробить номер по базе. Ну ничего, для чего-нибудь эта информация ему пригодится. Влад встревоженно оглянулся на «коробку», так как уже отошел в своих поисках на довольно приличное расстояние, и, не увидев никаких перемен, вошел в первое встретившееся ему на пути двухэтажное здание, бывшее когда-то, судя по комнаткам-кабинетам, запыленным столам и шкафам с растрепанными папками, административным. Здесь на глаза ему попала батарея и идущие от нее трубы, наверняка проржавевшие уже настолько, что не составит особого труда отломать часть. Влад ударил ногой по трубе. Помещение наполнилось тревожным гулом, он ударил ногой еще раз, а потом еще. Успеть бы только, как бы не увезли девчонку в другое место.

* * *

Везли ее куда-то не очень далеко, но, судя по тому, что джип вдруг стал подпрыгивать и переваливаться на земляной дороге, а затем покатил гладко, словно по зеркалу, Вера сделала вывод, что ее вывезли из города.

Смотреть в окно и запоминать дорогу она не могла, так как похитители, как в худших фильмах про бандитов, завязали ей глаза. Ее усадили в середину, а места по бокам заняли два похитителя, сдавив ее с обеих сторон так, что не пошевелиться. В каждое запястье, словно наручники, впились стальные пальцы сопровождавших. Вера поначалу пыталась сопротивляться, но ее бунт быстро погасили сильным тычком в бок, от которого она охнула и ненадолго притихла. Затем девушка сменила тактику: деланно спокойным голосом попыталась задавать вопросы, но в ответ не услышала ни слова. В машине вообще стояла полная тишина, нарушаемая лишь урчанием мотора, видимо, ее похитители получили установку не перекидываться словами даже между собой. Как все серьезно! Поняв, что ни расспросами, ни бунтом ничего ей не добиться, Вера решила выждать и действовать дальше по обстоятельствам. Судя по тому, что ей завязали глаза, похитители не желали, чтобы она запомнила дорогу, а значит, не собирались ее убивать. Эта мысль немного успокаивала. Вера перебрала в памяти все поводы, по которым ей могла быть оказана такая честь – быть похищенной почти в людном месте и практически при свете дня, и не нашла ничего подходящего. Никакой тайной она не владела, богатой, чтобы за нее у родных требовали выкупа, не была. По всему выходило, что ее и похитили-то без повода. Может, перепутали с кем-то другим?

Машина куда-то свернула и сбавила скорость, а затем, проехав участок по плохой дороге, остановилась.

– Приехали, – буркнул тот, что сидел справа, открыл дверь и вытащил Веру наружу. Ее втолкнули в какое-то помещение, в котором смешались запахи пыли, сырости, гнили и почему-то ладана, и наконец-то сдернули повязку с глаз.

Оценить обстановку комнаты Вера не смогла из-за темноты, которая была бы идеальной, если бы не небольшое пятно света от фонаря, поставленного на бетонный пол возле табуретки. Похоже, в помещении не было окон или же они оказались плотно зашторенными. При виде такой обстановки ей по-настоящему стало страшно: что с ней собираются делать?!

– Садись! – толкнул ее в сторону табуретки один из сопровождающих. Вера споткнулась и чуть не упала.

– Потихе, потихе, не покалечьте девушку! – неожиданно раздался из темного угла бархатистый голос с вкрадчивыми, словно кошачье мяуканье, нотами. – Она не пленница, а наша гостья!

– Гостей не похищают, а приглашают! – зло бросила Вера в темноту – туда, откуда доносился голос. Похоже, этот «человек-невидимка» тут

главный. В ответ раздался тихий смешок.

– Простите, дама. В следующий раз вас пригласим. Если будете вести себя разумно, конечно. Вы присаживайтесь, присаживайтесь. У нас намечается беседа, приятная или нет – зависит от вас.

Вера промолчала. Все напоминало кадры из фильма, но никак не реальность. Только, похоже, этот фильм начался не сегодняшним утром, а днями раньше. Чувствовала она себя очень неудобно, и даже не потому, что ее обступили с трех сторон амбалы с «пушками» на поясах, а потому что сидела в этом освещенном пятне, открытая, как на ладони, а тот, кто с ней разговаривал, оставался в темноте.

– Нас интересует: насколько вы были близки с Валентиной Кузьминичной? Так, кажется, звали вашу подопечную? – задал первый вопрос «невидимка» все тем же вкрадчивым голосом.

Вера тихо перевела дух: ну что ж, хоть стало понятно, в каком направлении потечет «беседа».

– Настолько, насколько могут быть близки жительница пансионата и медсестра, там работающая, – отрывисто она ответила.

– А нам думается, что между вами установилась некая особая связь, – ласково продолжил неизвестный. Из угла послышался шорох, словно мужчина сделал вперед шаг, но однако же так и не вышел на свет.

– Например, ваша напарница, очень приятная девушка... Валентина?

– Алевтина, – поправил один из тех, кто привез Веру.

– Прощу прощения, Алевтина. Так вот, Алевтина была так любезна, что рассказала нам, что Валентина Кузьминична питала к вам особую любовь и даже специально попросила вас вызвать незадолго до своей смерти. Никого больше, даже сына родного.

Вера в негодовании сжала кулаки: похоже, все ее сегодняшние неприятности из-за того, что болтушка Алевтина готова сплетничать с кем угодно. Разборчивостью не отличалась никогда, лишь бы рядом оказался благодарный слушатель. Высказать бы ей все, да нельзя из опасений навредить себе еще больше: Алевтина разболтает о Вериных «приключениях» опять кому попало.

– О чем вы разговаривали с Валентиной Кузьминичной?

– О погоде, – отрезала Вера.

– Ай-ай-ай, – ласково, как нашкодившего ребенка, пожурил ее неизвестный. И вдруг из его голоса исчезли вкрадчивые нотки и появилась режущая сталь: – Что тебе дала старуха? Отвечай, или не выйдешь отсюда!

– Телефонную книжку, – ответила Вера, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно спокойней. Про телефонную книжку эти знают, сами же

ее и украли, так чего скрывать?

– А еще?

– Больше ничего.

– Врешь!

– Никогда не умела.

– А ты смелая, – произнес вдруг с неожиданным восхищением человек-невидимка. – Смелая... Ну, хорошо. А она тебе не сказала ничего такого... важного?

– Знаете, все слова Валентины Кузьминичны мне теперь кажутся важными, так как были последними. Вы скажите уж прямо, что вас интересует. А то я устала. Вы-то, может, всю ночь отдыхали, а я работала.

Кажется, она переборщила со своей бравадой, потому что к ней тут же угрожающе шагнули бравые молодцы, и один из них сделал характерное движение, будто собирался выхватить пистолет. Вера испуганно втянула шею, и следом за этим из темноты рявкнули:

– Назад!

Охранники, будто верные псы, отступили на шаг, но Вера чувствовала исходящую от них угрозу так явно, будто резкий неприятный запах.

– Хорошо, я вам, Вера, скажу. Понимаете, у Валентины Кузьминичны находилась одна вещь. Безделушка, но другой человек хочет получить ее, так как считает своей. А мы подозреваем, что старуха могла отдать ее вам.

– Она мне не давала ничего, кроме записной книжки.

– Хорошо, – задумчиво произнес человек. – Допустим, я вам поверю, но если вы нас обманываете... Знаете, что случается с обманщиками? Они попадают в нехорошие истории, из которых уже не возвращаются. А вы такая молодая...

Его угрозы, произносимые опять медовым тоном, прервал звонок. В том углу, где находился невидимка, мелькнуло небольшое пятно света от мобильного телефона. Вера понадеялась, что поднесенный к уху телефон осветит лицо ее «собеседника», но просчиталась.

– Слушаю!

Судя по его тону, позвонил кто-то вышестоящий. Вера наострила уши, но человек произнес лишь две фразы:

– Уверяет, что ничего нет. Похоже, что это так.

Опять наступила пауза, потому что человек слушал новые указания, и Вера напряглась: вдруг «невидимка» получит приказ выбить из пленницы «правду» силой? Обидно то, что она и правда не имеет понятия, о чем идет речь.

– Ну что ж, дорогая наша гостья. Сегодня вам, можно сказать, повезло.

Вас велели отпустить. Возможно, что мы вас еще пригласим. И если вы нас обманываете или обманете, имейте в виду, вежливыми мы уже не будем. Ты поняла?

Последнюю фразу, резко перейдя с вежливого «вы» на фамильярное «ты», человек уже не пропел, а прорычал, так, что Вера вздрогнула.

– Секир-башка тебе будет, – захихикал один из охранников, и на этот раз его шеф не стал его одергивать.

– Отвезите ее домой, – раздался новый приказ. И когда Веру, вновь с завязанными глазами, выводили из помещения, она услышала полетевшую ей в спину новую угрозу-напоминание:

– Запомни, девонька, мы к тебе будем наведываться. И если что от нас скроешь... В полицию, кстати, обращаться бесполезно. Тебе там не помогут. Будь, в общем, благоразумной!

– Ну и как им можно поручать что-то ответственное? А, Мефистофель?

Черный кот, дремавший на коврикe возле разожженного камина, лениво приоткрыл один глаз и опять сделал вид, что спит. Впрочем, судя по тому, что он едва заметно дергал ухом, все же прислушивался.

– Они так нас под монастырь подведут. А нам это совсем не надо, правда, Мефистофель? Хотя какой с нас спрос?

Кот опять приоткрыл глаз, словно в знак согласия, и фыркнул. Легкое брюзжание не раздражало его, наоборот, убаюкивало. Ему было уже немало лет, и он привык к этому ворчанию, так же как к вечернему лакомству в виде нежной утиной печенки или паштета из крольчатины. И если бы однажды не услышал голоса, почувствовал бы себя потерянным и заблудившимся. Помнится, когда-то, когда он был совсем молодым, едва услышав знакомые интонации, откликнулся радостным мяуканьем и выбежал навстречу. Сейчас же, будучи уже ленивым немолодым котом, Мефистофель реагировал на хозяйский голос чаще всего лишь подергиванием уха.

– Безмозглые неумехи, одним словом! Никакой тонкости в работе, никакого искусства. Рубят грубо, словно топором! Ну вот, скажите, неужели так трудно выполнить простое задание? А? Как ты считаешь, Мефистофель?

Кот согласно чихнул.

– И я так считаю. Ничего эти ребята не умеют. Тем более – следы замечать.

Мефистофель услышал шуршание, которое ему тоже было знакомо: такой звук издают перелистываемые газетные страницы. А затем раздался легкий шлепок: это сложенная газета упала на столешницу.

– Говорю же, безмозглые! Или просто-напросто ленивые.

В голосе зазвучали уже откровенно сердитые нотки, и кот встревоженно открыл глаза: хозяйский гнев хоть и не имел к нему никакого отношения, но звучал неприятно. Дремать под такой режущий «фон» становилось совершенно невозможным.

– А, Мефистофель, как ты считаешь?

У него на морде, там, где росли усы, пробивалась седина, и в переводе на человеческий возраст ему было уже за девяносто, он прожил довольно

легкую и сытую жизнь, поэтому вся его кошачья стариковская мудрость сводилась к тому, чтобы правильно угадывать хозяйские настроения и интонации в голосе. Быть приятным компаньоном – большего от него и не требуется. И за все свои «человеческие девяносто» он научился различать в голосе малейшие оттенки. К этому возрасту его зрение, как и обоняние, сильно ухудшились, а вот слух оставался по-прежнему острым. Вот и сейчас Мефистофель различил по едва заметной интонации, что вопрос, который очень часто звучал как риторический (хозяйская привычка – «советоваться» с ним по любому поводу!), на этот раз прозвучал так, словно от него действительно ждали ответа. И он тихонечко мяукнул, явив умильному взору, обращенному на него, нежный розовый язык и нёбо.

– Ты моя умница! – последовала тут же похвала, и Мефистофель с чувством выполненного долга вновь прикрыл глаза.

– Спишь? Ну, спи, спи. А я тебе расскажу историю дальше...

День тот был похож на начало конца света: ветер поднялся такой, что не просто деревья гнул, вырывал их с корнем, словно щепки, избы едва по бревнышкам не разбирали. А в трубе уж был, как тысяча раззадоренных чертей. Мрак, свист, шум, сам дьявол гуляет и потешается. И к ночи буря не стихла, только разыгралась. Смешалось все, где небо, где земля – не разобрать, все завертело в снежном буряне. Занесет дом снегом к утру по самую макушку как пить дать. Много бедствий натворит эта буря: крыши сорвет, заборы поломает, трубы снесет. Случайному путнику в эту ночь – смерть. Даже звери затаились в логовах и норах, пережидают. А у Ивана своя буря в душе: уходит Марфонька, лежит, вытянувшись, на лавке, дышит еле-еле, горячечный румянец спал с ее лица, которое белым стало, словно снег. Уже не шепчет Марфа неразборчивые слова в огневице, молчит и даже не стонет, видимо чувствует свой конец. Обманул чернокожишник! Зубы заговорил, вырвал обещание хоть душу взамен отдать, а сам ни пальцами не прищелкнул. Уже три дня миновало, а нет ни ответа от него, ни жене молодой улучшений.

– Марфонька, может, воды тебе, милая?

Молчит, будто не слышит, только тихонечко вздымается ее грудь, а дыхания самого и не различить. Худо, худо, подкралась беда, не уходит. Стоит, проклятущая, у изголовья, саван белый в костлявых руках протягивает, укрыть им желает молодую красавицу. Нет, не отдаст Иван любимую ей, сам рядом ляжет. Прижался щекой к щеке Марфы, обнял дорогую жену руками. И вдруг почудился Неторопову сквозь завывание ветра в трубе стук, будто об окно что-то ударилось. Вздрогнул, оглянулся Иван. Нет, ничего нет. Белым-бело за окном, кружит

метель. Отвернулся, а звук вновь повторился, на этот раз уже сильнее. Опять оглянулся Неторопов и различил за окном темное пятно. И стук вновь повторился, на этот раз уже методичный, как у дятла. Путник какой заблудился и просится на ночлег? Или птица какая? Только какая ж птица в такую непогоду! А если и так, то неспроста, к покойнику. Кыш, кыш отсюда! Иван замахал руками, да только птицу это не испугало. Темное пятно обрело более четкие очертания, Иван пригляделся и увидел, что это ворон – бьет в окно крепким клювом, следит за Нетороповым круглым глазом. У Ивана от этого птичьего, а будто человеческого взгляда по спине вдруг прошел озноб. Колдун прислал слугу за ним? «Приди, что бы ни случилось», – вспомнились ему слова чернокнижника. Он нерешительно оглянулся на лежащую на лавке жену, затем перевел взгляд на окно. Птицы больше не было. Померещилось? Сердце зашло в тревожном ритме. Как быть? Бросить Марфу одну и идти к колдуну? Но ведь это верная гибель – добираться так далеко в суровую непогоду. Ай не он ли недавно клялся умереть вместе с женой?

– Я приду скоро, – прошептал он и поцеловал жену в горячий лоб. Оставил рядом с лавкой попить, если Марфа придет в себя, торопливо завернулся в одежды и вышел на улицу.

Светопреставление, ад, конец света. Сильный ветер так и норовит сбить с ног. Брать лошадь с санями или так и идти пешком? Путь неблизкий, да и торопится он. Более не сомневаясь, Иван запряг лошадь, выехал со двора и пропустил сквозь метель что было мочи, подхлестываемый каким-то горячим отчаянием и непонятно откуда взявшейся уверенностью, что доберется до нужного места, не сбившись с пути. Когда он уже подъезжал к лесу, с самой крайней ели сорвалась черная птица, покружила над санями с громким карканьем и полетела впереди лошади. И буря ей была нипочем – летела себе и летела, то пропадая из виду, то вновь появляясь. Чудеса, да и только.

– Ну, веди меня к хозяину, – крикнул сквозь ветер Иван и подстегнул лошадь. Раз позвал его колдун, значит, знает, как помочь. Хорошо, не пешком отправился: вдруг чернокнижник пожелает увидеть хворую.

А вон и старая мельница. Иван остановил лошадь перед хлипким мостком и осторожно ступил на раскачивающиеся доски. Не провалиться бы. Река хоть и застыла, да кто его там знает. Перешел мост, не упал. А ворон исчез, когда Неторопов еще из саней вылезал. Довел до места и улетел. Ну ничего, не нужна ему более помощь птицы, спасибо, провела сквозь метель.

Иван поднялся по знакомым уже ступеням, постучал, и дверь, как

в прошлый раз, распахнулась сама.

– Хозяин! – крикнул он, переступая порог, и прислушался. Как и в первый его приход, тут было сумрачно. Не зажигает чернокнижник света. – Я пришел, как ты велел! Птица меня привела... Хозяин?

Нет ответа, только шорохи, будто шуршат по углам мыши, скрип да легкий стук. Иван постоял, покуда глаза привыкали к темноте, и пошел вперед, вытянув для надежности руку. Не встречаются его, неужели ошибся? Робость вновь овладела им, Иван даже вспотел, хоть было тут холодно почти как на улице.

Он едва не споткнулся и не упал на новых ступенях, которые неожиданно оказались на пути. Присмотрелся, спустился аккуратно на два приступка и оказался в небольшом помещении, в котором было гораздо светлей от зажженных двух свечей, стоявших в «рогатом» подсвечнике на грубом столе. Иван по привычке бросил взгляд в тот угол, где ожидал увидеть образа, но спохватился: не к праведному пришел! Вместо образов он различил треногий то ли стул, то ли стол, на котором стояли глиняные плоски с чем-то темным. Иван с любопытством обвел взглядом бревенчатые стены, почерневшие и растрескавшиеся от времени и сырости. Окинул взглядом потолок, разглядев висевшую на балках ключьями паутину. Пусто здесь и неприветливо. Два темных окна, будто два черных глаза, следили за ним, и Иван невольно вздрогнул. Зря он пришел сюда. И только так подумал, как услышал стон, заставивший его резко обернуться. На широкой лавке на волчьей шкуре лежал хозяин и натужно сипел.

– Помираю я. Время пришло, – прохрипел колдун, и у Ивана все внутри оборвалось. Кто ему теперь поможет, кто вылечит Марфу?

А чернокнижник и правда помирал, да еще в муках. Смерть стояла тенью в углу, но не торопилась уводить грешника за собой. Метался на своем ложе нечестивый, стонал, выл, загребал пальцами звериную шкуру, царапал с противным скрежетом отросшими когтями дерево лавки. Видел Иван колдуна раньше и думал, что тот еще вполне не старый себе мужик: волосы у него были черны как вороново крыло, лицо, хоть и испещренное хмурыми морщинами, не казалось лицом старца. А сейчас увидел Иван, что за те три дня, что прошли с последней встречи, волосы у колдуна стали белы как снег. Желтая кожа плотно обтянула череп, глаза ввалились так, что казалось, и нет их вовсе, а остались лишь черные глазницы, нос вытянулся и заострился. Страсти одни, а не лицо, изуродованное еще и муками. Иван украдкой перекрестился: никак наводил ранее колдун морок, чтоб видеться всем моложе и краше, прятал за маской ворожбы

истинный облик. А сам – столетний дряхлый старик, смерть и то краше. Черна его безбожная душа, ох как черна: отражена теперь на лице как есть.

– Не бойсь, не умру, не исполнив твоей просьбы, – зашелся каркающим смехом колдун. В груди его засвистело и засипело, и смех перешел в натужный кашель. – Но и ты обещался...

– Что ты хочешь? – смело спросил Иван и приблизился к умирающему.

– Книгу возьми... Вон там она, – он слабо указал высохшим пальцем куда-то в угол. Иван посмотрел туда и увидел некое подобие каменного алтаря, на котором и правда лежала книга. – В ней спасение для твой молодой... Возьми ее.

Ну что ж. Иван решительно подошел к алтарю. И едва коснулся книги, ладони будто обожгло, он вскрикнул и разжал пальцы, но кожа переплета словно намертво прилипла к коже его ладоней. Неся на вытянутых руках книгу, будто некого гада, Иван приблизился к ложу умирающего.

– Нет, себе возьми. Она теперь твоя, – опять прокаркал старик.

– Да что ты творишь, нечестивый? – закричал Иван и попытался отбросить книгу от себя. И опять безуспешно. Ладони жгло все сильнее, боль разливалась от них до самых локтей. Подумалось в ужасе Ивану, что теперь избавиться от книги можно, лишь отрубив руки. А колдун будто его и не слышал. Приподнялся чуть на ложе и прохрипел:

– Ты выполнил мою просьбу, теперь и я твою...

Глаза-глазницы его будто блеснули огнем.

– Слушай меня внимательно. Что жена померла, никому не сказывай. Не хорони ее по христианскому обряду, а в ту же ночь, не обмыв и не обрядив, отвези к темному лесу и похорони под кривой сосной у лысой поляны. И иди домой, не оглядываясь. Оглянешься – пропадешь.

Проговорил эти слова старик, оскалится в жуткой улыбке и упал на покрытую шкурой лавку. Иван в ужасе, не смея сдвинуться с места, глядел на бесчувственного колдуна, но будто и не видел его, ослепленный его последними словами.

– Проклятый! – взревел он, опомнившись, и плюнул в сторону чернокнижника. А затем, развернувшись, бросился бежать – в ужасе от услышанного, унося в сердце страх за Марфу. Ну как он мог поверить нечестному, как мог оставить свою ненаглядную одну?

Он не заметил, как перебежал мосток, как очутился в санях, как огрел кнутом лошадь, как пролетел поле. Очнулся уже в лесу и только тогда понял, что буря стихла и лес наполняет блаженная тишина. Будто вместе

с проклятым колдуном стонала и мучилась природа, а теперь наконец-то получила желанное избавление.

Подъехал к своему дому Иван в самых мрачных предчувствиях. Торопился так, что даже распрягать лошадь не стал. Только вылезая из саней, увидел, что валяется у его ног черная книга колдуна. А он и не заметил, как бросил ее туда. Проклятое наследство.

– Марфа! – вбежал с криком Неторопов в дом и замер на пороге. Жена лежала на лавке, повернув голову в его сторону. Глаза ее были открыты, но в них застыло выражение уже не муки, а умиротворения, будто то, что сейчас ей виделось, наполняло ее покоем и тихим счастьем. Иван, все поняв, снял шапку. Зарыдал, упал на колени и пополз к лавке, бормоча слова вины и покаяния.

Так и провел он почти всю ночь – на коленях у лавки, обнимая мертвую жену. Вместе с Марфой закончилась его жизнь, света больше без нее не будет. Солнца видеть не хочется, утонуть ему в черной ночи.

Показалось ему или нет, что в избе будто немного рассвело? Оглянулся Иван и увидел, что стоит у двери незванный гость, серебрится его фигура лунным светом, а сам полупрозрачен. Явился, нечестивый, руку, предупреждая возмущенные слова Неторопова, поднял и говорит с укором:

– Забыл, что я сказал? Поторопись. Скоро солнце встанет, и тогда не видать тебе больше Марфы. Да книгу мою береги: ты с нею теперь до конца дней своих связан.

Сказал и пропал, будто и не было его. Опомнился Иван, заметался по избе, мучимый думами: а вдруг не обманывает его черно книжник и вернет ему Марфу? Что он теряет, если уже потерял все: сердце, свет, душу? Выскочил Неторопов, будто безумный, во двор, вывел запряженную в сани лошадь. Торопиться, торопиться, куда не вошло солнце. Увезет он Марфу на лысую поляну, сделает то, что велел колдун. Только бы не встретился ему кто по пути, не помешал.

Он выехал со двора, везя укутанную в тулуп жену. С дерева вспорхнул уже знакомый ему ворон, но в этот раз не полетел впереди лошади, а сел Ивану на плечо. Дорога расстилалась лентой, лошадь бежала так бодро, будто и не везла страшный груз. А Иван в безумном нетерпении то и дело подстегивал Рыську. А вот и лес – сонный и молчаливый после минувшей бури. Иван направил лошадь по широкой просеке, а на развилке двух дорог свернул на узкую, занесенную снегом. Лысая поляна пользовалась дурной славой: говорили, что тут в стародавние времена собирались на шабаш ведьмы. Место это и правда было непростым: хоть сюда мало кто отваживался ездить, дорога никогда не зарастала, будто земля здесь

была заговорена на то, чтобы на ней не росла никакая трава. Снегу было намечено немало, лошадь замедлила ход, а в какой-то момент испуганно фыркнула, будто почуяла волка.

– Иди, иди, Рыська, чего встала! – прикрикнул на нее сердито Иван и вновь стегнул кнутом. Лошадь переступила передними копытами и медленно пошла по занесенной дороге. А вот и поляна – круглая, как пятак, окруженная соснами, одна из которых такая кривая, будто неведомый великан скрутил ее ствол в узел. Иван остановил лошадь, привязал ее к стволу ближайшего дерева, взял лопату и принялся разгрести снег под кривой сосной. Скорее, скорее, успеть бы до солнца. Безумная надежда придавала ему сил, копал Иван так споро, будто не мерзлую землю разбивал, а парной чернозем откидывал. Вырыл, насколько смог, неглубокую яму и уложил в это ложе красавицу жену, полюбовавшись на прощание ее чертами. Будто не умерла она, а уснула. «Хорошо ли тебе, Марфонька? Удобно ли, милая?» Горячие слезы струились по его щекам, когда он зарывал могилу, и отчаяние вновь сдавило горло. А ну-ка обманул его нечестивый?

Рассвет коснулся верхушек темных сосен в тот момент, когда Иван кинул последний ком земли. Не перекрестившись и не оглянувшись на свежий холм, Неторопов подошел к саням, отвязал лошадь и отправился домой.

По дороге ему уже встречались люди: то баба с коромыслом, то мужик с вязанкой дров. Но никто с ним не заговорил, никто не поприветствовал, обходили стороной, словно прокаженного. Вернулся Иван домой без помех, лег на лавку, на которой еще недавно лежала его хворающая жена, уткнулся лицом в ложе и уснул так крепко, будто мертвецки пьяный. Проспал Иван весь день до самой ночи, не откликаясь на стуки встревоженной Лукерьи, пришедшей спросить, как здоровье Марфы. Проснулся он внезапно, разбуженный неясным чувством тревоги. Открыл глаза и увидел льющий в окно ледяной свет взошедшей луны. В какой-то момент показалось Неторопову, что все случившееся с ним ему лишь привиделось. Да только холодно было так, изнутри холодно, словно вместо сердца оказался у него кусок льда. Нет больше с ним Марфоньки, превратилось его сердце в лед, некому согреть его душу.

– Марфонька, – в отчаянии позвал Иван, задыхаясь от подступающих рыданий. И в это время услышал тихий стук в дверь. Никак опять Лукерья, настырная баба. Не хотел он вставать, вести разговоры, да только будто какая-то сила его подняла. Подошел он к двери, распахнул ее и в изумлении замер: на пороге, улыбаясь, стояла Марфа.

Девицу отпустили и без его вмешательства, даже, как истинные джентльмены, привезли к дому, выгрузили у калиточки и едва ли ручкой на прощание не помахали. Влад, следовавший за джипом на расстоянии, остановился поодаль, проследил за тем, как девушка юркнула в свой двор, и после того, как джип скрылся за поворотом, решил подойти поближе. С мотоцикла он спешил, довел его с заглушенным двигателем и оставил напротив дома, а сам пересек дорогу и заглянул через забор. Хозяйство, судя по всему, было небольшим, дом приведен в порядок не так уж давно, участок аккуратный, подход к крыльцу тщательно выметен. На окнах – нарядные занавески, хранят секреты частной жизни. А Влада уже снедало любопытство: глянуть бы хоть одним глазком на то, как живет девица, чье утро выдалось таким оригинальным. Интересно, одна она живет или с кем? Влад вытянул шею, оглядывая участок в надежде отыскать хоть какие-то детали, способные ответить ему на вопрос. К примеру, растоптанные мужские шлепанцы у ступеней крыльца. Но нет, двор был как чистая страница в тетради и мало что мог поведать о своей хозяйке, кроме того, что она – великая аккуратистка. С одной стороны, это ей в плюс, с другой – если мания выставлять кастрюльки по росту и выравнивать педантично тарелки в стопке переходит все разумные границы – в минус. Впрочем, какое ему дело, как у нее стоит посуда на полках? Жить с нею он не собирается. Он вообще сейчас приедет домой и выкинет эту девицу из головы. Задание бабки он выполнил – проследил за внученькой, ничего из ее приключений не понял, но и это тоже не его дело.

Влад дотянулся до единственного яблока на дереве, висевшего на вытянутой к дороге ветке, сорвал и обтер о штанину джинсов. С аппетитом надкусил и сморщился: кислое, хоть, надо сказать, сочное и ароматное. Все же с деревенскими фруктами, выращенными в естественных условиях без всяких там химических подкормов, никакие красивые магазинные не сравнятся. Влад снова со смачным хрустом вгрызся в сочную мякоть плода.

– А ты что здесь, ирод, вынюхиваешь? – раздался вдруг громкий возмущенный вопль, от которого Влад вздрогнул и выронил наполовину съеденное яблоко в придорожную пыль. Повернувшись на голос, он увидел у забора, разделяющего два участка, закутанную в шерстяные кофты маленькую круглую старушку. Бабка была бы комична в своих многослойных одеждах, калошах, обутых поверх шерстяных носков, и платке, концы которого торчали надо лбом воинственными «рожками»,

если бы в руках у нее не было опасного оружия – здоровенной лопаты. Влад на всякий случай отступил от забора на шаг: бабки – они такие, импульсивные, им ничего не стоит сначала огреть лопатой, а потом уж разобраться, что к чему.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он и подарил старушке одну из своих самых очаровательных улыбок, которые, он знал, женщин не оставляют равнодушными. Но то – женщин, а не советской закалки бабушку, чей характер отлит на чугунных заводах, а подозрительность отточена в школе КГБ. Таких бабок – с «рожками» на лбу и лопатами в руках – выставить бы по границе страны, и ни одна муха мимо без контроля не пролетит.

Вот и эта старушка ни на его приветствие, ни на его улыбку положительно не среагировала. Лишь больше сдвинула на переносице густые брови и переложила черенок лопаты из одной руки в другую.

– Так чего тебе тут надо? – прокурорским голосом спросила она. – За Веркой следишь или яблоки воруюшь?

«И то и другое», – подумал Влад, но вслух, конечно, этого не произнес. Вряд ли чистосердечное признание смягчит его вину, и отведать ему тогда лопаты стопудово. Ну что за день!

– Да дом понравился! – соврал он. – Ищу себе похожий для покупки, присматриваюсь вот.

– И когда это ты успел дом рассмотреть, а? – подозрительно сощурилась бабка и махнула маленькой рукой в сторону мотоцикла. Вот старая зараза, даже байк его углядела! Никак сидела в засаде и следила за ним через щели в заборе.

– Вы ж как оголтелые носитесь на своих дырынчалках, только ветер в ушах свистит! По сторонам не смотрите. Не ври, я тебя видела: ты специально сюда явился, мопедину свою поставил и пошел.

Дырынчалка?! Мопедина?! Влад аж задохнулся от возмущения. Так его холеную «Хонду» еще никто не обзывал! Ну все, бабка, нарвалась, покусилась на святое, он сам за себя теперь не отвечает.

– Ну, чего напыжился? Иди, иди отсюда. Подобру-здорову. И не дырынчи! Верка, небось, со смены отдыхает.

– А вы, как я погляжу, сторожите ее сон. – Влад насмешливо покосился на лопату и, не слушая больше воплей старухи, направился к мотоциклу. Когда он уже надевал шлем, услышал, как в доме со скрипом приоткрылась дверь (ага, все же есть в этом идеально убранном хозяйстве изъяны – несмазанные петли!) и следом за этим раздался молодой женский голос:

– Зинаида Михайловна, что-то случилось?

– Да вон воришку спугнула!

Воришку?! Влад с остервенением натянул защитные перчатки. Все, с него хватит.

– Ходил тут все, высматривал, – продолжала вещать на всю улицу бабка. – Да вон он, на драндулете...

Влад завел двигатель и резко сорвался с места. Последнее, что он увидел, проезжая мимо забора, – бледное и испуганное лицо девушки.

VI

Мотоциклист умчался с такой скоростью, что разглядеть Вера его не успела. Да даже если бы и замешкался, лицо все равно закрывал черный шлем. Был ли этот мотоциклист одним из тех, кто ее похитил, или следил за нею сам по себе? В пользу первого говорило то, что явился он после того, как ее привезли домой, а значит, следовал за джипом. А может быть, мотоциклист просто проезжал мимо и спешился, чтобы сорвать яблоко? Но это предположение было столь наивно, что Вера даже улыбнулась.

– Ты чего разулыбалась? – тут же подозрительно спросила Зинаида Михайловна, о присутствии которой девушка на мгновение забыла. – Поклонник он, что ли, твой? Так ты так сразу и скажи! А то я его вон за вора приняла.

– Да какой поклонник! – поморщилась Вера. Если бы. Но поклонников у нее не было. Даже охранники из пансионата не оказывали ей, как другим сотрудницам, ненавязчивых знаков внимания. Вон и с тучной немолодой поварихой заигрывали, а с Верой всегда держались подчеркнуто вежливо и на расстоянии. Нет, обидно ей не было, о внимании сотрудников она не мечтала, как, впрочем, и о мужском внимании вообще, но все же факт оставался фактом: поклонников у нее не было.

– Как этот мужчина выглядел? – спросила Вера, надеясь, что Зинаида Михайловна выдаст подробную справку.

– Да как-как... Как бандит! – вынесла неутешительный вердикт соседка и сердито пошевелила бровями. – Весь в черном. И глаза такие наглые-наглые, ну прям что у моего кота Борьки, когда тот колбасу со стола тащит! А волосы не стриг давно, так и мотылятся патлами. Это что за мода такая, когда мужики косы отпускают? Нормальный работающий парень не станет волосы отращивать, они же ему работать мешать будут! А этот... Артист прям какой-то!

– Так артист или бандит? – уточнила устало Вера, понимая, что «фоторобот» с такими описаниями не особо составишь.

– Ну и артист, и бандит. Верк, чего прицепилась? Артист, который в кино бандитов играет, вот! – нашлась Зинаида Михайловна.

– Понятно, – вздохнула девушка и зевнула. Надо же, она думала, что пережитое начисто отбило у нее желание спать, а, оказывается, нет.

– Иди, отдыхай, – поняла ее соседка. – Ты небось спала? Я тебя разбудила?

– Нет, я позже приехала, – сказала она и прикусила язык. Чуть не проговорила, что ее задержали «приключения». Как это еще вездесущая соседка проглядела ее торжественное прибытие на бандитском джипе? Кстати, ее машина так и осталась стоять на служебной стоянке. Вера была так напугана похищением, что не сообразила попросить доставить ее не к дому, а к пансионату. Впрочем, бандиты и не спрашивали, сами привезли. Знали ее адрес, чем и подтвердили то, что это они украли из ее дома записную книжку Кузьминичны.

– Зинаида Михайловна, если этот человек опять тут будет вертеться, вы уж, пожалуйста, выясните у него, что ему надо. Или меня позовите.

– Да я и так его расспрашивала! Только он струсил и умчался! Точно, совесть нечиста!

– Я и бабу Шуру предупрежу...

– Верк? – насторожилась соседка и внимательно посмотрела девушке в лицо. – Ты что, в какие-то неприятности попала?

– Нет. С чего вы взяли? – натянуто рассмеялась Вера. Глупо вышло, не нужно было специально обременять соседку такой просьбой. Не хватает еще впутать в эту историю старушек.

– Да ты какая-то нервная.

– Не нервная, а уставшая.

– Ну, иди, иди, отдыхай! И чаю с мятой выпей! А то хошь, я тебе валерианы принесу? Заваришь, и всю нервозность как рукой снимет.

– Спасибо. Я лучше, Зинаида Михайловна, мятного чаю, – мягко улыбнулась Вера, попрощалась с соседкой и вернулась к себе в дом.

Мятный чай, всегда дающий ей покой, на этот раз совершенно не помог расслабиться. Видимо, концентрация тревоги в душе превысила все допустимые нормы, с которыми могла бы справиться мята. И пожалуй, предложенная соседкой валериана тоже бы не помогла. Впервые за долгое время к Вере вернулось ощущение одиночества – не свободы и гордой независимости, а именно горького, как полынь, и вытравливающего любые ростки позитивных мыслей чувство безысходного одиночества. Впервые Вера перестала чувствовать себя в этом надежном, казалось бы, убежище в безопасности. Случись что – и защитить ее некому. Да что там защитить! Просто даже пожаловаться, рассказать кому-то о своих страхах, и то некому, кроме соседок, которых Вера предпочла бы не пугать. А ни с кем больше близко в этом местечке она и не сошлась: после тех событий поклялась себе, что никому не позволит завладеть ее мыслями и сердцем, кто бы это ни был – мужчина ли, подруга. Никому. Так почему сейчас ей страшно до озноба? Ведь она сама решила начать жизнь с чистого листа,

оборвав все прежние связи и поклявшись себе не заводить новых. Но, оказывается, для того, чтобы вновь почувствовать уверенность, ей нужна протянутая ладонь, которую она могла бы сжать в своей. Ей просто нужно знать, хотя бы на мгновение, что, если она станет тонуть в страхах, кто-то ее спасет. Как когда-то Вера «спасла» новорожденную Лидию.

...Она была похожа на пупса-младенца, которого Вере так и не принесла погибшая в аварии за год до тех событий соседка. Впрочем, конечно, все было наоборот: это кукольные пупсы похожи на младенцев.

– Твоя сестра Лидия, – сказал важно и торжественно отец, будто объявил артиста перед выходом. Новорожденная «артистка», запеленатая в одеяло с голубой ленточкой, не замедлила тут же выступить, открыла большой рот, из-за которого почти не стало видно лица, и разразилась пронзительным криком.

– Голодная, – пояснила, немного смутившись, мама. – Надо покормить.

Она с орущей Лидией на руках ушла в спальню, а Вера так и осталась стоять с отцом в коридоре, переглядываясь и неловко переминаясь на месте. У папы в одной руке была большая синяя сумка, с которой мама уехала неделю назад в роддом, в другой – букет ромашек, которые он держал словно факел. Вера догадывалась, чем вызвана эта растерянность: в семье ожидали мальчика. Все народные приметы указывали на это, даже врач в поликлинике, суровая опытная женщина, по каким-то известным ей признакам вычислила, что родится наследник. Отсюда и голубые ленточки на одеяле. А родилась неожиданно еще одна девочка.

– Ну, поздравляю тебя с сестрой! – сказал папа и улыбнулся смущенно, будто не мог взять в толк, как это у них родился не обещанный мальчик. Вера тоже, как и папа, не знала, как реагировать на еще одну девочку в семье. Она понимала, что в их доме появился самый главный человек, которому отныне будет принадлежать все внимание, и что спокойствие опять нарушено – как после той аварии, в которой погибли соседи. Перемены ее пугали: а ну-ка теперь родители не будут любить ее, а все внимание отдадут этому кричащему кульку со взрослым именем Лидия? Пусть тогда уж пупс – с резиновой головой, прорезью рта для соски и пластмассовым туловищем. С пупсом можно поиграть и отложить, когда надоест, но, главное, он не будет поглощать все внимание мамы и папы.

– Ну, чего ты такая? – Отец заметил, что она скуксилась, и сунул ей в руки букет. – На, поставь в вазу.

Ваза стояла в серванте в комнате, в которой кормили Лидию. Вера робко вошла и, скосив глаза на сидевшую на разложенном диване маму со спущенной с одного плеча кофтой и прижимавшую к оголенной груди тихо

чмокавший сверток, на цыпочках пробралась к «стенке». Мама не обратила на старшую дочь внимания, и это еще больше убедило девочку в том, что ее позиция сместилась с первой на последнюю. Она закусила нижнюю губу, тихонько достала вазу и так же на цыпочках вышла. Отец поставил сумку на пол рядом с трюмо и теперь мыл руки.

– Вер, мы ее сейчас купать будем! – радостно прокричал он из ванной. – Будешь помогать?

Девочка не ответила, прошла на кухню и наполнила вазу водой. Расставляя красиво цветы, она опять подумала о том, что равномерное течение их жизни нарушено, внимание родителей целиком и полностью будет поглощать орущая новорожденная Лидия, а роль Веры сведется к «принеси-подай». Может, если бы родился брат, на которого настроилась вся семья, ей было бы проще отнестись к появлению в доме младенца: брат – это не девочка, а значит, по понятиям семилетней Веры, не конкурент в борьбе за родительскую любовь. Специально долго занимая себя цветами, девочка прислушивалась к доносившимся из ванной звукам. Отец достал ванночку, укрепил на бортиках большой ванны деревянную решетку, на которую ставился во время стирки таз, и пустил воду. А вскоре послышался голос вышедшей из комнаты мамы, которая говорила отцу о том, что надо бы заварить череды. За этой суетой – подготовкой к первому купанию новорожденной – о Vere совсем забыли. Девочка тихонечко прошла в комнату, где на диване лежало развернутое одеяло и ленточки, и присела рядышком. Ей было грустно и одиноко, эта суета была чужой, она не касалась ее, словно все происходило в какой-то другой параллели. Vere даже не было любопытно взглянуть на новорожденную сестру.

– Вера, а ты что тут сидишь? – В комнату с Лидией на руках вошла мама. – Я тебя ищу, ищу.

Девочка подняла голову и посмотрела на мать, и, как бы ей ни хотелось, ей не удалось скрыть несчастный вид.

– Ну что ты? – угадала ее мысли мама. – Боишься, что мы о тебе забыли?

Вера неуверенно кивнула.

– Глупышка. – мама переложила на одну руку младенца, а другой коснулась волос старшей дочери. – Так никогда не случится. Просто маленькие такие беспомощные, что им не обойтись без взрослых. Вот увидишь, ты ее полюбишь. И она тебя тоже.

Вера опять кивнула – скорее машинально, чем соглашаясь. Но все же первое сомнение в том, что, может, она не права в своих страхах, обнадежило ее. Мама всегда была с ней добра и открыто демонстрировала

свою любовь. Так, может, и правда она сможет любить двоих? Ведь Вера не сделала ничего плохого, за что бы ее могли разлюбить.

– Хочешь поддержать ее? – спросила мама и, когда девочка в третий раз молча кивнула, протянула ей Лидию. – Осторожно только. Возьми так...

Мама показала, как правильно брать младенцев. Лидия, почувствовав, что ее теперь держат не руки матери, недовольно сморщилась, будто собралась вновь заплакать. Вера робко покачала ее, и малышка успокоилась.

– Видишь, как у тебя получается! – обрадовалась мама, и Вера улыбнулась.

– Поддержи ее, пока я соберу все для купания.

Мама вытащила из ящика чистую пеленку и чепчик. В комнату зашел отец и объявил, что все готово.

– Вот и замечательно! Вера, неси сестру.

В ванной мама приняла Лидию из рук старшей дочери и осторожно погрузила младенца в теплую, окрашенную отваром череды в коричневый цвет воду. Лидия испуганно вытаращила глаза и открыла рот, чтобы закричать.

– Ну-ну, – ласково сказала мама и покачала на руках в воде новорожденную. Но Лидия не успокоилась, закричала и задергала крошечными ручками, будто пытаюсь выбраться или найти опору. И Вера, увидев панику в глазах сестры и суетливые дерганья ее ручек и ножек, инстинктивно сунула в воду палец. Лидия вдруг ухватилась за него и, сжав в кулачке, неожиданно успокоилась.

– Как она... Чувствует, что ты ее старшая сестра и в обиду не дашь, – довольно сказал отец и щелкнул приготовленной камерой. – Первый снимок!

На той фотографии Вера так и вышла со счастливой улыбкой и сунутой в воду рукой. До конца купания Лидия продолжала держать ее за палец и ни разу не захныкала.

Они с Лидией всегда были дружны. Младшая сестра росла немного избалованной, но если с родителями и позволяла себе покапризничать, то со старшей сестрой – нет. Для нее Вера вообще была идеалом. Несмотря на разницу в семь лет, они были близки, как близнецы. Так зачем кому-то понадобилось так перетасовать карты и спутать линии их судеб в змеиный клубок, чтобы это привело к трагедии? Зачем? Кому мешали их отношения?

Вера даже не заметила, что уже плачет, роняя на дно опустевшей чашки полынно-горькие слезы. Какой тут мятный чай, когда прошлое, от

которого она, казалось, убежала, сомкнуло на ее шее крепкие пальцы. Мосты она сожгла, но то и дело оглядывается на «тот» берег, мысленно, хоть и не часто, возвращаясь на него и переигрывая уже случившуюся ситуацию, в которой ничего нельзя исправить, в разных вариантах. Зачем? Она и сама не знала.

* * *

Квартира встретила приятной тишиной и покоем. Трехэтажный кирпичный дом старой постройки, не так давно переживший капитальный ремонт, мало того что имел толстые, будто в замке, стены, так еще находился в уединенном месте вдали от дороги. Фасад его выходил на старый фруктовый сад, деревья в котором хоть и плодоносили мало, но весной обильно цвели, наполняя чистый деревенский воздух дивными ароматами, а душу – поэтическим вдохновением. Задняя часть здания выходила на уже не действующее кладбище, и этот вид доставлял Владу эстетического удовольствия даже больше, чем цветущий по весне фруктовый сад. Было в этом кладбище что-то умиротворяющее, нечто, что заставляло думать о вечном, размышлять о пользе или бесполезности совершаемых поступков и философствовать. Влад любил сидеть на подоконнике в спальне поздним вечером, засиживаясь до того времени, когда взошедшая луна подсвечивала покосившиеся деревянные кресты и массивные надгробья, рассматривать серебящиеся в холодном свете пустые дорожки, мысленно «прогуливаться» между старых оградок. Он и в реальности уже столько раз ходил по этому кладбищу, что запомнил расположение надгробий и фамилии, высеченные на граните. «Хобби», которое многим показалось бы экстравагантным, на самом деле стало частью его жизни. Он и Смерть шли рука об руку уже довольно долгий путь, подобный тому, по которому проводит Мастер своего лучшего Ученика.

Влад повесил на крючок напольной вешалки куртку и прямо в массивных ботинках прошел на кухню, открыл холодильник и вытащил бутылку пива. Ловко откупорив ее широким кольцом из потемневшего серебра, которое носил на безымянном пальце, там, где супруги носят обручальные, он сделал глоток прямо из горлышка и застонал от удовольствия. Любителем алкоголя он не был, но иногда, когда чувствовал себя измотанным, в качестве расслабляющего средства позволял себе бутылку ледяного пива. Он сделал еще один глоток, снял ботинки и присел

на подоконник. Кухонное окно выходило на сад, вид на который сегодня, в косых струях зарядившего дождя, казался унылым. Разглядел свой поставленный у подъезда мотоцикл и усмехнулся, вспомнив удивление и недовольство матери, узнавшей, что он решил бросить сумасбродную столицу и поселиться, по ее мнению, в глуши. Она никак не могла взять в толк, отчего это молодому мужчине, у которого, казалось бы, в столице было все – от хорошей машины до перспективной работы, – вдруг взбрело в голову продать свою холостяцкую «однушку» в не самом плохом районе, преобразованную в модную студию, и купить квартирку в старом доме в области, да еще с видом на заброшенное кладбище. Конечно, матери мечталось совсем о другой жизни для любимого сына. И он ведь до поры до времени и шел по этому намеченному для него родителями пути: престижный вуз, перспективная работа, карьерный рост. Недоставало лишь чуть-чуть, чтобы исполнить все родительские мечты – жениться и родить детей, как вдруг он резко свернул с широкой, гладко проложенной трассы и умчался на всех парах по размытому бездорожью в неизвестном направлении. Какое-то время родители ожидали, что их блудный сын одумается и вернется, но шли годы, и он встал в это место так крепко, как многовековой дуб – корнями в землю. В конце концов на него махнули рукой, записали в категорию «блаженных», почти смирились и с радостью открывали ему двери, когда Влад по выходным седлал свой мотоцикл и отмахивал на нем много километров, чтобы повидать стареющих родителей и сестру. Соседям, Влад знал, мать врала, что у него есть невеста, с которой он живет за городом в собственном коттедже. А то, что каждый раз он приезжает в гости один, без «девушки», так этому тоже находила какие-то объяснения. Влад только посмеивался и не сердился на мать. Ну что ж, хочется ей тешить себя такими фантазиями – пусть, этот вымышленный мир ей кажется куда добрей и понятней, чем тот, с которым он на самом деле был связан.

Пиво закончилось, а вместе с ним – и философские мысли о бренности существования и неоправданных родительских надеждах. Мужчина выкинул пустую бутылку в мусорное ведро и открыл холодильник в поисках чего-то, из чего можно соорудить бутерброд. Сырокопченая колбаса, нарезанная тонкими кружочками, и кусок сыра, заботливо уложенные на толстый кусок хлеба. Отлично! Теперь можно и новости в Интернете почитать, раз утро уже пропало в ненужных ему хлопотах. Влад вошел в гостиную и чуть не выронил тарелку с драгоценным бутербродом, потому что увидел неожиданную гостью. Старушка, одетая в синее платье с белоснежным воротничком, с серебристыми волосами,

уложенными в аккуратную прическу, тихонечко сидела на краешке дивана, скромно сложив тонкие кисти на коленях. Увидев хозяина, она виновато улыбнулась и чуть склонила голову набок.

– Опять вы?! – возмущенно воскликнул Влад и с тоской покосился на бутерброд. Ну вот, вместо долгожданного отдыха вести теперь беседы с незваной гостьей. Старушка тихо вздохнула и промолчала.

– Проследил я за ней, вашей внучкой, – сказал он, решив, что чем скорей перескажет гостье новости, ради которых та и явилась, тем быстрее от нее отвяжется и наконец-то сможет заняться своими делами. – Честно говоря, мало что понял. Но это в мою задачу и не входило, ведь правда?

Он кратко рассказал, как дождался появления девушки на крыльце пансионата и что за тем последовало. Гостья слушала его внимательно, ни разу не перебив, но на ее лицо по мере его рассказа тихонько напоздало, словно туча на ясное до этого неба, выражение сильного беспокойства.

– Я так понял, это были ее знакомые? – закинул удочку Влад, которому стало уже любопытно. Присев напротив гостьи на стул, он откусил от бутерброда большой кусок и, не стесняясь, принялся пережевывать. Старушка в ответ отрицательно качнула головой.

– Я этого и боялась. К сожалению, поторопилась. Хотела сделать девочке подарок, а, похоже, впутала ее в неприятную историю.

Влад перестал жевать, вслушиваясь в тихий шелест старушкиного голоса, надеясь, что сейчас узнает тайну похищения девушки. Но гостья вздохнула и опять замолчала, рассматривая свои руки. И вот когда он уже, потеряв терпение, решил ее поторопить, продолжила:

– Завтра ей вручат один пакет. Я так распорядилась и, к сожалению, отменить уже ничего не могу. Когда я отдавала это распоряжение, не думала, что все так повернется. Но теперь уж что поделаться... Мне хотелось как-то поблагодарить ее за заботу, и это было на тот момент все самое дорогое, что у меня было. Если девочка это удачно продаст, может получить неплохую сумму. Но теперь она должна быть очень осторожна. То, что ей передадут, ни в коем случае не должно попасть в руки тех, кто ее сегодня похитил! Даже если ей будут предлагать купить это за очень приличные деньги.

– Что там, в конверте? Чертеж какого-то супермощного оружия, за которым охотится американская разведка? – пошутил Влад.

– Похоже на то, – улыбнулась старушка, вставая и аккуратно оправляя складки своего платья. – Пожалуйста, передай ей то, что я тебе сказала.

– Она мне поверит? – фыркнул Влад. – Как вы себе это представляете?! Она подумает, что я – один из тех, кто ее похитил.

– Придумай что-нибудь! – неожиданно ледяным тоном сказала гостья и сердито нахмурила брови. – Случится с ней что, с тебя и спрошу.

– Да я тут при чем?! – закипел Влад.

– А при том, – уже другим тоном, вкрадчивым, сулящим несметные сокровища, проговорила она, – что я могу предложить тебе нечто такое, от чего ты не сможешь отказаться...

Он выслушал ее, совершенно забыв о бутерброде. А когда гостья закончила, на вопрос, берется ли он за дело, лишь молча кивнул. От такого не отказываются, она права. Он-то уж точно.

* * *

– Верк, Верк, ты спишь? – раздался со двора звучный голос Зинаиды Михайловны, сопровождаемый энергичным стуком в калитку. Вера нехотя оторвала голову от подушки и взглянула на стоявший на тумбочке рядом будильник: проспала меньше двух часов. Что за пожар приключился у соседки, если она решила ее поднять? Вера накинула поверх пижамы короткий батистовый халатик и пошла открывать.

За забором стояла Зинаида Михайловна. Из-за ее плеча, робко переминаясь с ноги на ноги, выглядывала баба Шура. Вид у обеих старушек казался встревоженным. Рот Зинаиды Михайловны был сомкнут в прямую решительную линию, и возле бесцветных и истончившихся до нитки губ собрались короткие вертикальные морщинки. Брови, напоминавшие две седые гусеницы, соседка нахмурила так сильно, что они сошлись вместе на переносице. Даже «рожки» платка топорщились не в разные стороны, а вверх, будто антенны, что означало высшую степень готовности Зинаиды Михайловны к бою. Баба Шура выглядела скорей встревоженной, чем воинственной – в силу своего куда более мягкого характера. Она неловко улыбнулась Вере металлическими коронками и одернула передник, повязанный на темно-коричневое платье. Видимо, она готовила, а соседка отвлекла ее от дела.

– Спала? – хмуро осведомилась Зинаида Михайловна вместо приветствия. И, не дожидаясь приглашения, шагнула во двор. Вера посторонилась, пропуская старушек, зная уже, что, если те надумали войти, никакая сила их не остановит.

– Случилось что? – запоздало спросила она в спину поднимающейся на крыльцо бабы Шуры.

– Случилось! – ответила за обеих Зинаида Михайловна, оглянувшись

на Веру и смерив девушку через плечо таким взглядом, будто та и была причиной какого-то происшествия. – Маньяк у нас завелся, вот что!

– Какой маньяк? – не поняла Вера. Старушки тем временем уже вошли в большую комнату, баба Шура скромно осталась стоять у двери, сложив ладони на переднике. А Зинаида Михайловна шлепнула на пустой стол газету и торжественно указала на нее пальцем:

– Вот! Там все написано.

Вера взяла в руки газету и мельком пробежала взглядом первую страницу. Газета была местной, выходила два раза в неделю и в основном освещала культурные события типа фестиваля военной песни, приуроченного к Дню Победы, конкурса детских рисунков, происходившие в их городке, а также то и дело восхваляла добрые поступки местного олигарха Варенникова вроде закупленной в местную школу новой партии компьютеров или затеянного на его деньги ремонта поликлиники. В периодике допускалась очень малая толика политических новостей, чтобы издание не казалось совсем уж оторванным в информационном плане от мировых событий.

– Вон там читай. – Зинаида Михайловна нетерпеливо выхватила из рук Веры газету и ткнула пальцем в маленькую заметку на последней полосе, отчеркнутую красным карандашом. Девушка послушно пробежала взглядом убогие строчки, сообщавшие, что в лесополосе за автобусной остановкой местными грибниками было обнаружено тело молодой девушки, в которой опознали пропавшую два месяца назад столичную жительницу Галину Старополову. Смерть, говорилось в заметке, наступила примерно в то же время, следов борьбы на теле девушки обнаружено не было. Вот и все подробности. Вера прочитала текст дважды, в первый раз недоумевая, почему эта заметка заставила старушек срочно бежать к ней, и во второй раз – внимательней, пытаясь понять, почему в ней что-то показалось знакомым.

– И? – спросила она, кладя газету обратно на стол. – С чего вы решили, что это маньяк?

– Ну а как же, Верочка, – пожалала плечами баба Шура. – А кто ж еще девок молодых будет убивать, как не он?

– Баб Шур, во-первых, речь идет об одной девушке, а во вторых, в газете нет ни слова о том, что ее убили.

– Ну а что же тогда с ней случилось?

– Да что угодно! – воскликнула Вера. – Стало плохо с сердцем, к примеру, куда-то упала и разбилась, заблудилась и умерла от голода. Что угодно!

– Не-ет, что-то тут не так, – заявила Зинаида Михайловна так авторитетно, будто сама лично видела труп. – Тогда так бы и сказали: умерла потому-то и потому-то. А то молчат!

– Так Зинаида Михайловна, это же просто заметка, не статья! Да и наверняка в интересах следствия или по просьбе семьи умолчали о подробностях.

Соседка поджала губы и метнула хмурый взгляд, из чего стало ясно, что с доводами девушки она категорически не согласна.

– Зинаида Михайловна, милая, это не криминальный сериал, – тихо засмеялась Вера. – Это только в кино в тихий городок приезжает маньяк и начинает охотиться на местных девушек.

– Жизни ты совсем, Верка, не знаешь, – огорченно проговорила Зинаида Михайловна, тряхнув «рожками» платка. – Нельзя быть такой неосторожной, девонька! Особенно сейчас, когда он вновь вышел на охоту!

– Да кто, Зинаида Михайловна?! – вскричала, теряя терпение, Вера. Ей отчаянно хотелось спать, а не слушать соседкины домыслы, основанные на просмотренных сериалах.

– Маньяк! – рявкнула та. – Он же рядом с тобой ходит, не поняла, что ль? Это ведь он тебе через забор заглядывал! Выслеживал! Я вот Шуре рассказала, так она то же самое говорит. Правда, Шур?

Баба Шура утвердительно кивнула и вновь огладила руками и без того идеально сидящий на ней передник – привычка, которая проявлялась в моменты ее сильного волнения или тревоги.

– О, это вы загнули, Зинаида Михайловна!

– Загнула не загнула, но вот предупредила, – отрезала старушка и сердито оглянулась на свою подругу. – Мы с Шурой, конечно, будем на страже, тебя в обиду не дадим. Но и ты будь осторожна!

– Хорошо, буду, – кивнула Вера. Проще согласиться, чем спорить. Соседок, особенно Зинаиду Михайловну, не переубедишь, если что им втемяшилось в голову. Маньяк – значит маньяк. Впрочем, от такой подозрительности старушек тоже есть польза: любая личность, околачивающаяся у ее дома, не останется незамеченной. Жаль только, что в тот день, когда незнакомые забрались к ней в дом и украли книжечку, Зинаида Михайловна, как на грех, отправилась за покупками. Впрочем, чего уж теперь сетовать: можно сказать, «познакомилась» она уже с ними.

Соседки, взяв с нее еще тридцать три обещания быть осторожной, наконец-то ушли, оставив газету на столе: никак в качестве напоминания о «маньяке». Вера опять перечитала заметку, уже в тишине и одиночестве пытаюсь понять, что ее так в ней зацепило.

Имя и фамилия погибшей. Галина Старополова – это имя было записано в той черной книжечке, которую ей дала Кузьминична. Фамилия была не такая уж распространенная, потому и запомнилась, к тому же у Веры была хорошая память на имена. Теперь понятно, почему в тот раз, когда Вера позвонила, собеседница не взяла трубку. К тому времени она уже два месяца как была мертва.

Вера заходила в волнении по комнате: а что, если бандиты забрали у нее блокнот именно потому, что в него было внесено имя этой погибшей девушки? Значит ли это, что они как-то были связаны с нею или, не дай бог, причастны к ее гибели? Вере стало страшно. Она схватила свой телефон и отыскивала оставшиеся в памяти телефоны тех пятерых людей, по которым звонила. По двум ей тогда не ответили (Галина и некая Яна), один раз трубку взяла девушка – Мария Синицына (сказала, что никакой Валентины Кузьминичны не знает), по четвертому номеру ей сообщили о смерти некоего Сергея Петрова. И наконец, по пятому номеру ответил мужчина, который тоже не был знаком с Кузьминичной. Сама еще не понимая, зачем это ей нужно, поддавшись порыву, Вера позвонила по одному из этих номеров, а затем, услышав сообщение о том, что абонент недоступен, набрала другой номер, третий, четвертый... И четыре раза получила одинаковый ответ – о недоступности абонента. Даже у ответившей ей в первый раз Марии Синицыной оказался отключен телефон. И если до этого Вере просто было страшно, то сейчас на нее накатила настоящий ужас: она вообразила себе, что всех этих людей постигла одна участь. Во что ее втянула Кузьминична?!

И только на пятый раз трубка наконец-то отозвалась живым голосом.

– Слушаю! – произнес тот мужчина, с которым Вера разговаривала в первый раз.

– Але? – вопрошал незнакомец, а она не знала, что ему ответить. Она была почти уверена в том, что и у этого абонента телефон окажется отключенным, и оказалась неготовой к разговору. Поэтому она нажала на кнопку отбоя и тихонечко положила мобильный на стол рядом с газетой.

VII

Ух и страшный же сон ему привиделся! Будто умерла Марфа, похоронил он ее, а жена воскресла, пришла домой, стоит, будто живая, улыбается краешками рта.

– Что ж ты, милый, меня не пускаешь? Или не рад?

– Бог с тобой, Марфонька, как же не рад? Да разве так бывает, что покойная жена является сама?

– Замерзла я, милый, пусти отогреться.

Руки протягивает – холодные, будто изо льда. Коснулся их Иван и невольно отдернул ладони. А Марфа смотрит с упреком – обижена таким нерадостным приемом. Да все это от неожиданности. Дар речи потерял, увидев мертвую жену воскресшей.

– Устала я, пройдя такой путь. Далеко, темно, страшно... Пусти меня. Или уже не любишь?

Как не любит – сердце от горя разрывалось. Только какая-то Марфа не такая. Улыбается, а глаза смотрят цепко и холодно, словно вглядываются Ивану в самую душу.

– Проводи меня, Ванечка, – вздохнула горько и пошатнулась Марфа, будто от слабости. Неторопов едва успел подхватить ее под локоть. А что, если не умерла жена вовсе, лишь чувств лишилась, а он, обезумев от горя, поторопился? Дал увлечь себя лживым словам старого грешника, отвез бесчувственную жену в лес да бросил?

– Конечно, милая. Провожу я тебя. Ты прости меня, Марфонька, сам не свой был от горя. Думал, потерял тебя.

– Да нет же, милый! Как же потерял! Вот она я.

Прижалась она к нему застенчиво-робко, как обычно, и Иван, ободренный этим знакомым ему ее прикосновением, повел Марфу к лавке, уложил, укрыл теплее и сел рядом. Держит ее руку, не отпускает, будто боится, что исчезнет жена, как утренний сон, греет ее ледяные пальцы.

– Марфонька, постелить тебе на печи? Там теплее, а тебе нездоровится.

– Ну что ты, милый! – улыбнулась она, но как-то отстраненно, будто и не ему, а мыслям своим. – Не больна я вовсе! Была, да излечилась. А что слаба, так устала. Я посплю и наберусь сил.

Уснула она, а Иван еще долго сидел рядом и гладил непокрытые

волосы жены, в которых таял снег, а потом и сам уснул рядом на полу.

...Очнулся Неторопов на рассвете, в панике метнул взгляд на лавку и с облегчением выдохнул: все в порядке, спит его Марфа, отдыхает. Приснилось, значит, ему это все. Но какой же этот сон страшный и правдивый! До сих пор в груди сердце мечется от страха, будто пойманная в клетку дикая птица. Иван наклонился над Марфой, послушал ее дыхание: дышит она так тихо, что и не различишь. Только видно, что во сне слегка дрожат ресницы, будто видит Марфа тоже какой сон, но, однако, ее лицо остается безмятежным, видимо, снится ей что-то доброе. Все хорошо, но отчего-то было Ивану жутко и беспокойно на душе, словно беда еще не случилась, а вот-вот должна произойти. В этой маете ходил он по избе из угла в угол, бросая настороженные взгляды в сторону спящей жены, не в силах заняться делом. Проснулась бы Марфа скорей. Может, открыла бы глаза, сказала ему два слова, он бы и успокоился. Но она не проснулась даже тогда, когда пришла Лукерья.

– Ох и непогода нынче разыгралась! – посетовала баба. – Двор твой вон как замело! Прошла по следам полозьев. Ты выезжал, что ль, куда?

Иван молча кивнул, а тело будто окатило горячей волной: как понять, где правда, а где – приснившееся? И хоть пытался он успокоить себя тем, что к тому времени, когда возвратился от колдуна, буря уже стихла, сомнения, сколько раз за минувшую ночь он выезжал со двора, остались. А Лукерья тем временем, проверив, как Марфа, уже засуетилась по хозяйству: поставила в печь горшок с кашей, а затем взялась выметать избу.

– Лежит, будто неживая, – обронила обеспокоенно она, подойдя в очередной раз к хворающей и прислушиваясь к дыханию той. – Спит вроде как. Ну да пусть спит. Огневица сошла, и то чудо! Уж думала, сгорит Марфонька.

Лукерья оттерла уголком передника уголки глаз и вновь вернулась к хлопотам. Иван ничего не сказал и, не желая слушать разговоров бабы, тихонько вышел во двор, взял лопату и стал расчищать двор. А непонятная тревога так и сдавливала грудь. И не за здоровье жены теперь ему было беспокойно. Яростно кидая в стороны снег, Иван будто торопился убрать следы ночной поездки и избавиться от смуты, поселившейся в душе. Но чем жарче становилось ему от работы, тем сильнее звучали в его голове нехорошие мысли. Докопав до порога, он откинул в сторону лопату и отправился повидать лошадь.

Рыська встретила его взглядом, в котором грусть сочеталась с упреком. «Что ж ты, хозяин, обо мне совсем забыл?» Иван похлопал

лошадь по морде, ласково пошептал ей нежные слова, затем распряг и кинул сена.

– Ешь, хорошая.

Глядя на то, как Рыська берет мягкими бархатными губами сухие травинки и перетирает их крупными желтыми зубами, он потихоньку начал успокаиваться. Страшная ночь выдалась, да, но день все расставил по местам: видимо, обморочил его колдун, видений ужасных наслал. Но ведь помог, как бы там ни было: Марфа-то жива и на поправку пошла! Ну что ж, если цена всему – отданная ему на хранение книга, то это не такая уж большая цена. Иван перекрестился и полез в сани. Долго шарил в полумраке рукой то по скамье, то под нею, пока не нащупал то, что искал. Вот он, «подарок». Люди говорят, что нельзя брать ничего у умирающего колдуна, да только Иван в таком отчаянии пребывал, что и на сделку с дьяволом пошел бы.

Увесистая эта книга, толстая, видимо, хранит черные секреты, накопленные не одним поколением ведунов. Как же с таким сокровищем чернокнижник добровольно-то расстался? Те же люди говорят, что тяжело умирают колдуны, не передавшие своих знаний. Видимо, и правда было худо ему, раз решился отдать свою драгоценную книгу первому малограмотному мужику. Эта увесистая ноша, словно камень на шее утопленника, не давала улететь его черной душе из поганого тела. Только вот что теперь Ивану с этой книгой делать?

Неторопов ощупал в полумраке переплет, сделанный из толстой кожи: гладкий, ничем не украшен, без выбитых или нанесенных на нем надписей. Но необычное тепло исходило от него, будто от живой кожи, согревало ладони, вызывая легкое в них свербение. И не сказать, что неприятное... Что это? Сила вливается в него через ладони из книги? Любопытство пересилило, и Иван, вопреки своему желанию отбросить проклятую книгу, продолжал держать ее в руках. И вот что странно, тревога, до этого терзающая его сердце, вдруг как-то ушла, и пришло неожиданное понимание, что ему эта книга еще понадобится. Пока она будет с ним, будет ему спокойно.

Иван нашел кусок старой мешковины, отряхнул ее от пыли и аккуратно завернул в нее подарок колдуна. А затем спрятал сверток с книгой за поленницу. Тут – надежно.

Вера сидела на неудобном стуле и слушала длинный монолог скучного человека в синем костюме.

Сегодня утром Веру вызвали в городскую нотариальную контору, и Вера всю дорогу гадала, зачем же она понадобилась нотариусу. Девушка-секретарь в тесной приемной тоже ничего не объяснила, только с вежливой улыбкой попросила подождать. Ждать пришлось полчаса, пока наконец Веру не пригласили в маленький кабинет со спертым воздухом и невымытыми окнами.

Человек в костюме пожал ей руку плотной горячей ладонью, а затем пригласил присесть. И завел эту длинную речь, из которой Вера поняла то, что Валентина Кузьминична оставила ей кое-что в наследство и просила отдать ей это после своей кончины. «Почему он не откроет окна?» – думала Вера, глядя, как нотариус то и дело извлекает из кармана смятый клетчатый платок и вытирает им капли пота на лбу и лысине. Почему-то этот вопрос ее занимал куда больше того, ради которого ее сюда вызвали. Возможно, ее любопытство просто уснуло от духоты.

Наконец нотариус закончил речь, попросил Веру расписаться в каких-то документах, которые девушка просмотрела лишь мельком, мечтая поскорей покинуть этот кабинет, а затем, открыв сейф, передал ей небольшой, но пухлый конверт с печатями. «Вот так сразу?» – удивилась про себя Вера, думавшая, что за оставленным ей наследством придется еще куда-то ехать, опять ждать, подписывать какие-то бумаги. Она прижала пакет, оказавшийся, несмотря на объем, легким, поблагодарила и наконец-то распрощалась.

В машине она, памятуя о недавних «приключениях» и подчиняясь инстинкту самосохранения, но не в силах сдержать проснувшееся любопытство, заблокировала двери и окна и надорвала пакет. Первым делом она извлекла из него небольшой амулет на цепочке. А затем еще один конверт, на этот раз обычный почтовый, с маркой, но без надписанных адресов отправителя и получателей.

«Верочка, пусть вас не удивляет моя маленькая прихоть. Так вышло, что вы для меня вдруг стали родной, как дочь...» – прочитала она и остановилась от нахлынувших чувств. Образ Кузьминичны встал перед глазами так четко, словно старушка сидела с ней рядом и тихим ласковым голосом зачитывала содержание письма.

«...Так вышло, что вы для меня вдруг стали родной, как дочь. Мне бы хотелось дать вам многое в знак благодарности за ту заботу и любовь, которой вы окружили меня, за те минуты радости, которые подарили мне наши небольшие разговоры, но, к сожалению, мой подарок слишком

скромен. Но это все, что осталось у меня ценного. Эта вещь долгие годы была со мной. Досталась она мне от матери, а той – от ее матери. Семейная легенда говорит, что получила эту ладанку моя прабабка-знахарка Лукерья. И хоть этот оберег должен был охранять другой род, так получилось, что оказался он в нашей семье. Когда я впервые увидела вас, моя Верочка, мне подумалось, что эту ладанку я непременно должна отдать вам. Почему – не знаю, но будто она сама «выбрала» вас. Даже родному сыну я решила ее не оставлять. Да он и забыл об этой ладанке, так как я ее не носила, а хранила среди своих личных вещей.

С подарком вы можете поступить так, как вам будет угодно. Можете продать: эта вещь старинная и имеет цену. Ниже я укажу вам телефон человека, который может ее купить по хорошей цене. Это один мой старинный друг, который занимается скупкой и продажей старых вещей. Он вас не обманет. А можете оставить эту ладанку себе. И тогда пусть она хранит вас так, как оберегала меня».

Вера прервала чтение и взяла в руки лежащую на коленях цепочку с ладанкой. Была она изготовлена в виде прямоугольного сосуда из почерневшего от времени серебра. Одна сторона, та, которой ладанка прилегалась к телу, была гладкой, вторая же – с выпуклыми узорами, украшенная несколькими разноцветными камнями, которые, как Вера смела предположить, были драгоценными. Девушка любопытства ради легонько попыталась открыть крышечку, но та не поддавалась: то ли оказалась запаянной, то ли от времени настолько притерлась к резьбе, что открыть ее уже не представлялось возможным. Вера оставила свои попытки, дабы ненароком не сломать что-то в этом обереге.

«...Я знаю, моя дорогая, что вы – необычный человек, хоть и считаете свой дар проклятием. Откуда я узнала об этом – пусть останется моим маленьким секретом, слишком долго рассказывать. Скажем так, мне намурлыкал это наш кот Гаврила в мой последний день. Вы, верно, удивлены. Еще бы, но не волнуйтесь, ваш маленький секрет я унесу с собой. Почему я не заговорю с вами об этом с глазу на глаз? Ну, во-первых, чтобы не разрушить возникшее между нами доверие, ведь вы так тщательно скрываете от всех свои способности. Во-вторых, это открытие наверняка повлекло бы за собой вопросы, на которые ответить я не могу. И, в-третьих, думаю, у меня уже осталось слишком мало времени, гораздо меньше, чем могло бы понадобиться на этот разговор. Я не знаю, что за история скрывается в вашем прошлом. Возможно, у вас есть веские причины скрывать свои способности, но я надеюсь, что в какой-то день вы перестанете отрицать их и примете как некий дар.

Прощайте, Верочка. И будьте счастливы».

Вера перечитала письмо дважды, затем аккуратно сложила его и убрала в карман. Сложно описать, что она чувствовала в этот момент: здесь было все – от печали до недоумения и даже немного злости на Кузьминичну за то, что многие вопросы так и останутся без ответа. Что-то подсказывало ей, что подарок старушки, ее письмо, а также украденная записная книжка – это лишь верхушка айсберга. А самое главное так и останется скрытым. И как может Кузьминична говорить о ее «способностях» как о даре?

...То страшное черное марево, которое Вера впервые увидела в шесть лет, не возвращалось к ней долго. Она уже и забыла почти о старой истории, помнила лишь, что были у них счастливые и добрые соседи, с которыми дружили родители, но вспоминалось это уже нечасто: в опустевшую квартиру въехала новая пара с сыном-подростком, отношения между соседями остались на уровне нейтрально-вежливых, так и не перешли в дружеские. И о «мареве» Вера постепенно забыла, пока оно вновь не напомнило о себе спустя три года.

Каждое лето в их дворе появлялась ровесница Веры Алина. Алина приезжала к бабушке на летние каникулы, а бабушка девочки жила в соседнем с Верой подъезде. Детишек в их пятиэтажке на три подъезда было не так уж много, и в основном мальчишки, которые сбивались в стайки и играли в свои игры, чаще всего в «войнушку». Иногда Веру тоже брали на роль медсестры – оказывать помощь «раненым». Девочка бегала по двору и пустырю, который простирался за их домом, в сбитой набок белой косынке и с перевешенной через плечо тряпичной сумкой-конвертом с красным крестом. Эту сумку сшила ей мама по ее просьбе. Вместе с «воинами» Вера пряталась за брошенными на пустыре старыми крышками, баками, отсиживалась в канаве – «окопе», пригибая голову, когда летели «гранаты» – комья земли. Когда требовалась ее помощь, она оказывала ее как «своим», так и «немцам», так как больше «медсестер» не оказывалось. Иногда ребята играли в казаков-разбойников, и Вера тоже с ними. Но участвовать в обсуждениях мальчишеских забав, лазать с ними по деревьям, играть в кладоискателей на пустыре ей было скучно, поэтому она всегда радовалась приезду Алины. Конечно, в школе у Веры были подружки, но те летом разъезжались из столицы: кто к морю, кто – просто к бабушке в деревню. У Веры же не было бабушек ни в деревне, ни тем более живущих в приморских городах.

Алина жила с родителями и старшим братом на Севере. Где именно, в каком городке, никто не знал, даже взрослые, потому что никогда

в разговорах название не упоминалось. Бабушка Алины так всегда и говорила: «Вот приедут мои с Севера...» Или: «Отправила вчера посылку своим на Север...» Так и все в доме стали говорить о приезжих «эти с Севера». Или – Медведихины, так как фамилия старушки была Медведева. «Медведихины внуки». Вера долго думала, что фамилия Алины тоже Медведева, а когда узнала настоящую фамилию, не запомнила ее.

В то лето родители привезли к бабушке только внуку, а старший брат Алины, то ли Антон, то ли Артем, остался «на Севере»: он окончил школу и готовился к поступлению в местный институт. Вера помнила, что взрослые в доме тихо гадали на тему, почему родители не привезли мальчика поступать в московский вуз. Но, видимо, у «северной» семьи на этот счет были свои мысли. Алину привезли позже обычного, тогда, когда Вера уже загрустила в долгом ожидании подруги и решила, что та не приедет. Она даже как-то набралась смелости и подошла к старухе Медведевой спросить, прилетит ли Алина. «Та куда она денется!» – махнула рукой Медведиха. Но когда – не сказала. И вот в один особо грустный день, когда за окном лил дождь и жизнь рисовалась скучающей на подоконнике девочке в таких же серых и размытых красках, как пейзаж за окном, во двор въехала белая «Волга» с «шашечками». «Такси!» – радостно закричала Вера и слетела с подоконника. Она выскочила во двор прямо в домашних шлепанцах и халатике. Мама закричала ей вслед: «Куда?! Там же дождь!» Но Вера уже бежала через двор прямо по лужам, счастливая, раскинув руки для объятия, к такси, возле которого суетились с чемоданами и корзинами взрослые, а в сторонке стояла одетая в клетчатое платье светловолосая и бледнокожая девочка, похожая на чахлый цветочек, росший в тени.

– Алина! – налетела на подругу Вера и заключила ту в объятия. Но вдруг почувствовала холод, будто обняла не живую девочку, а каменную статую. Вера мгновенно разжала руки и невольно отшатнулась. Но тут уже Алина бросилась к ней обниматься, приговаривая:

– Я так соскучилась, так соскучилась!

Вера обняла девочку вновь и в этот раз ощутила ее тепло. О том странном происшествии она тут же и забыла. Лето закружило их каруселью игр, новостей, детских тайн на двоих и вечных клятв. Стремительно пролетающие дни слились в один большой праздник с перерывами на обед и паузами на ночной отдых. Едва окончив завтрак, подружки выбегали в пустой еще двор и либо продолжали прерванную накануне игру, либо начинали новую. Ах, сколько было в то лето зарыто «секретиков»! Вера запомнила все места и потом, уже после *случившегося*, отыскивала все

тайнички. Играли они и в дочки-матери – то с Вериными куклами, то с двухлетней Лидией, которую родители частенько снаряжали гулять вместе со старшей сестрой. То прыгали в резиночку, то отбивали о кирпичную стену дома – торцовую, без окон – полосатый мяч. Да мало ли игр, секретов и разговоров может быть у двух девятилетних девочек! За все лето они ни разу не поссорились, хоть раньше и случались между ними разногласия. Только одно настораживало Веру: от Алины иногда словно веяло холодом, а то вдруг подруга виделась Вере в черно-белом цвете, словно фотография из семейного альбома.

– Ты чего? – удивленно спросила в один из этих моментов Алина и даже пихнула оторопевшую Веру в бок.

– Ты какая-то... странная, – призналась девочка. – Такая, не цветная.

– Как это? – не поняла Алина.

– Не знаю, – пожала Вера плечами, так как уже видела вновь подругу как обычно. – Как будто по телевизору, ну, по телевизору твоей бабушки тебя показывают. Черно-белая. Понимаешь?

– Нет.

– А ты меня такой не видишь?

– Вот еще придумала! – фыркнула Алина. – Нет, конечно!

– Я пошутила, – улыбнулась Вера. – А ты поверила.

– Не поверила нисколько! А давай играть в актрисы! Будто нас по телевизору показывают. Я буду певицей. А ты – объявлять меня. А потом поменяемся.

Вера с увлечением подхватила идею новой игры. Они до ночи играли то в певиц, то в актрис, пародируя сценки из известных кино, даже пригласили в игру Пашку Петренко из Вериного подъезда – исполнять роль принца в одной из сценок. Пашка покривлялся, покривлялся в роли «принца» и заявил, что лучше будет разбойником. А потом во двор вышел его друг Степка, и мальчики убежали играть вместе.

– Подумаешь, какие! – фыркнула Алина и гордо отвернулась. В то лето она была тайно влюблена в Степку, о чем, конечно, поведала своей подруге. И в честь этой тайны под елкой за домом был закопан один из «секретиков» – спичечный коробок с фантиком от жевательной резинки «Love is...». Алина уговаривала Веру влюбиться в кого-нибудь заодно. Но Вера, как ни всматривалась в своих боевых товарищей, все никак не могла разглядеть ни в одном из них своего прекрасного принца. Все они – с выгоревшими на солнце затылками, с веснушчатými лицами и загорелыми руками и голенями – казались ей одинаковыми, словно солдатики из коробки. Это для Алины, которая приезжала с далекого

Севера раз в год на три месяца, все тут казалось каждый раз новым, в том числе и выращавшие за год мальчишки. А для Веры они все были товарищами по «войнушке», казаками, идущими по следу разбойников.

Конец августа застал девочек врасплох, подкрался незаметно, на цыпочках и из-за спины, спугнул громким «Бу!». Лето, прощаясь, расплакалось проливным дождем, нахмурилось свинцовым небом. Как же быстро пролетело время! Вот еще было начало июня, и Вера в такой же дождливый день бежала, распахнув руки, к такси, радостно здоровалась с выгружающими чемоданы родителями Алины. А вот уже сейчас стоит перед похожим такси и неловко переминается с ноги на ногу. Дождь хлещет по полиэтиленовому дождевику, струйки воды стекают с надвинутого на лоб капюшона на лицо, бегут по щекам ручейками, заливаются за шиворот. Вера переступала ногами в резиновых сапогах и втягивала озябшие кулаки в рукава дождевика. Алина стояла одетая в яркую курточку, обутая в резиновые сапожки и в надвинутом на лицо капюшоне. И так же, словно копируя летнюю подругу, прятала пальцы в рукавах.

– Я снова приеду! – пообещала она. – И мы откопаем все наши секретки! Представляешь, как будет здорово – найти их потом, через год.

Вера хотела сказать, что, наверное, им будет смешно, потому что эти секретки покажутся слишком детскими. Ведь им обеим следующим летом будет по десять лет. Десять – это уже солидно. Но не успела, потому что вдруг почувствовала боль в боку, так, словно кто-то ткнул ее чем-то острым. И следом за этим перед глазами возникло уже знакомое ей марево, только было оно на этот раз не черно-красным, словно дым и всполохи огня, а холодным и плотно-белым, будто туман. Он окутывал Алину, скрывая очертания ее фигурки в дутой куртке, пока не поглотил ее полностью. Это длилось всего пару мгновений, туман тут же рассеялся, явив мокнувшую под дождем девочку в ярко-розовой курточке. Но веющий от нее холод остался. Вера так ничего и не сказала подруге. Мама позвала Алину, и девочка, подарив прощальную улыбку, нырнула в сухое и теплое нутро машины. Вера растерянно махнула рукой, и когда такси уже выезжало со двора, подумала внезапно, что секретки так и останутся похороненными в земле.

Тем днем у нее резко поднялась температура. Мама сделала вывод, что дочь простыла под дождем, а Вера не стала говорить ей, что промерзла она на том идущем от Алины холоде. Неделю она проболела и даже пропустила первый звонок в школе. В одну из ночей Вере стало особо плохо, ее отвезли в больницу, но утром девочка вдруг проснулась здоровой, без температуры и озноба, только с сильной слабостью. Ее продержали для

верности еще пару дней, затем выписали. И уже дома Вера узнала страшную весть: Алины не стало. Подруга успела вернуться домой, к себе на Север, и даже сходила на первый звонок. Но в одну из ночей, в ту, когда Веру увезли в больницу, уснула и больше не проснулась. Взрослые, сочувствуя горю старухи Медведевой, которая от такой вести сразу слегла, шептались о сердечной недостаточности, кляли Север с его непригодным для детей климатом и отсутствием витаминов. А Вера... Вера замкнулась в себе и молчала неделю, чувствуя какую-то непонятную вину перед подругой. Будто не сказала той самого главного. Мама плакала, обнимала ее и пыталась растормошить, думая, что дочь так глубоко переживает смерть подруги. Вера даже не ходила ту неделю в школу. А в один из дней она спустилась во двор, сходила за дом и выкопала спрятанный под елкой их последний с Алиной «секретик» – фантик от жевательной резинки. И зачем-то отдала его встреченному во дворе Степке.

– Это тебе от Алины, – сказала она, чувствуя неловкость от того, что выдала оторопевшему мальчишке последнюю тайну своей подруги. Но почему-то понимала, что так надо сделать, будто Алина ее попросила. Надо сказать, Степка тогда повел себя по-взрослому: объявил всем друзьям, что Алина была его невестой, и если бы не ее смерть, они когда-нибудь бы поженились. Степке все сочувствовали, а он гордо носил фантик в нагрудном кармашке школьной рубашки («у сердца») еще долго. Потом, спустя уже годы, Степка женился первым из их дворовой компании, уехал с женой жить в другой район, с Верой отношения не поддерживал. Но до нее дошли слухи, что свою дочь он назвал Алиной. То ли просто имя ему нравилось, то ли не забыл свою первую поклонницу.

...Вера в мыслях о том далеком случае из детства подъехала к дому, поставила машину на обычное место и открыла дверь. И тут же услышала раздающийся с ее двора ужасный грохот, сквозь который прорывался женский вопль:

– Люди добрые! На помощь!

VIII

Влад решил ехать к девице не с самого утра, а уже во второй половине дня, когда та наверняка уже должна была встать. Впрочем, думал он в этот момент не об отдыхе девушки, а о том, что сам ненавидит вставать рано. Он – ночная птица. Какое это блаженство – не идти против привычек и потребностей организма. Пожалуй, он больше выиграл, чем потерял, когда променял обеспеченную жизнь топ-менеджера на занятие, о котором предпочитал не распространяться во избежание дотошных вопросов шокированных собеседников. Те, кому он нужен, его сами находят.

Влад предусмотрительно поставил мотоцикл за три дома от того, который был ему нужен, – подальше от взглядов вездесущей бабки-соседки, прошел оставшееся расстояние пешком и остановился у знакомой калитки. Что-то подсказывало ему, что девица вряд ли примет его с распростертыми объятиями, угостит чаем с плюшками и поверит во все то, что он собирался ей сказать. Он бы и сам не поверил. Да и, если честно, до конца еще не понимал, во что ввязывается. Гостья не рассказала ему много – то ли не хотела, то ли не владела всей информацией. Придется действовать по обстановке.

Звонка на заборе не оказалось, и пришлось стучать найденным камешком по деревянным перекладинам. Влад подождал, но никто так и не вышел на крыльцо. Наверняка хозяйка просто не услышала стука, а может, все еще отсыпалась после ночной смены. Калитка была заперта на простую щеколду, которую откинуть ничего не стоило, и Влад без колебаний вошел во двор и поднялся на крыльцо. У двери тоже не было звонка, и ему вновь пришлось стучать. А когда и тогда ему не открыли, он подошел к окну и заглянул в него. Может, девицы просто нет дома? Тогда что ему делать: дожждаться ее или приехать позже? Или просто оставить ей записку с номером телефона и просьбой позвонить?

– Опять ты! – раздался вдруг за его спиной ликующий вопль. Влад подскочил от неожиданности и оглянулся. За его спиной стояла та самая бабка-соседка в платке с «рожками» и многослойных одеждах, будто она разом надела на себя все самое лучшее, что нашла в шкафу. На этот раз старуха была вооружена не лопатой, а граблями, которые, словно штык, выставила в сторону непрошеного гостя.

– Ты чего Верке в окна подглядываешь?!

– Надо, и подглядываю, – буркнул Влад, от внезапности момента не

найдя ничего другого, что ответить.

– Извращенец! – взвизгнула бабка, угрожающе взмахнув орудием для садовых работ. И, заметив, что Влад попытался сделать шаг, зычно гаркнула:

– А ну не шевелись!

Грабли уперлись ему в живот – не больно, но ощутимо.

– Да вы чего?! – опешил Влад. Но бабка, вдавливая его граблями в стену дома, заорала на всю улицу:

– Шу-ур! Звони в полицию! Я маньяка поймала! Того, который девок в леске закопал! А теперь за нашей Веркой пришел!

– Да вы совсем рехнулись, что ли?!

Бабка только сдвинула сурово седые брови и воинственно вздернула подбородок. Грабли при этом не убрала, наоборот, налегла на них всем весом, так что Владу и дышать стало трудно. В надежде, что пришла хозяйка, он оглянулся на стук калитки, но увидел еще одну старуху. Эта явилась уже с метлой и с каким-то металлическим баком, который с грохотом волокла за собой за ручку.

– Что случилось, Зин? Я вышла двор вымести, а тут ты будто кричишь. Звала, что ль?

– Звала, звала, глухая ты тетеря! – буркнула первая бабка. – Маньяка вон поймала!

– Да какой я маньяк?! – возмутился Влад.

– Цыц мне! Не рыпайся! А то граблями тебе морду разборозжу!

– Зин, ты уверена, что это маньяк? – спросила вторая старуха с сомнением в голосе, но на всякий случай покрепче сжала в руке черенок метлы. – Вроде не похож.

– Как не похож?! Под описания подходит! Белобрысый, одежда черная. Он, говорю тебе! Ты что, сегодняшнюю газету не читала?!

– Да не маньяк я!

– А зачем тогда пришел? – прокурорским голосом спросила старуха с граблями.

– Ну, мало ли зачем! Ваше какое дело?!

– Так ты, мож, ухажер Веры? – спросила уже бабка с метлой.

– Ухажер, ухажер, – раздраженно согласился Влад. Не дай бог, конечно!

– А чего тогда без цветов и конфет приперся? – хитро сощурилась первая соседка.

– У нее на цветочную пыльцу аллергия, а от сладкого кариес, черт вас побери!

Неудивительно, что эта девица одинока: с такими «надзирательницами» кто на нее позарится?

– А ты не чертыхайся, антихрист! Или ты этот, как его... Сатанист! Вот!

Вторая бабка испуганно пискнула и торопливо перекрестилась, выронив при этом метлу. Нагнулась и уже громко охнула.

– Ты чего, Шур?

– Да спину заклинило, Зин!

– Тьфу ты, старая колода! Нашла время!

Влад воспользовался тем моментом, что удерживающая оборону бабка оглянулась на свою товарку, вырвал у нее из рук грабли и отшвырнул их в сторону. Но удача, похоже, была не на его стороне: не сделал он и двух шагов, как ему под ботинок попался камень, нога подвернулась, и Влад рухнул на землю, при падении еще и ударившись о притащенный второй бабкой бак.

– Сбегают! – завопила тут же одна из старух. – Догоняй его, Шур!

«Как же, догонит! Ее согнуло так, что с места не сдвинется», – злорадно подумал Влад, но тут же убедился в том, что недооценил находчивость бабок: разогнуться скрюченная радикулитом соседка не смогла, но в такой позе свободно дотягивалась до валяющейся на земле метлы. И едва Влад предпринял попытку встать, как бабка тут же «вслепую» ткнула в него черенком метлы и попала в солнечное сплетение. Он охнул и согнулся пополам. Вот уж поистине мощное и страшное оружие – советской закалки бабки. С такими – нация непобедима. И словно в подтверждение его мыслей, вторая старуха подхватила с земли бак и, ловко перевернув его, водрузила ему на голову. За шиворот посыпалась земля, ветки и еще какой-то мусор, который хозяйка этой «посудины» успела уже в нее собрать. Влад крепко выругался, но брань утонула в адском грохоте, раздавшемся даже не снаружи, а внутри его головы. Звон оказался такой оглушающий, что на какое-то мгновение Владу показалось, что у него сейчас разорвутся барабанные перепонки.

– Шура, шкандыбай к телефону! Зови полицию! – раздалось сквозь гул.

– Охренели, что ли?! – заорал Влад, пытаясь сдернуть с себя посудину. И получил новый удар граблями по дну надетого ему на голову бака.

– Лю-ди-и добрые! – завопила, стуча по днищу сумасшедшая старуха. – На помощь! По-ли-ци-я!

– Что здесь происходит? – раздался третий голос в тот момент, когда Владу наконец-то удалось скинуть с себя бак и чудом увернуться от

опускающихся уже на его макушку граблей.

– Маньяка поймали! Ходил все, в окна заглядывал.

– Да не маньяк я! – буркнул Влад, поднимаясь наконец-то на ноги и вытряхивая из-за шивороты мусор. Черт бы побрал всех этих старух и девицу заодно. Стоит себе, глазами хлопает вместо того, чтобы отозвать своих «церберш». Он с такой ненавистью глянул на девушку, что та даже отшатнулась и побледнела. Если бы взгляд мог уничтожать, от нее наверняка бы осталась уже кучка пепла.

– Вер, ты его знаешь? – прокряхтела согнутая радикулитом старуха. – Мож, он поклонник твой?

– Нет, – ответила девушка и испуганно охнула: – Баб Шур, что с вами?

– Пострадала при задержании преступника! – гордо заявила бабка.

Влад на этот выпад уже не среагировал, развернулся и пошел к калитке. С него хватит. Он еще успел услышать, как девица о чем-то вполголоса переговаривается со старухами, и громко хлопнул калиткой. Злость кипела и бурлила в нем, грозя выплеснуться сокрушительной лавой. Только один способ для него успокоиться – скорость и ветер в лицо. Влад уже садился на мотоцикл, когда увидел, что к нему бежит девица.

– Подождите! – крикнула та еще издали и замахала руками. Первой его мыслью было сорваться с места, и пусть эта девица стоит себе в растерянности посреди дороги. Но разум все же победил импульсивность. Он поднял забрало на шлеме, но с мотоцикла не спешил. Девушка, приближаясь к нему, замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась – на безопасном расстоянии, так, словно не доверяла ему.

– Кто вы? И что вам понадобилось в моем доме?

– В вашем доме – ничего, – ответил Влад с холодной вежливостью, проигнорировав первый вопрос.

– Тогда зачем приходили?

– Поговорить с вами. Передать просьбу одной вашей знакомой.

– Чью просьбу?

– Просьба от Валентины Кузьминичны. Знакомы с такой?

Девушка вдруг отшатнулась, глаза ее испуганно расширились, а губы дрогнули. Владу даже немного стало жаль ее: наверняка решила, что он как-то связан с теми, кто ее похитил. Ему, конечно, неизвестно, о чем и как с ней говорили в том помещении без окон, но, похоже, ее хорошо запугали. Девушка выдержала долгую паузу, а потом, взяв себя в руки, нарочито ровным тоном, маскирующим страх и беспокойство, машинально поправила:

– Была знакома. Вы хотите сказать, что тоже знали Валентину

Кузьминичну? И пришли передать мне что-то, что она сказала вам раньше?

– Не совсем так, – уклончиво ответил он. – Вам сегодня вручили один конверт, оставленный Валентиной Кузьминичной. В нем есть одна вещь, ладанка...

– Откуда вы знаете? – быстро перебила она, при этом лицо ее сделалось белым как мел. Точно решила, что он связан с похитителями.

– От Валентины Кузьминичны, – усмехнулся Влад только лишь ему понятным мыслям. – Но это сейчас не важно – когда и при каких обстоятельствах мы с ней... гм... встретились. Главное то, чтобы вы выполнили ее требование: не продавать эту вещь никому. Хотя бы сейчас, когда она интересна неким людям. Надежно спрячьте до поры до времени.

– Не продавать даже тому, кого порекомендовала Вера Кузьминична?

– Даже ему. Потому что ладанку могут перекупить те, кто за ней охотится.

– Зачем она им? И кто эти люди? – прямо спросила девушка.

– А вот этого я не знаю, – ответил он с чуть насмешливой улыбкой. – Думаю, вам об этих людях известно куда больше, чем мне.

Она промолчала, лишь закусила губу, словно что-то обдумывала. Влад ждал, хоть на самом деле сказал ей уже все, что собирался. Девчонка напугана и в его обществе тоже не чувствует себя в безопасности. И все же она решилась на непростое, видно было, для нее предложение:

– Пойдемте ко мне, там вы мне все спокойно расскажете. Мне кажется, знаете вы куда больше, чем сейчас сказали.

– Может быть, – ответил он насмешливо с легким поклоном. – Но сегодня разговаривать у меня уже нет желания. Поговорил... с вашими соседками.

– Простите их. Они на самом деле очень хорошие.

Она даже умоляюще сложила руки перед грудью. И не похоже это было на театральную сцену, разыгрываемую перед ним: лицо девушки выражало раскаяние, словно это она лично «натравила» на него старух. Раскаяние плескалось и в ее глазах, неожиданно синих, как спокойное море, подсвеченное утренним солнцем. А она, если присмотреться, вполне симпатичная, кожа у нее отличная, хоть и бледная, словно не загорает. И глаза, конечно, красивые: большие, как у куклы, обрамленные черными ресницами. Впрочем, всю свою женскую привлекательность девица губит этими бесформенными то толстовками, то вязаными кофтами – то ли по незнанию, то ли нарочно, из странного желания казаться незаметной, бесцветной.

В ответ Влад только хмыкнул, но, прежде чем попрощаться, вдруг

неожиданно для самого себя попросил:

– Дайте мне номер вашего телефона.

– Зачем? – удивилась она.

– Свидание желаю вам назначить, – ухмыльнулся он и, увидев, как у девицы панически расширились глаза, поторопился ее «успокоить»: – Шучу, конечно! Не обольщайтесь, вы не в моем вкусе. Я позвоню, если мне будет что вам еще сказать. Когда – не знаю.

По ее лицу сложно было понять – обиделась ли она или пропустила его едкое замечание мимо ушей. Скорее всего последнее, так как все еще была встревожена и напугана. Вон какая бледная! В обморок бы не хлопнулась.

– Вам нехорошо?

– Нет, нет. Все в порядке. Я просто устала... Запишите телефон. И дайте мне свой, на всякий случай. Как вас зовут?

– Влад.

Он забил продиктованные ею цифры в свой мобильник, сделал на ее телефон звонок и наконец-то распрощался. Ну что ж, в историю он уже ввязался: частично добровольно, преследуя свой интерес, частично принудительно. И как бы там ни было, назад хода нет.

* * *

Когда Вера вернулась к себе, она уже не застала соседок: Зинаида Михайловна отвела бабу Шуру домой. Во дворе валялись грабли, метла и перевернутый бак, напоминавшие о недавнем «бое». Как нехорошо все получилось... Вернись Вера домой хоть на пять минут раньше, все вышло бы по-другому, без «пострадавших». Она вздохнула и достала из аптечки запакованный шприц и ампулу с лекарством для бабы Шуры, но, почувствовав сильную слабость, присела за стол, взяла из вазочки шоколадную конфету и сунула за щеку. Опять... Опять это проклятое ощущение, лишшающее ее сил, окутывающее холодным туманом, вызывающее озноб и головокружение. Она готова была сбежать от него хоть на край света, но оно следовало за ней как тень, повсюду. Вера отчасти потому и поселилась в этом спокойном малонаселенном городке, что желала максимально оградить себя от этого чувства, но опять проиграла. Ее проклятие – играть с судьбой в шахматы и даже иногда выставлять той шах, но в итоге все равно оказываться в проигрыше. Возможно, некто там, наверху, кто составляет эти шахматные партии, чтобы усыпить

бдительность Веры, специально дает ей почувствовать ощущение скорой победы, чтобы потом сделать свой завершающий ход. Вот и теперь: ей неожиданно предложили хорошую работу с отличным заработком, имеющую отношение к ее так и незавершенному медицинскому образованию, – но зато в доме престарелых, где смерть бывает частой гостьей. Вера могла бы, конечно, отказаться и продолжить поиски, но на этот раз решила принять вызов: судьба так и будет гнать ее по бездорожью в неизвестном направлении, всегда обходя на полшага. Единственный способ прекратить этот выматывающий марафон – остановиться и... приспособиться. И у нее даже стало получаться – и потому, что визиты смерти в пансионат не были так уж неожиданны, и потому, что кое-кто из постояльцев желал ее как логичного завершения долгой и непростой жизни. В общем, Вера смогла здесь «прижиться». Даже то черное марево, которое являлось предвестником страшных событий, потеряло здесь свою насыщенную черноту, посерело, превратилось в легкую дымку. И сейчас, предчувствуя чей-то уход, она отделялась легкой слабостью, с которой справлялась с помощью глюкозы в таблетках или кусочка шоколада. А потом и это прошло... Никто из стариков и персонала не догадывался о способностях Веры, вся слава «вестника смерти» досталась коту. Только вот Кузьминична на закате своей жизни что-то узнала. «Гаврила намурлыкал...» Он мог.

Вера даже думала, что избавилась от этого «марева» если не навсегда, то хотя бы надолго. И опять ошиблась.

...Старушки наперебой пытались уверить ее в том, что задержали «маньяка», – то ли и в самом деле свято верили в преступные наклонности непрошенного гостя, то ли уже из желания как-то оправдать себя перед Верой за устроенное в ее дворе «побоище». Зинаида Михайловна все порывалась бежать в дом за свежей газетой, чтобы вслух зачитать приметы «маньяка», разбитая радикулитом баба Шура жалобно охала, а рассерженный молодой мужчина удалялся, так и не объяснив цели своего визита. Ее колебания – бежать ли за незнакомцем или оказывать помощь соседке – разрешила сама баба Шура, отправив девушку вдогонку за мужчиной. Она еле успела. В какой-то момент ей показалось, что мотоциклист уедет, так и не поговорив с нею. А что, если он связан с теми, кто ее похитил? Зачем крутится возле ее дома, и уже не в первый раз?

– Кто вы?.. – спросила она довольно резко, маскируя свой страх.

Но, вопреки ее опасениям, он решил объясниться, хоть и особо любезным его тон назвать тоже было нельзя.

– ...Передать просьбу одной вашей знакомой...

Когда незнакомец произнес эти слова, ее вдруг словно ударили – неожиданно, сильно, так, что она с трудом удержалась на ногах и на время потеряла не только возможность говорить, но и дышать. В первый момент ей даже показалось, что это собеседник напал на нее и оглушил сильным ударом. Но нет, вот он – стоит рядом и в то же время будто далеко, отделенный прозрачной звуконепроницаемой стеной. Вера испуганно, больше всего на свете желая зажмуриться, но в то же время не в силах отвести взгляда от красивого лица, частично скрытого шлемом, смотрела на то, как эти черты искажаются, растекаются, будто размываемая дождем акварель. И вот уже вместо лица у мужчины – белое пятно. Белая пустота, заключенная в черный мотоциклетный шлем. Вера сделала судорожный вздох, словно ей не хватало воздуха, и наконец-то смогла сморгнуть. Когда она повторно глянула на мужчину, с лицом у того все было уже в порядке. «Показалось», – постаралась успокоить себя Вера. «Это от голода и духоты». Ей удалось взять себя в руки и продолжить диалог. То, что сообщил мужчина, было, несомненно, важным, но для Веры в тот момент утратило свою первостепенную значимость. Слова прорывались, словно сквозь сильный ветер, с переборами. Фигура мужчины тоже то виделась Вере четко, то ее вдруг поглощал туман. В какой-то момент сильно повеяло холодом, словно открылась невидимая дверь, выпустившая наружу тяжелый смрадный запах разложения и сырости. Вера почувствовала такую сильную слабость, что всерьез испугалась, как бы не потерять сознание. Похоже, мужчина тоже заметил, что ей нехорошо, потому что обеспокоенно спросил, все ли с ней в порядке. В порядке... А вот с ним – нет. Не жилец он. Для него уже открыты двери в *тот* мир, назначено время и место. Как это страшно – разговаривать с человеком, пока еще живым, который ни о чем не подозревает, и *понимать*, что его время стремительно тает. А еще хуже – знать, что обречен молодой человек, не старик, уже готовый вложить свою морщинистую артритную ладонь в костлявую руку Смерти. Как Кузьминична могла отозваться об этом проклятии как о даре?

– Дайте мне ваш телефон, – попросил мужчина. И Вере вдруг подумалось, что она может попытается... Еще раз, пусть все ее предыдущие попытки как-то изменить ход событий и провалились с треском, и даже принесли ей беды, словно в наказание.

– Дайте мне ваш телефон тоже. На всякий случай, – сказала решительно Вера. Она попробует, пусть даже не знает – враг ли ей этот мужчина или друг, а может, просто случайный человек, передавший сообщение. Но она все равно попробует – ради себя, ради этой битвы, которую она пытается выиграть у судьбы. Ради очередной попытки найти

ответ на вопрос, мучивший ее с детства: *зачем ей дана эта способность?*

– ...Чего тебе, девочка?

Вера облизала пересохшие губы и чуть мотнула головой, будто отгоняя назойливую муху, на самом деле – прогоняя свою нерешимость. Она готовилась к этому моменту весь вчерашний день – с тех пор, как увидела опасность, нависшую над школьной техничкой тетей Славой. Решиться ей, десятилетней девочке, сказать взрослому человеку, что тот скоро умрет, было непросто. Скорей всего, ей не поверят, а то еще и отругают, но попробовать можно. Тетя Слава ей нравилась: она хоть и ворчала на школьников за то, что те бегают на перемене и пачкают полы, но была доброй. В один из дней тетя Слава провела Веру, пришедшую в школу без сменной обуви, тайком через черный вход. Летом в школе сделали ремонт, заново покрасили все полы, и старшая завуч, которая в школе была фигурой почему-то более значимой, чем директриса, с началом октябрьских дождей ввела новое правило: без сменки не пускать на занятия, отправлять домой. А учителям был наказ вписывать опоздавшим в дневники замечания и за опоздания на урок ставить «двойку». На дверях, будто часовые, выстраивались несколько учеников из очередного дежурного по школе класса, которые строго проверяли наличие второй пары обуви у каждого входящего. Сама завуч стояла позади и надзирала за выполнением приказа. Ее взгляд скользил с одного дежурного на другого, лишая их маломальской возможности дать слабину и пропустить кого-то из друзей без сменки. На крыльце толпились ученики: одни выстраивались в очередь, чтобы пройти в двери и показать свой пакет с обувью, другие, провинившиеся, создавали толпу в надежде, что завуч вдруг отойдет и тогда можно будет как-то прошмыгнуть мимо дежурных. Но завуч отстаивала свою вахту до звонка, а затем просто закрывала дверь, оставляя за нею всех провинившихся. Вере, носившей в дневнике только «пятерки», редко – «четверки», получить «двойку» за забытую сменку казалось тогда сущей катастрофой. Она с вечера оставляла пакет с обувью рядом с собранным портфелем. И все же один раз это случилось, она оставила запасные туфельки дома. Вера до сих пор помнила тот день: лил проливной дождь, незаасфальтированные участки дороги превратились в болота, и, как Вера ни старалась, ей не удалось пройти, не забрызгав колготки грязью и не испачкав и не промолив ботинки. Ну ничего, скоро-скоро в школу, там она снимет дождевик, переобуется в сухое... Уже подходя к двери, девочка привычно открыла пакет, готовясь продемонстрировать сменную обувь дежурному, и вдруг с ужасом увидела вместо своих черных туфелек библиотечные книги, которые мама хотела сдать по пути на работу. Пакеты

были одинаковыми, и мама, торопясь, схватила тот, в котором находилась обувь старшей дочери. Вера тихонько ахнула, в животе от паники стало холодно и неприятно щекотно. Девочка бросила обреченный взгляд на двери и увидела, что завуч, как обычно, стоит на посту. Что делать? Идти домой – и получить потом двойку за опоздание? А ничего другого не остается. И самое обидное, что не она в этом виновата. Вера заплакала и спустилась с крыльца.

– Ты чего реवेशь, как будто луком глаза натерла? – окликнул ее вдруг грубоватый голос. Вера подняла голову и увидела перед собой техничку тетю Славу, закутанную в дождевик. Девочка ничего не сказала, только жалобно всхлипнула. А тетя Слава вдруг метнула быстрый взгляд на школьное крыльцо и скомандовала:

– Пойдем со мной!

Она быстро направилась за школу, в сторону стадиона, на котором в хорошую погоду проходили занятия по физкультуре, подвела Веру к невысокой двери, выкрашенной в красно-коричневый цвет, и, оглянувшись по сторонам, торопливо вытащила ключ.

– Только ты об этом никому не рассказывай.

Вера молча кивнула. Техничка пропустила ее в темное нутро здания, заперла дверь и затем отвела девочку в одну из раздевалок.

– Сейчас я тебе тряпку принесу, обувь оботрешь.

Вера благодарно улыбнулась. Вернулась уборщица практически сразу же, из чего Вера сделала вывод, что тряпку та принесла из соседнего класса.

– Придумали же правила – детей под дождем гонять! – ворчала тетя Слава, глядя на то, как Вера вытирает ботинки. – А вдруг что случится? Вдруг кто под машину попадет? Ну подумаешь, наследят! Так я на что? Протру – и делов-то!

Из этого тихого бормотания Вера поняла, что тете Славе уже не впервой пропускать «провинившихся» через черный вход. Наверняка и тряпку потому хранит где-то поблизости. Какая она замечательная: не только помогла ей, так еще, не боясь гнева школьного начальства, «спасает» и других учеников.

И вот ее любимая тетя Слава вдруг увиделась ей негативным снимком – с черным лицом и белыми волосами. От нее шел холод и неприятный затхлый запах. Длилось это всего пару мгновений, но Вера поняла, что означает это видение, и испугалась до слез. Помнится, она торопливо побежала в туалет – не в обычный, где на переменке собираются девочки, а в учительский, дверь в который можно было запирать на крючок,

закрылась и там уже расплакалась. На ее счастье, за всю перемену ее никто не потревожил, а к тому времени, как прозвенел звонок, Вера уже более-менее успокоилась. Но на уроке вновь расплакалась – когда ее вызвали к доске и заставили решать задачу. Вера, обычно легко справляющаяся с математическими задачками и примерами, в тот раз никак не могла собраться и сосредоточиться на условии. Зачитывала, шевеля губами, текст с цифрами, а перед глазами стоял «негатив» тети Славы.

– Вера, что с тобой? – недовольно спросила учительница. Губы девочки задрожали, но, как она ни старалась сдержать слезы, все же расплакалась – у доски, перед всем классом. Ее отпустили в туалет, где она опять умылась, а потом и вовсе разрешили уйти домой, так как она пожаловалась на головную боль. Ночью, лежа без сна, Вера все думала: как же это страшно и несправедливо – знать, что кто-то может умереть. И тогда ей впервые подумалось, что она может спасти человека, предупредив его о смерти. Утром она пришла в школу пораньше и первым делом отправилась на поиски тети Славы.

– Чего тебе, девочка?

Как просто было все в ее представлениях и как, оказывается, тяжело наяву произнести страшные слова. Все заготовленные фразы вылетели из головы, язык казался опухшим и неповоротливым, горло – сухим и шершавым.

– Вы... вы скоро умрете, – прошептала Вера.

– Что? – переспросила то ли от удивления, то ли потому, что не расслышала ее шепота, тетя Слава.

– Вы умрете. Скоро, – уже громче повторила она.

– Ай-яй-яй, как не стыдно! – раздалось вдруг у нее за спиной. Вера испуганно оглянулась и увидела завуча, которая проходила мимо в тот момент, когда девочка произнесла сложную для нее фразу.

– Как не стыдно угрожать пожилому человеку! – прошипела завуч, блеснув золотыми зубами. И наклонилась к Вере. В стеклах ее очков отразились в панике расширившиеся глаза девочки. С пару секунд Вера глядела в эти стеклышки в тонкой и золотой, как зубы, оправе, а затем резко развернулась и бросилась бежать. Из школы – на улицу, задыхаясь от накалывающего страха и подступающих к горлу рыданий.

– Самсонова, куда ты?! Самсонова, немедленно вернись!

Но она бежала – прочь, прочь, прочь. Домой. В укрытие.

Ночью Вера прометалась в жару, а к утру резко наступило облегчение.

– Странный какой вирус, – проговорила тихо отцу мама, глядя на термометр. – Думала «Скорую» вызывать, а сейчас ее вроде отпустило.

«Это не вирус», – подумала Вера и отвернулась к стене. Она была слаба настолько, что не осталось сил даже заплакать. Она знала, что означала ее температура и затем наступившее облегчение: просто не стало тети Славы. Так и оказалось: вернувшись через день в школу, Вера услышала, что у уборщицы случился сердечный приступ, «Скорая» хоть и приехала быстро, но врачи уже ничего не смогли сделать.

После того случая девочка стала еще более замкнутой. Когда ей доводилось встречаться в коридоре с завучем, проходила мимо, опустив взгляд и втянув шею в плечи. Ей все казалось, что эта женщина смотрит на нее подозрительно. Иногда девочке снился тот эпизод в различных вариациях, завуч с золотыми зубами и поблескивающими стеклышками очков стала ее персональным кошмаром – что во сне, что наяву. Однажды, когда завуч в школьном коридоре окликнула ее по фамилии, Вера напугалась до полусмерти.

– Самсонова! Самсонова, ты меня слышишь?

Вера смотрела на нее широко раскрытыми глазами и от испуга не могла пошевелиться. Хоть понимала, что нужно подойти, поздороваться, хоть как-то отреагировать на обращение.

– Самсонова, да что с тобой? – вскрикнула в досаде завуч. – Ты здорова?

Вера нашла в себе силы слегка кивнуть.

– У тебя шнурок развязался! Завяжи!

Завуч повернулась и ушла, а Вера медленно, еще не веря, что дело всего-навсего в развязавшемся шнурке, а не в другом, наклонилась и дрожащими пальцами завязала «бантик». Но, к сожалению, страх перед завучем преследовал ее еще многие годы.

Но еще больше, чем завуча, Вера боялась возвращения «марева». И оно вернулось – незадолго до весенних каникул.

– ...Самсонова! Самсо-онова-а!

Вера оглянулась и увидела бегущего к ней со всех ног Виталика Синецына из параллельного «Б» класса. Она остановилась и подождала запыхавшегося мальчика. От бега лицо Виталика покраснелось так, что румянец скрыл крупные ржаные веснушки, щедро рассыпанные по его круглому лицу и зимой, и летом, рыжие волосы топорщились на макушке смешным вихром. Куртка на мальчике была расстегнута, и видно было, что светло-голубая рубашка выбилась из-под ремня брюк. Синецын, перехватив взгляд Веры, торопливо заправил рубашку под ремень и деловито, маскируя волнение, спросил:

– Ты домой?

Она пожала плечами: конечно, домой. Куда еще после уроков?

– А чего одна?

Вера и тут пожала плечами: единственная ее подруга, с которой ей было по дороге, Зоя Бойкова, в этот день в школе отсутствовала. Виталик иногда навязывался к ним с Зоей в компанию, говоря, что ему по пути, хотя Вера уже знала, что мальчик живет в другой стороне, но ради того, чтобы пройтись с девочками, делает большой крюк. Вера долго думала, что Виталька влюблен в Зою, пока подруга с насмешкой не открыла ей глаза: «Да в тебя он втюрился, в тебя! Мне по секрету Света Павлова из «Б» сказала, что видела, как Синицын написал на парте твое имя. Его потом еще заставили парту отмывать, и все смеялись. А Веры в классе у них нет».

– Проводить тебя? – спросил все так же серьезно Виталик.

– Ну, проводи, – вздохнула Вера, зная уже, что, если даже откажет, он все равно пойдет за ней – то отставая, сворачивая на другие дорожки, то вроде «случайно» опять выходя на ту, по которой шла девочка. Права была Зоя в том, что Виталик к ней неровно дышит. Только что делать с его «любовью», она еще не знала. Им ведь всего еще по одиннадцать лет, жениться рано, да и Вера не уверена в том, что хочет замуж за Виталика... Поэтому просто снисходительно позволяла иногда ему ее провожать, но не позволяла даже нести свой портфель.

Виталик некоторое время шел рядом с ней молча, а потом завел разговор – про какое-то кино. Слушать рассказ было неинтересно, но Вера не перебивала мальчика, потому что не знала, о чем говорить с ним. Вот с Зоей всегда находилось – о чем. А с мальчишками?

– Виталий! – окликнул их вдруг громкий низкий голос. Ребята оглянулись и увидели направляющегося к ним высокого мужчину в спортивной куртке.

– Виталий, разве мы не договорились, что после школы ты меня дожидаться возле крыльца?

Мальчик смущенно кивнул и сказал Вере:

– Это мой отец.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась девочка. Мужчина лишь слегка кивнул ей и вновь обратился к сыну:

– Проводать прекрасных дам домой – это замечательно, но надо и обещания выполнять.

Виталик покраснел, а его отец вдруг весело и заговорщицки подмигнул Вере.

– Вот, договорился его в секцию борьбы отвести. Пора уже делать из него мужчину.

– Мой папка – чемпион! У него столько наград! – с гордостью заявил вдруг Виталик и, ободренный улыбкой девочки, вдруг пригласил: – Ты приходи к нам в гости, сама увидишь!

– Ну-ну, – засмеялся отец. – Ты перед дамами не чужими успехами, а своими хвались. А девочка если хочет, пусть приходит.

– Ты придешь? – с надеждой спросил мальчик. Вера кивнула – не столько потому, что ей хотелось в гости к Синицыну, сколько потому, что не посмела ответить отказом на приглашение его родителя. Ей понравилось, что он назвал ее так взросло и старомодно – как в романах – прекрасной дамой. И, похоже, вообще был мировым отцом, потому что по Виталику было видно, как он им гордится и хочет быть на него похожим.

– Ну, мы пойдем. Время поджигает. Будем делать из Витальки чемпиона и защитника. Так что вы, дама, имейте в виду на будущее, – рассмеялся мужчина, а его сын улыбнулся одновременно сконфуженной, но счастливой улыбкой. Рад был наверняка, что отец не высмеял его за то, что он провожал девочку, а будто даже одобрил.

Они ушли, а Вера еще долго стояла и смотрела им вслед, чувствуя, как тело наливается чугуном, становится все труднее дышать, будто некто невидимый сдавливает ей горло. Две уходящие фигуры, отдаляющиеся от нее, виделись ей по-разному: маленькую она продолжала видеть четко и в цвете, а вот высокую – расплывчато и в темных тонах, будто смотрела на нее сквозь задымленное стекло, по которому растекались дождевые капли. В какой-то момент ей захотелось броситься вслед уходящей паре и закричать – что угодно, лишь бы предупредить, но остановила ее мысль, что ей все равно не поверят. Взрослые – не поверят. Они видят мир в определенных рамках, где все подчиняется придуманным ими законам. Их мир – узкий, как тропа, сойти с которой они смертельно боятся. Это дети бегают там, куда взрослые ни за что не сунутся: по лужам и заросшим густой травой полям, спешат к радуге, желая отыскать ее начало, верят, что шкаф может оказаться волшебным порталом. В мире детей куда больше красок, в нем все вращается и движется вопреки всем научным законам, в нем столько параллелей, что «взрослому» миру и не снилось, он населен диковинными существами, и в нем каждый ребенок – волшебник и супергерой, для которого нет ничего невозможного и странного. Если Вера опять подойдет к взрослому и прямо ему скажет, что он скоро умрет, ее слова не примут всерьез. Нет, она так делать больше не будет. Вера решила, что поговорит с Виталиком, и как можно скорее. Вначале она думала, что лучшим способом будет позвонить мальчику домой, позвать его к телефону и, не представившись, сказать: «Твой папа

скоро умрет!» Но подумала, что такой анонимный звонок прозвучит как угроза. Виталик может испугаться, рассказать родителям, те – заявят в милицию. Начнется ненужная суета, а драгоценное время будет потеряно. Нет, нужно подойти к мальчику лично, отозвать в сторонку и сказать. А там они вместе, может, придумают, как спасти его папу.

Она так и сделала – на следующий же день. Только, к несчастью, Виталик, вежливый и стеснительный с ней, вдруг выпучил глаза и заорал на весь школьный двор:

– Ты че, дура?!

Вера отшатнулась от испуга и неожиданности. Но, собравшись, вновь повторила:

– Твой папа скоро умрет. Надо что-то...

Но Виталик не пожелал ее выслушать. Брызгая слюной и некрасиво выпучив глаза, он заорал какие-то оскорбления, на его крики прибежали другие мальчишки, и они уже вместе замахали на Веру руками, застращали угрозами, обозвали. А один мальчик ее даже толкнул. Совсем не такой реакции ожидала Вера. От обиды и несправедливости она расплакалась и сквозь слезы выкрикнула:

– Вот увидишь! Я не обманываю!

Виталик с тех пор избегал ее, в коридоре, если им случалось встретиться, пробегал мимо. А еще неделю спустя после того случая мальчик не пришел в школу, и до Веры дошли новости, что у него умер отец. Как – девочка так и не узнала. Слухи о том, что она неделю назад страдала Виталика смертью отца, расползлись по школе быстрее огня по сухой траве, обросли несуществующими подробностями, дополнились выдумками. За ее спиной шептались не только дети ее возраста и постарше, но и учителя. Все обсуждали этот странный случай: не обошлось тут и без завуча, которая припомнила, как девочка «угрожала» смертью уборщице, и та вскоре умерла от сердечного приступа. Вера ловила на себе косые взгляды, ее сторонились, кто-то пустил слух, что если заговоришь с нею – умрешь, дети поверили в эту нелепость и избегали ее. Ее боялись до такой степени, что однажды заманили в ловушку за школой и побили бы, если бы окруживших ее детей не разогнали два старшеклассника. Маму Веры вызвала классная руководительница и всерьез посоветовала родительнице перевести дочь в другую школу, не дожидаясь окончания учебного года.

– Понимаете, о вашей девочке ходят различные слухи. Конечно, там и половины правды нет, но все же во избежание...

Мама вернулась домой с каменным лицом, закрылась в комнате и долго о чем-то разговаривала с отцом. Вера сидела в соседней комнате,

обняв четырехлетнюю Лидию и почти не слыша, что ей щебетала младшая сестра. Наконец в комнату вошла мама, за ее спиной виднелся отец, который остался стоять на пороге.

– Вера, расскажи нам все с самого начала. Я хочу знать все от тебя. Что с тобой происходит?

Вера кивнула, но после первой же фразы напряжение, в котором она ожидала начала разговора с родителями, выплеснулось в рыданиях. Отец молча вышел на кухню, вернулся со стаканом воды, молча протянул его дочери, а затем взял Лидию на руки и вместе с нею вышел.

Рассказывать было тяжело, Вера то и дело останавливалась и с опаской заглядывала маме в лицо – бледное и встревоженное, – пытаюсь по нему прочесть мысли. Верят ли ей или нет? Но мама молчала и только иногда легким прикосновением ладони к плечу дочери подбадривала ту. Вера рассказала все, начиная с первого случая с соседями. А когда закончила, мама просто обняла ее и привлекла к себе. И девочка вновь расплакалась – на этот раз уже от облегчения.

– Я переведу тебя в другую школу. Хорошую. Пусть и далеко, но ничего, что-нибудь придумаем, – пообещала мама, и Вера лишь молча кивнула, еще не зная, как относиться к таким переменам.

Все хлопоты о переводе дочери в другую школу взял на себя отец: кому-то звонил, куда-то ездил, кого-то задабривал подарками, но добился того, чтобы девочку посреди учебного года приняли в новую школу в соседнем районе.

– Верочка, ты хоть людям о том не говори, что ты особенная, – попросила ее как-то мама. Они вместе убрали на кухне посуду: Вера мыла тарелки, мама вытирала их насухо и расставляла по местам. – Не поймут, а ты проблем не оберешься.

Вера молча кивнула: она, к сожалению, уже уяснила, что о своем проклятом «даре» лучше помалкивать. Одни только беды ей от него. Люди, если сталкиваются с чем-то необъяснимым, отгораживаются – в лучшем случае, в худшем – норовят закидать камнями.

– Откуда это у меня, мам?

– Не знаю, – вздохнула та, ставя на полку последнюю тарелку. – Бабушка твоя по папиной линии, говорили, умела сны разгадывать. Вся деревня к ней ходила.

– Ма, сны – это сны! Это не смерть видеть.

– Да, конечно... – рассеянно отозвалась мама. – Сны бабушка разгадывать умела, а вот отвести предсказанную беду – нет.

В новой школе Вера доучилась до выпускного класса без проблем:

учеба ей давалась легко, с новыми одноклассниками она поладила, свои способности тщательно скрывала, хоть «марево» за эти годы видела еще не один раз. Когда она внезапно заболела, мама сидела с ней рядом до тех пор, пока Вере не становилось легче. «Кто?» – спрашивала она шепотом, стирая со лба Веры выступивший пот. «Баба Люба из второго подъезда», – отвечала, к примеру, Вера. Мама осеняла себя крестом, что-то шептала и выходила из комнаты. Но вместо нее из своей комнаты (в то время семья получила уже другую, трехкомнатную квартиру) прибежала Лидия, которой о причине болезни старшей сестры не рассказывали, но девочка будто что-то чувствовала. Лидия забиралась в кровать к Вере и обнимала ее за шею. Так, вдыхая барбарисовый запах сестренкиных волос, успокоенная этим объятием, Вера и засыпала.

Потом, когда она стала старше, девушка опять попыталась разгадать секрет своего проклятого дара. Возможно, эти способности ей даны, чтобы научиться предотвращать беды? В какой-то момент она решила, что если ей удастся не только увидеть скорую смерть «жертвы», но и время и причину, то у нее получится изменить ход событий и отворотить несчастье. Но только как она ни пыталась, ей не удавалось почувствовать желаемое. Тогда Вера стала анализировать все случаи, вспоминая все тяжелые подробности, считая, что подсказки – невесомые, как паутинка, – ей все же даются, нужно только научиться находить их, складывать и давать правильное разъяснение. Вот, к примеру, с соседями Нечаевыми: ведь ей почувствовался запах гари, и вместо холода на какой-то момент ее обожгло жаром. Правда, тот случай оказался единственным, когда она оказалась так близка к возможности предугадать причину смерти. Вера вспомнила все случаи и даже выписала в блокнот все подробности, которые удалось восстановить в памяти. Но все же никак не могла отыскать подсказки. Но тогда ей, семнадцатилетней девушке, казалось, что рано или поздно она научится предотвращать беды. Если бы она знала, что эта ложная уверенность приведет к новой трагедии, которая не только навсегда изменит жизнь ее и родных, но и сломает ее! Пожалуй, тогда бы она выбросила свой блокнот и постаралась бы смириться с тем, что вмешиваться в ход событий нельзя.

IX

Марфа выздоровела, не обманул колдун. И, казалось, теперь-то жить им, Ивану с Марфой, да радоваться, только вот счастье будто отвернулось от них. Неторопов по-прежнему любил жену больше солнца, только на нее словно остуду навели. Стала Марфа избегать его ласк, то на нездоровье ссылалась, то на усталость. И не в стыдливости девичьей, как поначалу случалось, было дело, а будто и правда стал ей муж совсем нелюб. И не только в этом изменилась Марфа: стала нелюдимой и молчаливой, когда хлопотала по хозяйству, песен больше не пела, да и делала все словно через силу. Избу метет – а меж бровей хмурая складочка пролегает, будто в тягость ей это. А ведь до болезни, помнится, каждое дело, за какое бралась, творила с радостью, песнями, улыбкой, и так легко, будто любая работа ей была только в удовольствии.

– Слаба я еще, Ванечка, – отговаривалась она на вопросы мужа, чем только больше его тревожила. Отпустила ли ее болезнь насовсем или лишь затаилась? Боялся Иван за жену, хоть и сердился про себя теперь на ее медлительность и ленивость. Сдерживался, если запаздывала она с обедом, не бранился, только горько было ему смотреть на то, что готовит жена ему без радости, словно и правда разлюбила его. «Может, свозить ее в город? Показать докторам каким?» – думал он, лежа ночью без сна рядом с уснувшей Марфой. «Бледная она какая да исхудала за время болезни». А утром жена уверяла его, что здорова, и принималась хлопотать по хозяйству с почти прежней расторопностью. И обманывался на время Иван ее нарочитой веселостью.

А потом завертелся он в своих хлопотах: к весне то это нужно было подготовить, то это проверить, да и наметилась пара выгодных купле-продажных дел, которые он никак не мог упустить. Даже в город ему пришлось отлучиться, оставив Марфу одну на хозяйстве.

– Схожу-ка я к Лукерье, попрошу составить тебе компанию, – сказал он перед отъездом.

– Зачем, Ванечка? – удивилась Марфа.

– Да что бы тебе не грустно было. И помощница она тебе хорошая.

– Да когда ж мне скучать, Ванечка! Вон дел сколько! Да и не слаба я уже так, как прежде. Зачем беспокоить ее?

Удивился про себя Иван: Марфа всегда бывала рада визитам Лукерьи. И в отъезды мужа просила ее приходить. Иван спорить не стал, но уехал

он с беспокойной душой. Все думал, как там Марфа.

Но когда он вернулся, жена встретила его лаской и собранным на столе угощением.

– Соскучилась я как по тебе, Ванечка! – прошептала она. Ее руки обняли его за шею, как обычно, когда Марфа его встречала. Но отчего-то показалось Ивану на этот раз, что это не теплые мягкие руки жены обнимают его, а обвились вокруг шеи холодные и опасные змеи, и едва сдержал он в себе порыв избавиться от объятия. Но жена уже сама опустила руки, отступила на шаг, смотрит на него, слегка склонив голову, как всегда, когда любовалась им. Улыбается, но глаза ее при этом оставались холодными и настороженными. Что с нею? Чем-то недовольна? Чем-то рассердил он ее? Да вроде нет за ним никакой вины.

– Хорошо ли прошло дело, Ванечка?

Он молча кивнул, снял с головы шапку, развязал пояс на армяке, прошелся по избе, подмечая детали. Вроде все в порядке, на своих местах, чисто и убрано. Только на душе как-то смутно, и отчего – не понять. А Марфа уже суетится по хозяйству, на стол выставляет из печи горшки с дымящимся супом и кашей. Все, как раньше, да не так...

– А отчего ты, Марфа, не поешь больше?

Она вздрогнула, чуть не выронила из рук глиняную миску. Улыбнулась краешками губ. Но промолчала, будто не нашла, что ответить.

Ночью лег Иван к Марфе, протянул руку, желая привлечь к себе жену. Она прижалась к нему, замерла, будто выжидая. Робкая и стеснительная, как и прежде.

– Ох, Марфа, – вздохнул вслух Иван. Так давно он желал жену, а сейчас, когда она вот, рядом, на него навалилась такая сильная усталость, что ни рукой пошевелить, ни ногой. В голове туманится, со сном бороться нет возможности. Видимо, так утомила его поездка.

Утром встал Неторопов с тяжелой, будто в похмелье, головой. Изба уже была чисто выметена, в печи – горшок с горячей кашей. Все как раньше. Только вот ему что-то нехорошо, все из рук валится, слабость по рукам и ногам связывает. И ел даже Неторопов без аппетита. Марфа, видя его нездоровье, встревожилась.

– Да нет, все хорошо, милая! – отмахнулся Иван.

А там завертели его дела, не то что хворать, вздохнуть некогда! Вставал еще до солнца, а вечером, накрутившись за день, засыпал, едва касался щекой подушки. Даже молодую жену не трогал. Словно силы ему некто отмерял очень ограниченно. А Марфа будто и не обижалась, все понимала. Он засыпал, а она все еще возилась по хозяйству и вставала

раньше него, как и не ложилась вовсе.

В одну из таких ночей, темных и бездонных, Иван вдруг открыл глаза и, плавая все еще в вязкой, будто мед, дреме, с удивлением увидел, что Марфа не спит, а сидит за столом с зажженной свечой и водит пальцем по страницам раскрытой книги.

Иван удивленно приподнялся на локте. Книг в его доме не водилось, кроме той, надежно спрятанной за поленницу, что досталась ему от колдуна. А если бы и водились, то неграмотная Марфа вряд ли стала проводить ночь за их изучением.

Свечное пламя дрогнуло, будто тронутое сквозняком, и размытая тень, отбрасываемая фигурой Марфы на стену, колыхнулась и исказилась, на какое-то мгновение приняв форму безобразного горбуна с длинным крючковатым носом.

– Марфа? – испуганно окликнул Иван жену. Она резко обернулась, и в полумраке ее глаза сверкнули холодным светом, еще больше напугав Неторопова.

– Что тебе, милый? – ласково спросила жена, вставая и заслоня своей спиной стол с книгой и свечой. Тень на стене в точности повторила очертания ее женского стана, и Иван с облегчением выдохнул: чего только не померещится спросонья...

– Не спится? – продолжала вопрошать Марфа, однако не подходя к печи, на которой лежал Иван, близко.

– Что ты делаешь? – спросил он. От пережитого недавно испуга голос его прозвучал излишне строго.

– Шапку тебе чиню, – покорно ответила Марфа и чуть посторонилась, открывая стол, на котором Иван и правда увидел лежащую шапку. Чудны дела: принять ее за книгу! Неторопов накануне жаловался жене, что прохудилась его шапка.

– Ты спи, спи, Ванечка.

Он и правда уснул тут же, а утром уже не мог разобрать, на самом деле ли он разговаривал с Марфой ночью или все ему приснилось. Шапка его все же оказалась починенной, а книга, завернутая в мешковину, лежала там же, где он ее и оставил. Иван и забыл вскоре о том сне или не сне, тем более что зашедшая вечером Лукерья принесла нехорошую новость.

– Ты слышал, у Рогожкиных горе? Старший сын помер.

– Как помер? – ахнул Иван и перекрестился. – Я ж только вчера его видал, когда возвращался.

– А вот так и помер, минувшей ночью. Утром будят его, не добудятся, а он весь холодный лежит. А на устах – улыбка счастливая,

будто увидал чего радостное.

С недавних пор на деревню будто мор напал, который косил молодых, полных сил парней. Трех уже не стало. Утром ложились, как все, спать, а утром родные обнаруживали их мертвыми в своих постелях, со счастливыми лицами, будто у смерти оказывался лик прекрасной девы.

– Ах ты ж, господи, – прошептал Иван и покосился на Марфу, которая месила тесто для пирога и разговор, похоже, не слышала. – Тише говори, не тревожь мне жену.

– Люди сказывают, что все дело рук мертвеца – колдуна.

– Да неужто он? – недоверчиво спросил Иван и невольно поежился, потому что разговор этот его пугал. Лукерья еще раньше поведала ему, что местные мужики после смерти первых двух парней отправились к колдуну в логово и обнаружили там уже его бездыханное тело, которое пролежало не один, похоже, день. Похоронили колдуна там же, у мельницы, подрезав, как водится, пятки, чтобы не вставал по ночам из могилы, и уложив тело ничком. Да, видно, мало этого оказалось.

– Люди говорят, что надо звать сведущего в этом деле, а то так и будет колдун души молодых наших забирать. Мне с ним не сладить. Отправили за помощью аж в соседнюю губернию, говорят, там есть один ведун. Вся надежда на него, что отвадит проклятого мертвеца. Даже если цену высокую запросит, отдадим.

Лукерья ушла, а Иван еще долго думал над тем, не по его ли вине мертвец восстает из могилы и морит молодых парней? А вдруг колдун ищет свою книгу? Избавиться нужно от нее, избавиться...

** * **

Расследование Влад решил начать с пансионата: его гостья оказалась особой скрытной, сообщила ему только то, что посчитала нужным, и в общих чертах, оставив вопросов куда больше, чем ответов. Ох, расспросить бы ее подробно, но Влад не был уверен в том, что она расскажет ему все как на духу. Сама ведь сказала, что не знает историю книги. Да и энергии и сил на такой «диалог», инициатором которого будет выступать он, а не старушка, уйдет куда больше, чем на сборы информации обычным путем – расспросами и сопоставлением фактов. Влад рассудил, что для полноты картины ему необходимо узнать и о самой «заказчице» как можно больше. Поэтому, вернувшись от девицы к себе домой, он привел себя в порядок и, перекусив бутербродом, поехал в пансионат.

Внутри его пропустили, но заставили ожидать у входа. Пока охранник названивал кому-то по телефону, Влад скучающе рассматривал потолок с лепниной, оставшейся еще с тех времен, когда особняк принадлежал помещику Ягодину. В ремонт этого дома, похоже, вложили немало денег – и не столько в материалы, сколько в дизайнеров и реставраторов, обязанных не только сохранить и восстановить первоначальный стиль, но и умело вписать в него современные удобства. Влад знал и про маменьку богатея Варенникова – когда-то об этой истории трубили все газеты. А что, молодец он, этот олигарх: создал для стариков очень даже неплохие условия. Страшно подумать, во сколько обходится здесь проживание, дети этих стариков должны быть уж точно небедными людьми. Впрочем, Влад слышал и другую версию: что часть оплаты на содержание особняка и его обитателей идет из кармана самого Варенникова (то ли из сентиментальных чувств, то ли еще по какой причине), а часть – из бюджета городской управы. Все же дом представляет собой историческую ценность.

– Здравствуйте! – услышал Влад за своей спиной и повернулся на голос. В двух шагах от него стояла молодая женщина с мелко завитыми блондинистыми волосами, одетая в плотно обтягивающую ее полную фигуру медицинскую форму. Лицо ее было приятным и радушным, хоть и поздоровалась она с Владом без улыбки.

– Здравствуйте, – поздоровался он и чуть поклонился.

– Вы к кому-то? Посещения у нас разрешены с...

– Да-да, я знаю, – с вежливой улыбкой перебил Влад женщину. – Но мне нужны именно вы.

– Я? – удивилась служащая, подняв аккуратно выщипанные брови.

– Я хотел бы поговорить с вами об одной постоялице – Валентине Кузьминичне.

Гладкое, неброско накрашенное лицо женщины вдруг приняло испуганное выражение, рот ее округлился, словно она собиралась произнести букву «о». Но уже через мгновение, взяв себя в руки, служащая ответила неожиданно резким тоном:

– А вы ей кто? Родственник?

– Нет. Где мы можем с вами поговорить?

– Нигде, пока вы не объясните свой интерес. Это частное заведение, мы обязуемся не разглашать информацию о наших постояльцах...

– Понимаю, – вздохнул он, досадуя на себя за то, что где-то дал маху и разговор рискует пойти не так, как он рассчитывал. – Как вас зовут?

– Алевтина, – хмуро ответила женщина.

– Очень приятно, Алевтина. Я – Влад. Могу поговорить тогда с кем-то из руководства?

Алевтина замялась, видимо решая, отказать ли этому посетителю и умолчать о его визите или все же проводить к руководству и пусть уж там с ним разбираются. Влад терпеливо ждал, прикидывая другие варианты добиться своего в случае отказа.

– Хорошо, – сдалась служащая. – Ждите меня здесь. Как вас полностью представить? И вы так и не ответили, с какой целью интересуетесь нашей бывшей постоялицей.

– Моя фамилия Колосов. Влад Колосов, так и представьте. А интерес – личный, – ответил он с легкой улыбкой.

– Я ничего вам не обещаю, – сказала Алевтина и ушла по коридору.

В ожидании ее Влад рассматривал уже не лепнину, а картины на выкрашенных в небесно-голубой цвет стенах – пейзажи или бытовые сценки из сельской жизни позапрошлого века. «Прямо не коридор в доме престарелых, а картинная галерея», – подумал Влад и в этот момент увидел, как Алевтина выходит из одного кабинета, находящегося в конце коридора.

– Пойдемте, Светлана Алексеевна согласилась вас принять.

Светлана Алексеевна – это уже хорошо, это не какой-нибудь Иван Петрович. У Влада отлично получалось разговаривать с женщинами-начальницами – что на бывшей работе в компании, что в ЖЭКе, что в других учреждениях. Как-то ему удавалось подобрать ключик к их, казалось бы, неприступности.

Встретила его дама лет пятидесяти – не такая уж молодая, но активно молодящаяся. «Это хорошо», – отметил про себя Влад. Именно с такими дамами-начальницами у него и получалось найти общий язык. Улыбки, галантность, ненавязчивые комплименты, ввернутые в разговор умело и тонко, – его «оружие». Директриса пансионата вначале отнеслась к нему настороженно и на вопросы отвечала вопросами, пытаясь выяснить, откуда у Влада такой интерес к уже умершей Валентине Кузьминичне. Но, как бы там ни было, из кабинета он вышел с победой – с адресом.

Квартира, в которой когда-то обитала Валентина Кузьминична, а теперь жил сын с молодой женой, располагалась в одной из многоэтажек спального района Москвы. Время плавно катилось к ужину, и почти все парковочные места во дворах уже были заняты. Влад втиснул мотоцикл между двумя машинами в одном из дворов и дальше уже пешком отправился на поиски нужного дома. Он решил по возможности обойтись без визита к родственникам умершей старушки: вряд ли невестка или сын

Валентины Кузьминичны захотят откровенничать с незнакомым человеком, да и не хотелось привлекать ему внимание родственников. Рассчитывал он на дворовых бабок, у которых наверняка на каждого жителя есть подробное «досье». Конечно, бабки отличаются излишней подозрительностью и даже агрессивностью, но попытаться стоит.

Этот микрорайон, находящийся в пятнадцати минутах езды на автобусе от конечной станции метро одной из веток, казался маленьким государством, в котором кипела своя жизнь, не подчиняющаяся ритму «большого материка». Здесь вместо толпы нервных и вечно спешащих жителей и гостей столицы неспешно прогуливались по тротуарам небольшие компании молодых мамочек с колясками. Вместо автомобильных гудков и шума моторов слышался смех играющих на двух оборудованных площадках детей. На асфальтированном пятачке между площадками была натянута сетка, и молодые ребята играли в волейбол. Частокол из многоэтажек перемежался островками газонов и цветочных клумб. Влад удивленно осматривался, не в силах справиться с ощущением, что находится не в столице. Его бывшая квартира располагалась в престижном из-за близости к центру районе, закованном в камень и утопленном в оживленных магистралях. Там он задыхался от нехватки воздуха и пространства, а здесь ему дышалось почти так легко и свободно, как и в его нынешнем обиталище. Впрочем, он не променял бы уже свой тихий малонаселенный поселок с его цветущими садами и деревенским воздухом ни на какой самый уютный спальный район Москвы. Даже несмотря на шаговую доступность сетевых супермаркетов, боулинг-клуба, кинотеатра и прочих благ цивилизации.

Наконец Влад нашел тот дом, который искал, и, к своей радости, увидел возле подъезда лавочку с тремя сидящими на ней «грациями» – местными бабульками, которые оживленно между собой что-то обсуждали. Одна из старушек была наряжена в довольно яркое для ее возраста платье, на голове красовался кокетливый берет сиреневого цвета. Другая – в обычном ситцевом платье, темно-синем в белый горох. Третья же была в спортивном костюме. Влад медленно приблизился к старушкам и, вежливо улыбнувшись, поздоровался. Три женщины взглянули на него по-разному: «спортивная» – без всякого интереса, «горох» – хмуро, а «берет» – с любопытством.

– Вы не уделите мне пару минут? – продолжил Влад, обращаясь одновременно к трем.

– Если ты Свидетель Иеговы, то топай отсюда! – сердито заявила пожилая дама в платье в горох. Ее подруги энергично закивали, и не успел

Влад возразить, как выступила уже женщина в спортивном костюме:

– Лампы от радикулита нам тоже не нужны. И чудо-таблетки от болей в суставах. И ваши китайские утюги.

– А что, мне таблетки помогли! – встряла дама в берете. Ее товарки глянули на нее с неодобрением.

– Вечно тебя, Фаина, разводят, как последнюю лохушку! – буркнула «горох». Влад оторопело уставился на женщину, пораженный современным сленгом. Никак продвинутые внуки «просветили». – Сколько денег уже отдала этим мошенникам?

– Мои деньги, не твои! – парировала «беретка». – Говорю же, таблетки мне помогли. Суставы не болели.

– Суставы-то не болели, зато от унитаза три дня отойти не могла!

– Это от похудейного чая. А от таблеток у меня...

– Дамы, дамы, погодите! – поспешно встрял Влад, пока старушки не вывалили перед ним все деликатные подробности своих жизней. – Я не Свидетель Иеговы. И ничего не продаю. Мне бы поговорить о Валентине Кузьминичне Светловой. Вы были с нею знакомы?

– Ну, были, – ответила «горох». – Со мной на одной площадке жила, пока сынок ее родной в дом престарелых не сдал. Не заслужила Валька такого. А я ей говорила! Вот увидишь, щучка твоя невестка еще та! А ты чей будешь? Зачем тебе о ней знать?

– Я из районной газеты, мне статью заказали, – отговорился Влад. – О частном пансионате и его жителях.

– Так Валентина-то померла недавно! – воскликнула «беретка» и горестно вздохнула: – Царствие небесное! Чего теперь о ней-то истории собирать?

– Так она же необычный человек была, – сочинил на ходу мужчина и, как оказалось, попал в точку. Потому что «горох» поджала губы и хмыкнула:

– Ну да, необычная. Можно и так сказать.

– Вот об этом мне и хотелось поговорить! С семьей не удалось: не застал никого дома.

– Разве? Светка, невестка, вроде как уже вернулась. Я ее видела. Прошла, краля такая. Впрочем, она тебе ничего хорошего не расскажет. Если еще согласится говорить.

– Так вы мне поможете? – улыбнулся Влад и, следуя выдуманной роли «журналиста», включил на мобильном телефоне диктофон.

Через полчаса он уже знал подробности женитьбы сына Валентины Кузьминичны, конфликта с невесткой и переселения пожилой женщины

в пансионат. Со слов соседок, это Кузьминична приняла решение переселиться в дом престарелых, дабы не мешать счастью единственного сына. Соседки это решение не поняли, осудили сына Валентины Кузьминичны и всячески уговаривали свою подругу не предпринимать такой шаг. Но она ответила, что ей жить-то и не так уж много осталось, а сын пусть будет счастлив. Одно лишь оправдывало его: не поскупился, устроил мать в хороший пансионат. Тут соседки-рассказчицы немного друг с другом поспорили, потому что для одной из них выбор пансионата служил оправданием, а для других – нет. Дом престарелых – он и есть дом престарелых. Еще Влад узнал, что Валентина Кузьминична почти всю жизнь проработала в театре билетершей, в закулисную жизнь была влюблена до беспамятства, в молодости мечтала стать актрисой, но ей не хватало способностей. Сына она родила от женатого актера, а сама так свое личное счастье и не устроила. Все эти подробности не так интересовали Влада, как рассказ о том, что талантом Валентина Кузьминична обладала вовсе не актерским, а умела «понимать» животных. Бабульки привели множество примеров, когда Валентина Кузьминична помогала хозяевам захандрившей кошечки или собачки отыскать причину – болезнь ли, нарыв в ухе, тоску по прежнему хозяину или банальный недостаток внимания. Еще Влад узнал, что между Валентиной Кузьминичной и сыном недавно был конфликт: вроде тот продал одну ценную для матери книгу по выгодной цене. Якобы эта книга была в их семье уже не одно поколение. Валентина Кузьминична сильно огорчилась потерей, но нашла букиниста и выкупила фолиант. Правда, уже втридорога, продала почти все свои украшения. Сыну об этом не сказала.

Все это было для Влада интересно. Поблагодарив старушек за рассказ, мужчина распрощался и направился к припаркованному мотоциклу. Но прежде чем завести двигатель, позвонил с мобильного.

– Привет, – сказал он хриловатым голосом в трубку, когда ему ответили. – Ты сегодня дома?

– А где мне быть?

– Могу к тебе заехать?

– Приезжай, – ответили ему после недолгой заминки, во время которой Влад приготовился к отказу.

– Мне нужна твоя помощь, – уточнил он сразу.

Там будто и не удивились:

– Если в моих силах. Ты где?

Он сказал и, прикинув время дороги, добавил:

– Минут через двадцать-тридцать буду.

– Жду, – ответили ему.

Мотоцикл ловко лавировал в потоке машин, пока не выехал на знакомую дорогу. Влад невольно сбросил скорость, хоть шоссе на этом участке было свободно. Год он уже не ездил по этому маршруту, а когда-то этот путь, проложенный не только по московским улицам, но и в его сердце, он проделывал ежедневно – если не в реале, то в мыслях. Как его встретит она? И как с ней встретится он? Всколыхнется ли что-то в его душе или все уже кануло, успокоилось? Ностальгия – плохая спутница в делах: смешивает мысли с воспоминаниями в причудливом коктейле, лишает возможности трезво оценивать ситуацию.

Знакомая пятиэтажка, все те же надписи на торцевой бетонной стене без окон, не изменившийся за этот год двор опасно одурманили иллюзией, что и в его личной жизни ничего не изменилось. И пусть тот путь был тупиковым, хоть он с этим долго не соглашался, это была одна из самых ярких в его жизни дорог. Он немного помедлил перед тем, как нажать кнопку домофона, и так и не нажал, войдя в вовремя открывшуюся за вышедшим из подъезда соседом дверь. Третий этаж, на который он в этот раз не взбежал, а медленно поднялся, прислушиваясь не столько к звукам, доносящимся из-за дверей – голосам, бормочущим телевизорам и играющей музыке, – сколько к собственным ощущениям. Обманщица ностальгия вела его за руку, нашептывая на ухо сбивающие с толку обещания. К черту ее. Влад решительно нажал на звонок, и дверь тут же распахнулась, будто его высматривали в глазок.

– Привет! – поздоровался он, рассматривая ту, которую не видел год.

– Привет, – ответила с легкой усмешкой Тина и посторонилась:

– Проходи. Давай на кухню. Я сделаю кофе.

– По твоему волшебному рецепту? – улыбнулся Влад.

– А как же иначе...

– Будто ничего не изменилось.

– Изменилось. Не обольщайся.

– Не обольщаюсь.

Он проводил взглядом ее прямую узкую спину, которую закрывали густые выющиеся волосы, перехваченные зеленой шелковой лентой – в тон шелковому кимоно изумрудного цвета. Тина за этот год почти не изменилась. Влад подозревал, что она владеет каким-то особым секретом молодости, – она была старше его на семь лет, но выглядела моложе: гладкая фарфоровая кожа без единой морщинки, пятна или лопнувшего капилляра, блестящие огромные глаза чайного цвета с длинными, будто накладными, ресницами, натурально вишневый рот. Даже по утрам, без

единого грамма косметики, она выглядела безупречно. Влад на мгновение зажмурился, вспоминая тонкий цветочный запах ее теплой и розовой после сна кожи, шелковистое прикосновение круто завитого в спираль локона к его небритой щеке. И тут же открыл глаза, злясь на себя за то, что позволил ненужным воспоминаниям одурманить его.

– Я знала, что ты приедешь, – ровно сказала Тина, засыпая в турку кофе и специи. Смотреть, как она колдует над кофе, было приятно – будто волшебница, готовящая приворотное зелье. Впрочем, ее кофе и был приворотным зельем – а как его еще назвать?

– Ты мне приснился.

– Вот как? – усмехнулся мужчина. – И как? Хорошо или плохо?

Она помедлила с ответом. Зажгла конфорку и отрегулировала огонь под туркой до нужной интенсивности.

– Я просто поняла, что ты объявишься. И что тебе понадобится помощь.

– От тебя ничего не скроешь.

– При большом желании ты можешь скрыть все что угодно. – Тина оглянулась и внимательно посмотрела ему в глаза. – Вернее, скрыться.

– Мне нужно было уехать, – ответил он, не отводя взгляда и выдержав «удар». – И это было твоим желанием – чтобы я... скрылся. Хотя ты до сих пор и не объяснила, чем я тебе не угодил.

– Ты ко мне приехал не затем, чтобы задать этот вопрос. На него я тебе уже отвечала, и не раз. У нас нет будущего. Нам было хорошо вместе, и только.

Влад кивнул, одновременно соглашаясь и не соглашаясь с Тиной. Им было хорошо – да, и сладкой частью плода они наслаждались вместе. Горькая же досталась лишь ему. Впрочем, это тогда ему было горько, а сейчас, спустя время, он уже понимал, что с Тиной вряд ли бы они прожили жизнь вместе.

– Рассказывай, что случилось, – сказала она, разливая готовый кофе по двум маленьким чашкам.

– А разве ты это не увидела во сне? – пошутил он. Тина лишь улыбнулась глазами и поднесла к губам чашечку.

– Жила-была одна старушка, – начал Влад. – Родной сын сдал ее в элитный пансионат в том городе, в котором я сейчас живу. В пансионате бабушка привязалась к одной медсестре и после своей смерти оставила той в наследство ладанку. Которая до зарезу нужна неким товарищам – понятия не имею зачем. На девушку, вернее, ладанку, развернулась охота, но амулет ни в коем случае не должен попасть в руки «охотников». Иначе,

предупредила старушка, быть большой беде. Это настоящая история. А вот и предыстория, которую мне поведала сама бабушка: однажды ей обломилась интересная вещь. В одном букинистическом магазине она купила практически за бесценок одну старинную книгу, которая оказалась сборником ведьмовских заклятий и ритуалов.

– О как! – подняла тонкую черную бровь Тина. – *Такая* книга вряд ли попала ей в руки случайно. Понимаешь, подобные вещи *ищут* себе хозяина.

Влад кивнул и продолжил:

– Я к этому и веду. Старушка, оказывается, мне соврала. Скорее всего потому, что хотела скрыть причастность своих предков к этой книге. На самом деле книга хранилась в семье, а родной сын без ведома матушки продал книгу букинисту. Старушка всполошилась, отыскала покупателя и выкупила книгу обратно. Это мне поведали уже соседки нашей старушки. Она же мне сказала, что об истинной ценности книги не догадывалась, та ей была дорога только как фамильная реликвия. Старушка черной магией не увлекалась, опять же с ее слов, но умела понимать животных. Что наталкивает меня на мысль, что в роду у бабушки могли быть ведуньи и знахари.

– Еще бы! Если эта книга не одно поколение хранилась в семье!

– Ну, как она к ним попала, была ли написана кем-то из предков нашей старушки или пришла «со стороны», я не знаю. Валентина Кузьминична, так зовут бабушку, тоже. После того как она выкупила тайно от сына книгу, она захотела узнать ее историю, показать ее знающим людям. Но не успела: книга пропала прямо из ее комнаты в пансионате.

– Кража?

– Кузьминична в этом не уверена. Вообще эта старушка довольно-таки деликатная. Выдвигать обвинения в краже – не в ее характере. Поискала-поспрашивала, на том и успокоилась. Похоже, она и сама тогда не знала, что книга может представлять какую-то опасность. Не магическую, а реальную. Но, похоже, перед своей смертью старушка узнала что-то такое, что ее не на шутку встревожило.

– Как она умерла?

– Упала с лестницы. Вроде ничего на первый взгляд криминального: оступилась, сломала при падении шею, и все. Но кто там знает.

– Хм...

– Тебе это кажется подозрительным?

– Продолжай. Я так понимаю, старушка явилась к тебе уже после смерти.

– Да. Ее душа вступила со мной в контакт и попросила защитить ту девицу из пансионата, медсестру. Похоже, над ней сгущаются тучи. Я сначала отказался, неохота связываться с чужими проблемами. Но в итоге соблазнился этой книгой, которая, если я ее найду, может стать моей.

– Книгой или девицей соблазнился, которую нужно защищать? – усмехнулась Тина.

– Там ничего соблазнительного нет. Видела бы ты ее!

– Понятно. Едва ты упомянул о книге, как я поняла, в чем состоит твой интерес. А от меня какой помощи хочешь?

– Помоги мне определить, где и у кого может находиться эта книга.

– По-моему, ты меня путаешь с экстрасенсом, – довольно холодно ответила женщина. Взяла лежащую на столе пачку с тонкими сигаретами и закурила. Влад машинально развеял рукой дым, чем вызвал у хозяйки усмешку, однако оба удержались от комментариев.

– Я могу сказать, стоит ли тебе вмешиваться в это дело или нет.

– Мне не это нужно, Тина.

– А для большего информации маловатенько, дорогой Влад.

– Будет, – уверенно заявил он.

– Думаешь? – скептически приподняла бровь Тина, затушила сигарету в пепельнице и кивнула на чашку в его руках:

– Ну, давай посмотрим, что там...

Влад одним глотком допил остывший кофе и под внимательным взглядом женщины опрокинул чашку на блюдце.

– Старуха не сказала, но мне видится связь между этой книгой и той вещью, что медсестра получила в подарок. Иначе какой смысл устраивать охоту на эту девицу?

Тина молча кивнула, будто Влад лишь высказал вслух то, что для нее было и так ясно. Придвинув к себе блюдце, женщина взяла с него чашку, из которой пил гость, и заглянула в нее. Мужчина молча ждал, пока она рассматривала кофейные узоры на стенках.

– Вот что, дорогой мой, я категорически тебе не советую вмешиваться в это дело, – твердо заявила Тина, поставив чашку обратно на блюдце.

– Я уже вмешался.

– Еще не поздно отступить.

– Нет, – упрямо ответил он, глядя ей в глаза. Она выдержала его взгляд, в котором читался вызов, и вздохнула:

– Мальчишка ты, Влад, несмотря на крутой мотоцикл, тридцатник и деньги на счету.

– Мне через месяц тридцать три, если ты забыла.

– Возраст Христа... Рискнешь до него не дожить, если ввяжешься в эту историю. Говоришь, за книгой охотятся крутые дяди?

– Прекрати разговаривать со мной так, будто я малолетка. Я прекрасно знаю, во что ввязываюсь.

– Ой ли... – покачала головой Тина и вновь закурила.

– Ты увидела в чашке мою смерть?

– Я увидела в ней просто смерть.

– Ну, дорогая Тина, тебе известно, что со смертью у меня так и так серьезные отношения. В любом раскладе на меня ее увидишь.

– В том сне, в котором я увидела тебя, ты терял самое дорогое – некую женщину. Я ее не знаю, но для тебя она была дороже жизни. И ты ее потерял. Навсегда, понимаешь?

– У меня нет женщины, – усмехнулся он. – Я свободен как ветер, Тина.

– И все же подумай.

Он склонил голову набок, словно задумался, и после долгой паузы ответил:

– Я тебе позвоню, как только узнаю что-то еще. Поможешь?

Она вздохнула, затушила сигарету и поднялась с места. Пройдя по кухне, остановилась и, глядя в окно, ответила:

– Помогу.

– Спасибо, – тихо ответил Влад, вставая из-за стола. Тина повернулась к нему для прощания, но с ее губ неожиданно сорвались совсем не те слова, которые она собиралась произнести:

– Уже поздно. Оставайся.

Он не собирался оставаться, но проклятая ностальгия не вовремя подсунула ему воспоминания о тех ночах, которые они проводили вместе, забыв обо всем. Все же, как бы там ни было, они подходили друг другу в постели так идеально, как сделанные одним мастером ключик с замком. Все же, как бы там ни было, оба были свободны – не связаны клятвами ни с другими партнерами, ни друг с другом. На город и правда спускалась ночь. И, по правде говоря, Владу не хотелось уезжать от Тины. Это уже потом, завтра может быть, мчась впереди ветра на байке, он будет проклинать ностальгию, толкнувшую его в объятия прошлого. А может быть, и нет. В темных, будто южное небо, глазах Тины серебристыми звездами отражался свет. Он приблизил лицо к ее лицу, желая прочитать тайны, скрывающиеся в глубине ее глаз, но Тина в ожидании поцелуя прикрыла веки.

X

– Верочка, вы не дадите мне таблетку? Что-то не могу уснуть, – заглянул в комнату старик Ванюков.

– Иван Палыч, так я вам же давала одну перед сном! – воскликнула Ирочка и оглянулась на поднявшуюся с места Веру.

– Не помогает, деточка, – повинился старик и с надеждой глянул на Веру.

– Нет, Иван Палыч, не могу, – с ласковыми, но одновременно и твердыми интонациями ответила та. – Мы строго следуем назначениям доктора Савельева.

– Так никто не узнает, Верочка! Я никому не скажу.

– Не могу, дорогой Иван Палыч, – развела руками Вера. Старик горестно вздохнул и повернулся, чтобы идти, но задержался на пороге и тихо, так что девушки едва его расслышали, произнес:

– Не могу уснуть. И проклятая меня никак не забирает. Отмучился бы уж... Не могу уснуть. Сегодня ведь очередная годовщина, в эту ночь...

Он тихо заплакал, опершись рукой о косяк. Ирочка испуганно глянула на Веру, но та уже подошла к старику и мягко взяла его под локоть.

– Идемте, Иван Палыч, я вам мятного чаю заварю. От мяты вы уснете, точно вам говорю. И валерианы могу накапать.

– Понимаете, Верочка... – тихо сквозь слезы прошептал старик, но тем не менее пошел за девушкой и дал себя усадить на стул, на котором еще недавно сидела она. – Сегодня очередная годовщина.

– Я помню, Иван Палыч.

Старик поднял на девушку красные от слез и недосыпа глаза, и Вера сглотнула подступивший к горлу комок. О том, что в эту ночь несколько лет назад на машине разбился с семьей единственный сын Ивана Павловича Ванюкова, она прекрасно знала. В прошлом году накануне этой годовщины она, помня, что Иван Палыч проведет ночь в тяжелых воспоминаниях и слезах, специально просила Савельева разрешить дать старику двойную дозу снотворного. Обычно Ванюков не страдал бессонницей, он был одним из немногих постояльцев, кто обладал крепким ночным сном, только раз в год, в эту трагическую для него ночь, не мог спать. Но в этот раз Вера, погруженная в мысли о дневных событиях, забыла подойти к Савельеву. Доктор так и ушел домой после смены, не выдав старику снотворного. Находчивая Вера предложила Ире дать Ивану Палычу полтаблетки

аскорбиновой кислоты под видом снотворного, что и было сделано. Но, видимо, эффект плацебо не сработал.

Пока Вера усаживала старика и утешала его, Ирина поставила чайник и достала из шкафа пачку с пакетиками мяты.

– В этот час, в этот час мне позвонили... – дрожащим голосом рассказывал старик историю, которую все обитатели пансионата уже знали наизусть. – Хорошо, что Любочка, моя жена и верная подруга, не дожидая до той ночи. Как бы она пережила – ума не приложу. Ушли все, а я один остался. И живу, живу, никак не умру. А кому я сдался?

Старик сделал маленький глоточек заваренного для него мятного чая. Вера, слушая, накапала в пластиковую рюмочку валерьянки. Пусть старик выговорится. Погорюет с ними в компании, расскажет вновь о своем горе и успокоится. Вера знала, что у Ванюкова никого не осталось из семьи, а за его проживание в пансионате платит близкий друг его сына. Иван Палыч прожил в одиночестве после трагедии полгода и не выдержал, попросил навещавшего его друга сына, который тоже вырос на его глазах, пристроить в какую-нибудь «богадельню», как он выражался. Лишь бы не быть больше одному. Финансы молодого мужчины позволяли тому содержать старика в приличном пансионате. Правда, самому Ванюкову не говорили, сколько это стоит, иначе он бы ни за что на такую «богадельню» не согласился.

А Иван Палыч, прихлебывая остывающий чай маленькими глоточками, продолжал свой рассказ, только уже не плакал. Ира украдкой просматривала лежащую на столе газету, оставленную кем-то из дневной смены, Вера сидела рядом со стариком и с сочувствующим видом слушала. Когда Ванюков сделал паузу, чтобы высморкаться в большой клетчатый платок, выуженный из кармана пижамных брюк, подвинула ему нетронутую рюмочку с валерианой. Старик выпил успокоительное одним махом, будто водку, и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Ладно, пойду я, – закончил он свой рассказ и поднялся со стула. – Верочка, так, может, все же дадите таблеточку? Боюсь, так и не усну. Доктор Савельев не узнает, обещаю вам!

– Ну что с вами поделать, Иван Палыч! – притворно вздохнула Вера и кивнула напарнице:

– Ира, дай еще полтаблетки *того же* снотворного.

Напарница послушно открыла шкафчик с лекарствами и достала половинку аскорбинки. На лице старика показалась благодарная улыбка.

– Пойдемте, Иван Палыч, я вас провожу, – предложила Вера после того, как старик выпил «снотворное». Он не стал возражать и вышел за дверь.

Комната Ванюкова находилась в противоположном конце коридора, вторая по счету от лестницы. По дороге Иван Палыч все благодарил Веру за то, что его выслушали. А уже в дверях своей комнаты заявил, что «снотворное» подействовало и теперь он уже уснет. Вера улыбнулась на прощание и пожелала старику спокойной ночи.

– Верочка, не знаете, куда пропал Гаврила? – вдруг спросил Ванюков. Девушка качнула головой и высказала предположение, что кот где-то гуляет. Пропажи усатого постояльца не были странными: он исчезал обычно на несколько дней, а затем опять объявлялся в пансионате – голодный и похудевший.

– Если бы вы знали, как мне хочется, чтобы он... пришел ко мне в гости. Вы меня понимаете.

– Бросьте, Иван Палыч! – горячо воскликнула Вера. – Увижу Гаврилу у ваших дверей, наоборот, не пущу!

– Ах, девочка! Уж, пожалуйста, не прогоняйте его, – мягко улыбнулся старик. – Кто-то боится нашего Ангела смерти, а кто-то, как я, его ждет. Даже колбаски попросил Алевтину прикупить – в угощение.

Он еще собирался что-то сказать, но, махнув рукой, развернулся и скрылся в комнате. Вера постояла у дверей, пытаясь справиться с душевной бурей, которую породили рассказ Ивана Палыча и его недавние слова. Сколько она уже работает здесь, а все никак не привыкнет ни к историям стариков, ни к их высказываниям в таком вот ключе. Ангел смерти... В висках заныло: ей вновь вспомнилось письмо покойной Кузьминичны, а затем подумалось о мужчине по имени Влад. Как несправедливо кто-то там, наверху, распределяет отведенные сроки: кого-то на полпути «срезает», а кого-то заставляет прожить долгую и мучительную жизнь. Вон, старик Ванюков многое бы отдал за то, чтобы наконец-то уйти в вечность.

Вера вернулась в медсестринскую и в дверях столкнулась с Ирочкой:

– Меня Семенова позвала. Говорит, давление поднялось. Пойду гляну. Все расстраивается из-за своего потерянного медного наперстка – того, что от матери ей достался. Наверняка уронила и он закатился в какую-то щель. Или положила в другое место. Чего, спрашивается, так расстраиваться?

– Ира, старикам эти «безделушки» очень дороги, потому что связаны с теми или иными воспоминаниями.

– Да понимаю я это! Ну так пусть тогда берегут их как зеницу ока. А то вон перед этим и Сидоркин меня донимал: куда пропала его трубка, из которой он табак еще в войну курил. Будто я ее взяла...

– Они старики, Ира, не забывай. Иди, Семенова тебя уже заждалась.

Ирочка вышла, и Вера налила себе уже остывающей воды из чайника и опустила в чашку пакетик мяты. Сильно не заварится, но ей и не хочется крепкого настоя. Газета, которую читала Ирочка, лежала раскрытой, и Вера от скуки принялась просматривать статьи. Ничего особенного, все в духе этого издания. И лишь на последней странице две заметки привлекли ее внимание. По мере чтения любопытство трансформировалось сначала в легкое беспокойство, затем – в нарастающую с каждой прочитанной фразой тревогу. Дочитав до конца, Вера поняла, что ей по-настоящему страшно. Похоже, эту часть страницы скоро отведут под криминальную хронику. В первой заметке говорилось о найденной в лесу убитой молодой женщине без документов. Смерть наступила около недели назад. Погибшая была завернута в плащ, надетый прямо на голое тело, на руке у нее оказался глубокий порез. Во второй заметке речь шла о пропаже некой Марии Сеницыной, жительницы соседнего городка. С фотографии на Веру смотрела молодая женщина с темными глазами и светлыми крашеными волосами. Жесткая линия рта, маленький подбородок и, напротив, слишком высокий лоб, наполовину скрытый челкой, – ее черты хоть и не были классически правильными, но запоминались. Последний раз Марию видели в прошлый четверг: она выходила из подъезда в компании мужчины. Мужчине на вид было лет тридцать пять, одет он был в черные джинсы и черную кожаную куртку, высокий, плечистый, светловолосый, довольно привлекательной внешности. Вера прочитала эти приметы и вновь вздохнула: понятно, почему соседки приняли ее гостя за «маньяка». Влад вполне мог подойти под эти общие приметы.

Мария Сеницына, Мария Сеницына... Та ли эта Мария из книжечки Валентины Кузьминичны? К этому имени добавилось имя погибшей ранее Галины Старополовой, и в памяти всплыло еще одно женское – Яна. Две заметки из этой газеты и одна – из старой, как кусочки одной мозаики... Вера с ужасом подумала: а что, если неопознанная женщина – еще одна из «черного списка» Валентины Кузьминичны? Яна? Если это так, то, получается, уже три человека из пяти мертвы. И, не дай бог, Марию Сеницыну постигнет или уже постигла та же участь! Тогда их станет четверо. Еще остается тот мужчина, с которым Вера раньше разговаривала. Внезапно, поддавшись порыву, девушка схватила свой мобильный телефон и отыскала вначале номер, который должен был принадлежать Яне. Ну и что, что ночь. Ей только нужно убедиться... Убедиться, что эта женщина жива и не имеет никакого отношения к найденному неопознанному телу. Телефон ответил механическим голосом, что абонент находится вне зоны действия сети. Как и раньше. Вера нажала на следующий номер, который

должен бы принадлежать либо Марии Сеницыной, либо Галине Старополовой, но и по нему абонемент оказался недоступен. Как и по следующему номеру. Веру прошиб пот. Она пролиставала список своих исходящих звонков дальше, отыскивая номер мужчины, и с удивлением обнаружила, что у безымянного номера теперь появился адресат – Влад.

Вера зажала телефон в ладони и откинулась на спинку стула. Это что же получается... Влад – это тот самый мужчина, которому она дважды звонила и который ей ответил, что не знаком с Валентиной Кузьминичной? Но он же привез для Веры сообщение от старушки! Значит, Влад соврал – или в том, что не был знаком с Валентиной Кузьминичной, или в том, что сообщение от нее. Зачем? Сложный вопрос, потому что ей, Вере, ничего об этом человеке не известно. Это раз. Два – Вера увидела, что этот молодой мужчина помечен знаком смерти. Теперь, после прочтения газеты, девушка уже не сомневалась в том, что Владу угрожает смертельная опасность.

Вера решительно нажала на кнопку вызова, ничуть не боясь того, что разбудит мужчину. Пусть. Пусть он разозлится, не захочет ее выслушивать – сейчас, но лишь бы ответил. Он не взял трубку, но уже то, что его телефон не оказался отключен, немного приободрило.

В комнату вошла Ирина и пожаловалась, что давление у Смирновой оказалось в норме, просто старушке хотелось, как всегда, внимания. Вера машинально кивнула и спросила, нужна ли Ире газета.

– Нет.

– Тогда я возьму ее, заверну форму, чтобы постирать дома.

Ирина попросилась уйти на полчаса раньше, Вера сама написала отчет и сдала смену пришедшей с небольшим опозданием Алевтине.

– Не сказала тебе, тут вчера приходил один тип, расспрашивал о Кузьминичне, – сказала сменщица, когда Вера уже переоделась и переобулась перед выходом на улицу. – Вот как интересно выходит: жила себе женщина, никто ею особо не интересовался, а как умерла, так какую-то суету вокруг нее развели. Или все копают: сама ли на лестнице споткнулась или кто ее толкнул? Да кому и зачем ее толкать!

– А что этот мужчина хотел? – встревожилась Вера.

– Да не знаю! Я его сразу отправила к директору, не стала разговаривать. Хватит, один раз оплошала, поверила на слово незнакомым людям, что они родственники. Как бы не лишила меня Светлана премии за это...

– Как выглядел этот мужчина?

– Ну, как-как... Симпатичный! Даже, я бы сказала, красивый. Блондин, волосы до плеч. Глаза светлые.

– Он не представился?

– Да, не помню только точно. Владимир?..

– Может, Влад? – предположила Вера и прикусила язык: любопытная Алевтина сейчас прицепится с расспросами.

– Точно! Влад. А ты его знаешь, что ли? – ожидаемо спросила напарница.

Вера покачала головой и после паузы ответила:

– Он мне на днях тоже встретился. Спрашивал про Кузьминичну.

– Сдалась она им всем! – воскликнула Алевтина, явно желая развить тему. Но Вера уже попрощалась и вышла.

День обещал быть хорошим. Неожиданно, после нескольких дней пасмурной погоды, небо оказалось девственно чистым, без единого облачка или тучки, – последний привет уходящего лета. Но, несмотря на хорошее раннее утро, Вера отказалась от неспешной прогулки пешком. Не сегодня. Ей нужно как можно скорей попасть домой, немного отдохнуть и связаться с мужчиной по имени Влад. Похоже, у него в этой истории есть свой интерес, но по одну ли они сторону баррикад или по разные – ей неизвестно. Вот это Вера и хотела выяснить.

Она подъехала к дому и поставила машину на обычное место. Вокруг царил глубокая, немного пугающая тишина, будто улица еще не пробудилась ото сна. В какой-то момент Вере даже показалось, что она ошиблась во времени и вернулась домой на час раньше. Но потом сообразила, что эффект такой плотной тишины создан оттого, что соседки еще не вышли во двор на свои обычные работы. Обе были «жаворонками», и частенько с их дворов в это время уже раздавался какой-то шум. Но баба Шура наверняка еще лежала в постели с больной спиной (надо бы чуть позже навестить ее и, возможно, сделать еще один укол), а Зинаида Михайловна вечерним автобусом уехала в гости к сестре в соседнюю область. Вчера соседка во второй половине дня зашла к Вере и на полном серьезе заявила, что отменяет поездку, так как собирается охранять девушку от посягательств «маньяка». Вере с трудом удалось убедить Зинаиду Михайловну не делать этого.

Вера подошла к двери, достала ключ и испуганно вскрикнула, заметив, что дверной замок вырезан, а на его месте зияет неаккуратная дыра.

– О господи, – прошептала она и приложила ладонь к груди. Первым ее порывом было распахнуть дверь, но здравый смысл остановил: в доме ее могут поджидать непрошеные гости. Вера, пятясь, боясь развернуться к двери спиной, спустилась с крыльца, лихорадочно пытаясь сообразить, что же ей теперь делать. И в этот момент в ее сумочке раздался звонок

мобильного. Вера поудобней перехватила под мышкой газетный сверток с формой и достала телефон. Бросив взгляд на экран, она увидела, что звонил ей Влад.

– Алло, – шепотом ответила девушка.

– Вера, вы мне звонили?

– Да, – так же шепотом ответила она.

– Вам неудобно говорить?

– Нет. То есть да. Не знаю...

– Не понял? Если хотите, я перезвоню позже.

– Нет, нет, вы мне нужны сейчас. Вы... не могли бы ко мне приехать?

– Что-то случилось? – встревожился он.

– Ко мне, кажется, проникли в дом.

Она, говоря все также шепотом, на цыпочках вышла со двора и аккуратно прикрыла за собой калитку.

– Ясно! – резко ответил Влад, выслушав ее краткие объяснения. – Через семь минут буду. Не вздумайте соваться в дом! Сядьте в машину и заблокируйте все двери.

– Я так и собиралась сделать.

– Умница, – похвалил он и отключил телефон.

Влад и правда приехал довольно быстро. Сонную тишину улицы вдруг разорвал громкий, проникающий даже сквозь задраенные окна в салон, рев мотоцикла, и минуту спустя перед капотом машины остановился черный байк. С него спешил высокий мужчина в черной мотоциклетной куртке, черных джинсах и высоких ботинках. Не снимая с головы шлема, он поприветствовал Веру взмахом руки и жестом попросил девушку оставаться в машине. Затем достал из кармана складной нож и направился к дому. Вера в тревоге вытянула шею, внимательно следя за передвижениями Влада. Оружие, которое он с собой взял, ее несколько не впечатлило: ну что он может сделать против бандитов, если те сидят в доме в засаде, с этим ножом, размер лезвия которого ненамного больше перочинного? А Влад тем временем уже скрылся в доме. И то время, что он провел там, показалось Вере едва ли не вечностью. Наконец мужчина вышел на крыльцо и замахал Вере, показывая, что она может войти. Она поспешно выбралась из машины и бегом бросилась к крыльцу.

– Никого нет, – сказал Влад, сняв шлем. – Но беспорядок там, скажу, вам устроили.

Вера бросилась в дом и оторопело остановилась на пороге, с ужасом глядя на то, во что превратилось ее аккуратное жилье. Затем перешагнула сброшенную на пол одежду и вошла в гостиную. Влад зашел следом,

машинально повесив на вешалку валяющуюся на полу куртку.

– Посмотрите, что у вас пропало.

Она молча кивнула и первым делом глянула на стол, на котором стоял компьютер. Ящики были выдвинуты, и их содержимое бесцеремонно высыпано на пол. Вера первым делом отыскала пакет с документами – дипломом и свидетельством о рождении, а также договором на дом. Это на месте. Деньги она хранила в банке, предпочитая расплачиваться карточкой, а имеющуюся наличность нехитро носила с собой. Украшений она не носила: все, что у нее было, она продала давно, чтобы начать новую жизнь. Вера обошла весь дом, переступая через валяющиеся вещи. На кухне огорченно ахнула, увидев, что все, что было в банках: чай, сахар, соль, кое-какие крупы, – высыпано на пол.

– Да уж, задали вам работенку, – сочувственно присвистнул Влад.

– Те, кто сюда ворвался, искал определенную вещь. Ладанку. И, кажется, я знаю, кто это. Я видела их лишь раз в жизни и не уверена, что запомнила их лица, слишком они были... одинаковые.

– Кажется, я понимаю, о ком вы.

– Вы их знаете?

– Нет. Случайно оказался свидетелем вашего похищения.

Вера удивленно обернулась, молча посмотрела на мужчину несколько секунд, а затем вымолвила:

– Вы мне про это еще расскажете.

– Нет, это вы мне про это расскажете. Чем вас там стращали?

– Зачем вам все это, Влад?

– Хочу узнать, в какую историю меня и вас втянула любительница театральных постановок Валентина Кузьминична.

– ???

– Потом, Вера, потом, – отмахнулся он с легкой усмешкой. – Вначале о главном: ладанку украли?

– Нет. Я взяла ее с собой. – Вера вытащила из-за ворота футболки цепочку.

– Неразумно, Вера, носить ее сейчас на себе.

– Если бы я не взяла ладанку с собой, ее бы уже украли, – возразила Вера, слегка задетая его поучительным тоном.

– А если вас вновь похитят, то и искать долго не придется.

– И что вы предлагаете?

– Отдайте амулет мне на хранение.

– С ума сошли?! Откуда мне знать, что это не вы охотитесь за этой вещью? Сами же сказали, что Валентина Кузьминична наказывала никому

ладанку не отдавать.

– Разумно, – усмехнулся мужчина. – Я бы на вашем месте тоже никому не верил. Признаться, даже себе иногда не верю. И я, да, из тех, кто свою выгоду не упустит. Более того, я ввязался в это дело, потому что у меня есть свой интерес.

– Какой?

– Расскажу, Вера, в обмен на амулет.

– Черт бы вас побрал! – воскликнула она. – Как я могу вам верить? Вдруг это вы ночью пробрались ко мне и устроили все это?

– Зачем? – вполне искренне удивился он.

– А затем, чтобы напугать меня как следует и потом выцоганить ладанку!

Влад вдруг рассмеялся.

– Здорово придумали! Хороший способ, да только энергозатратный. Вера, я точно не забирался к вам в дом, потому что прошлую ночь провел в гостях у одной своей подруги.

Почему-то это его признание смутило ее до румянца на щеках. Хотя что тут странного? Красивый мужчина, в самом расцвете сил, проводил ночь с женщиной – обычное дело. Но смутила Веру та легкость, с которой он делился личными эпизодами своей жизни. А Влад уже отсмеялся и сказал совсем другим тоном – серьезным и будто даже немного строгим, словно отец, застукавший сына за игрой с опасной вещью:

– Вера, я думаю, что будет лучше, если вы отдадите мне эту вещь до тех пор, пока страсти вокруг нее не улягутся. Я знаю, как ее хорошо спрятать. А затем я верну вам ладанку. Обещаю. Могу даже оставить какой-то залог.

– Какую ценность ладанка представляет для этих людей? Что вам об этом известно?

Влад вздохнул и, оглянувшись в поисках стула, поднял с пола опрокинутый табурет, отряхнул его от муки и присел.

– Честно – не знаю. Мне об этом известно не больше вашего, а может, даже меньше. Я не знаю, в чем секрет этой вещи, почему за ней развернулась охота. Но собираюсь это выяснить.

– Как?

– У меня свои способы, – уклончиво ответил он. – Обещаю: все, что узнаю, расскажу вам.

Вера немного помедлила, взвешивая все за и против, а затем решительно сняла цепочку с шеи и протянула мужчине ладанку. Он мельком глянул на амулет и сунул его в нагрудный карман куртки.

– Спасибо за доверие! Постараюсь не подвести.

– Уж не подведите, – едко заметила Вера. То, что она уже жалеет о содеянном, так явно читалось на ее лице, что мужчина улыбнулся – на этот раз ласково, будто ребенку.

– Не беспокойтесь. Мы с вами играем на одном поле.

– Что вам известно? – без улыбки спросила девушка. Вся ее поза – сложенные на груди руки, вздернутый подбородок, напряженная спина – говорила о том, что она все еще не доверяет ему.

– Известно мне немного. Но я собираюсь узнать все что могу. С вашей помощью. И в ваших интересах. Ну и, конечно, в своих.

– Каких?

Он вздохнул, встал на ноги и задвинул табурет под стол – нарочито медленно, с намеком.

– Вера, давайте вначале приведем все здесь в порядок, а затем уютно, за чашкой чая или кофе – чем вы меня угостите, – поговорим. Вы расскажете мне, что известно вам. Я – что известно мне. И вместе постараемся составить из этих пазлов часть картины.

– У меня, как видите, сейчас нет ни чая, ни кофе.

– А столярные инструменты у вас есть? – вдруг спросил Влад. – Нужно замок новый врезать. Опасно оставлять вас жить в незапертом доме. Особенно в свете последних событий.

– Ну... кое-что, думаю, есть. Отвертка, к примеру. Гаечный ключ. Но я инструментами не пользуюсь. Предпочитаю в случае поломок вызывать мастера.

– У мастера могут возникнуть вопросы по поводу того, что тут произошло. И, кстати, все же не рекомендую вам заявлять в полицию о том, что случилось, раз у вас ничего не похитили. Лишний шум разводить сейчас нам невыгодно. Потом – возможно.

– Я дам вам деньги на замок.

Влад махнул рукой и направился к выходу:

– Рассчитаетесь парой чашек кофе.

Отсутствовал он почти час. За это время Вера успела убрать кухню: вымести и вымыть пол, ополоснуть банки для круп и сахара-соли. Мужчина приехал, когда она уже принялась за уборку гостиной. Он вошел в дом без стука, выложил на расчищенный Верой от вещей стол два пакета, вынул из одного из них две картонные коробки с двумя замками и пластмассовый плоский ящичек с инструментами.

– Взял два, думаю, что один из них точно подойдет, – пояснил он, перехватив недоуменный взгляд девушки, брошенный на коробки

с замками.

– Сколько я вам должна?

– Две чашки кофе, – на полном серьезе ответил Влад и улыбнулся краешками губ. – Кстати, забирайте второй пакет на кухню, там есть все для завтрака. Надеюсь, у вас есть турка? Растворимый кофе я не люблю.

– Есть. Ой! – обрадованно воскликнула Вера, заглянув в пакет и увидев в нем помимо пачки молотого кофе пачку сахара, пряники и шоколадные конфеты, две упаковки сырных и колбасных нарезок, а также батон свежего хлеба. – Влад, зачем вы столько?

– А я не о вас, о себе забочусь! – с усмешкой ответил он. – Я не успел позавтракать.

– Я сейчас все приготовлю!

– Можете не торопиться, пока я не закончу с замком, завтракать не стану.

– Тогда я закончу с уборкой, мне осталось немного.

– Валяйте!

Он снял куртку, оставшись в черной футболке, плотно обтягивающей его торс. Вера невольно задержала на госте взгляд и тут же смущенно отвернулась, отругав себя за это мимолетное мгновение интереса, проснувшегося под влиянием женского инстинкта. Ни один мужчина давно не привлекал ее внимания, и вдруг в ее доме оказался привлекательный незнакомец, похожий на викинга, от которого так и исходит запах феромонов и который, к тому же, взялся у нее дома хозяйничать. Неудивительно, что в ней проснулся женский интерес. Вера неожиданно подумала, что привлекательность и сексуальность мужчины не столько выражается через его романтические поступки, сколько проявляется в мужской работе.

Пока Влад возился с замком, она быстро, почему-то стараясь сильно не шуметь, будто боясь нарушить особенную атмосферу, поселившуюся временно в ее доме с приходом гостя, убрала в гостиной, а затем – в спальне. Тем временем Влад закончил возню с замком:

– Принимайте, хозяйка, работу!

Вера попробовала новый замок и сказала, что ей все нравится.

– Вам бы еще петли в калитке смазать. А то скрипят очень. Впрочем, в свете последних событий пусть скрипят! Кстати, где же были ваши бдительные соседки, что допустили такое безобразие? – с сарказмом спросил Влад, складывая инструменты обратно в ящичек. – Как на невинных граждан нападать – так всегда пожалуйста, а как на бандитов – нет их.

– Баба Шура с кровати встать не может, ей так спину скрутило. А Зинаида Михайловна уехала с ночевкой.

– Не вовремя как! Поскорей бы она вернулась. А то мне как-то, право, даже беспокойно за вас будет, – все с тем же сарказмом заметил Влад.

– Ничего не случится, – пожалала плечами Вера и отправилась на кухню.

– Беспечная девица! Где у вас можно умыться?

Вера вышла и показала, где находится ванная, а также принесла чистое полотенце. Пока мужчина умывался, она поставила на огонь турку и нарезала хлеб для бутербродов. А затем заглянула в холодильник, решая, что еще можно подать к завтраку. Может, сделать яичницу? От яичницы Влад отказался, придвинул к себе чашку, добавил молока, сахара:

– Что ж, кофе вы варите неплохой. Даже очень недурной. Хоть прям женись на вас из-за этого.

– А сами что, не умеете варить?

– Лень. Пользуюсь растворимым.

– Вы же сказали, что терпеть его не можете! – воскликнула Вера.

– Не люблю. Но предпочитаю, чтобы мне кофе варили женщины.

Она промолчала. Но почему-то его заявление, хоть и сказанное с иронией, ее разозлило и даже немного обидело. И задело – потому, что он сказал слово «женщины» во множественном числе. Подумаешь, Дон Жуан какой!

– Ну, рассказывайте, – сказал Влад, выпив полчашки кофе и с аппетитом откусив от бутерброда с колбасой.

– А почему я первая? – возмутилась Вера. – Давайте вы! Откуда я знаю, может, вы выслушаете меня, а в ответ ничего не расскажете.

– Уфф... – выдохнул он и отложил бутерброд. – И даже после всего, что между нами было, продолжаете не доверять!

– Оставьте ваши шуточки! Мне сейчас не до них.

– А я не шучу. Между прочим, я впервые врезал замок в дверь. Согласитесь, есть в этом что-то интимное. Кстати, мы могли бы уже перейти на «ты».

Вера только кивнула и ничего не сказала.

– Пей, пей кофе. И ешь. Наверное, тоже еще не завтракала. Так что ты хочешь узнать?

– Зачем ты вчера в пансионате расспрашивал о Валентине Кузьминичне?

– Хотел узнать о моей клиентке больше.

– Клиентке?

– Валентина Кузьминична наняла меня, чтобы я в какой-то мере

обеспечил твою безопасность, – усмехнулся он. – Налей, пожалуйста, еще кофе.

Вера выполнила просьбу и вновь села напротив мужчины. Несмотря на то, что она, как правильно заметил Влад, еще не позавтракала, аппетита не было. Усталости – тоже.

– Ну, что ты так на меня смотришь? Не подхожу на роль охранника?

– Вот уж не думала, что меня нужно охранять.

– А разве еще не убедились в этом?

– Хорошо. И как ты это себе представляешь? Будешь таскаться за мной повсюду, даже на работу?

– Нет. Узнаю, во что ты ввязалась, а потом постараюсь устранить опасность.

– Забавно будет на это посмотреть... Ты что, супермен – один против компании «качков»?

– Слушай, это уже будет мое дело – как и что делать. Понятно? – разозлился он. И его серые глаза стали цвета стали. – Главное, чтобы я выполнил работу. И получил за это оплату.

– Как же ты получишь оплату, если Валентина Кузьминична умерла?

– А она пообещала мне не деньги. Тебе достался этот амулет, мне, в случае успешного выполнения дела, – книга. Одна старинная книга, которую украли у Валентины Кузьминичны. Те нехорошие люди, которые залезают в твой дом и желают получить твой амулет.

– Какое отношение имеет ладанка к книге?

– Думаю, что прямое. Допустим, что без этой вещи книга не действует.

– Что, прости?

– Не работает, – спокойно пояснил мужчина. – В этой книге – ритуалы и заклятия по черной магии. Когда-то, думаю, она принадлежала потомственной ведьме или ведуну.

– О господи... Валентина Кузьминична никогда не занималась черной магией!

– А так ли ты хорошо ее знала?

– Ну... Мне кажется, что она не могла. Она вся такая была... утонченная, деликатная. Добрая, светлая.

– Одним делом – Светлова, – усмехнулся Влад. – Ладно, не буду разрушать непорочный образ. Книгу у нее украли в пансионате.

– В пансионате?! В нашем пансионате? Но у нас никто не может воровать!

– И тем не менее книга как-то оказалась в руках нехороших людей.

– Но... А тебе зачем книга? Да еще и с моей ладанкой? –

насторожилась Вера.

– Ладанку я тебе отдам, как и обещал. А что касается книги, то я найду, что с ней делать. Тебя это волновать не должно.

– Почему ты мне по телефону соврал, что не знаком с Кузьминичной, раз, говоришь, она тебя наняла охранять меня?

– Откуда у тебя оказался мой номер раньше, чем я тебе его дал? – задал он встречный вопрос. – И почему ты тоже не сказала, что он у тебя уже есть?

– Это я объясню. Но вначале ответь на мой вопрос.

– На тот момент, когда ты мне в первый раз позвонила, я действительно не был с моей заказчицей знаком. Более того, скажу, что и лично мы не встречались.

– Вы общались по переписке?

– Нет. Ее душа вошла со мной в контакт.

– Душа, прости, что?..

– Ты когда-нибудь слышала о медиумах? – терпеливо спросил он.

И после того как Вера кивнула, ответил:

– Если так будет понятней, то я кто-то вроде медиума.

– Ничего себе «понятней»!

Вера встала, покружила по кухне, зачем-то переставила с одной конфорки на другую турку и перевесила полотенце. Затем повернулась к мужчине:

– То есть ты хочешь сказать, что ты – медиум и общался с душой Валентины Кузьминичны...

– Если тебе нужны какие-то доказательства, валяй, – разрешил Влад и потянулся за бутербродом с сыром.

– Да при чем тут доказательства... Кино «Призрак» какое-то. Ладно, допустим. Допустим!

– Да не нервничай ты так! Мало ли какие у кого способности или причуды? Может, ты умеешь насвистывать «Турецкий марш» Моцарта или увлекаешься скалолазанием, откуда я знаю? Или строишь из спичек крепость. Ну а я умею входить в контакт с душами умерших людей.

– И... как это у тебя получается?

– Это не имеет отношения к нашему делу. В другой раз. Твоя очередь исповедаться.

Вера рассказала ему все, начиная с ночного визита в пансионат странного мужчины, подробности последнего разговора с Валентиной Кузьминичной и своего похищения и заканчивая прочитанными в газете заметками.

– Интересный момент с записной книжкой! Об этом я не знал. Говоришь, мой номер тоже там? Это в какой-то мере объясняет, почему душа Валентины Кузьминичны вступила в контакт со мной.

– Ты можешь узнать, кто эти люди? Боюсь, ты последний, кто остался в живых из этого списка.

– Не бойся, я так просто не дамся, – усмехнулся Влад. – Покажи мне газету и дай мне все номера с именами.

– У тебя есть какие-то догадки насчет того, какая связь между этими людьми и почему их убили?

– Не так резво, моя дорогая Вера. Конечно, какие-то догадки есть, но я хочу подтвердить их или опровергнуть, прежде чем обсуждать с тобой, – сказал Влад, записывая на принесенном девушкой листке контакты. – Могу я забрать газету с собой?

– Да бери, мне не жалко, – пожала она плечами. – Слушай, а мужчина, который пришел в наш пансионат, имеет отношение к происходящему?

– Это мог быть не мужчина, а некая сущность. Или душа. Призрак. А имеет ли отношение к нашей истории – не знаю.

– Час от часу не легче... – вздохнула Вера и залпом выпила остывший кофе. Влад тем временем, дожевывая бутерброд, вытер рот бумажной салфеткой и поднялся. – Спасибо за угощение! Я поехал.

– Как? Вот так... И что ты собираешься делать?

– Работать над тем, что ты мне рассказала. Складывать пазлы и искать, – засмеялся он. – А потом отдыхать, потому что ночь у меня, как и у тебя, выдастся рабочей.

– У меня эта будет выходной.

– Тебе проще. Сиди дома и никуда не высывайся. Если что, звони. Я тебе тоже позвоню, как только что-то узнаю. И подумай над тем, кто из ваших мог свободно входить в комнату Валентины Кузьминичны в ее отсутствие.

– Да кто угодно! Все же подозреваешь в краже книги кого-то из наших?

– Мог быть кто-то и другой, из проходящих. Но точно знаю, что Валентина Кузьминична книгу никуда не выносила. Не успела.

– Хорошо, я сделаю. И... будь осторожен! – вырвалось у Веры на прощание.

– Что со мной станется! – пожал плечами Влад. А сердце у Веры болезненно сжалось. Наверное, нужно было тоже признаться в своем необычном «таланте»...

XI

Дома Влад первым делом выложил на стол ладанку и внимательно осмотрел ее со всех сторон, затем попытался открыть. Крышка не поддавалась, будто запаянная, и он, дабы не сломать ювелирную вещицу, оставил свои попытки. К тому же в ней может находиться что угодно, а учитывая, что ладанка имеет какое-то отношение к колдовской книге, сюрприз может быть не из приятных. Опасную вещицу завещала Валентина Кузьминична девушке! И дело не только в развернувшейся на амулет охоте, а в его предназначении. Хорошо бы показать ладанку Тине – это больше по ее части, чем по его, но он все-таки попробует узнать об этой вещи своими, так сказать, способами.

Отложив ладанку, Влад развернул газету и еще раз перечитал заметки. Вера, рассказывая о своем похищении, сказала, что один из похитителей был блондином. Если все эти линии как-то связаны в одну историю, то опубликованные в газете приметы могут относиться именно к этому человеку. Только, к сожалению, он, скорее всего, простой исполнитель, а не заказчик. Браток из джипа.

Влад зевнул и потер пальцами виски. Несмотря на выпитый кофе, он чувствовал усталость. Перед предстоящей ночью ему нужно хорошо отдохнуть, иначе провалит дело. Переносить же уже некогда.

Влад вытащил из принтера чистый лист и взял ручку: когда ему нужно было над чем-то подумать, он выстраивал на бумаге схемы и делал наброски. Видя перед глазами информацию, а не держа ее только в уме, он лучше и быстрее ее анализировал. Листок потом он уничтожит, но в памяти отпечатается уже схема, заменяющая хаотичную информацию.

Курица или яйцо? Яйцо или курица? Какой вопрос главнее – кто украл книгу или для чего ее украли? Проблему можно рассматривать и с того конца, и с другого. Узнав, кто украл книгу, можно понять, с какой целью. И наоборот, узнав, для чего она понадобилась, вычислить похитителя. А в том, что книгу украли не с целью продажи и наживы, а из желания использовать ее по назначению, Влад почти не сомневался. Очень уж смерти несчастных девушек смахивали на ритуальные.

Влад решил позвонить Тине.

– Привет, это я, – сказал он, когда она ему ответила. – Отвлекаю? Мне опять нужна твоя помощь.

– Ради тебя – что угодно, – промурлыкала Тина, пребывая, видимо,

в отличном расположении духа. Он мог бы потешить свое самолюбие тем, что причина ее приподнятого настроения – он и минувшая ночь, но сейчас его мысли были заняты другим. А в душе расплзалась тревога за эту девчонку-медсестру, которую против ее воли втравили в историю.

– Мне нужно знать, имеют ли какое-то отношение к нашим профессиям несколько человек. У тебя широкий круг знакомых, может, что-то слышала. У меня, к сожалению, есть только фамилии и номера телефонов.

– Диктуй, – сказала Тина.

– Еще у меня есть один амулет, – сказал Влад после того, как собеседница записала данные. – Ладанка. Хотелось бы, чтобы ты ее посмотрела.

– Привози.

– Не сегодня. Сегодня она мне пригодится. Как насчет завтра?

– Ок.

– Тогда с утра. К сожалению, время по всем вопросам сильно поджимает.

– Что-то случилось?

– Да. Расскажу при встрече.

– Хорошо. Влад, береги себя! Мне тебя, если что, будет очень не хватать.

– Как-то не оптимистично, Тина, ты «звучишь», – засмеялся он.

– Привози завтра свою ладанку, – сказала она и повесила трубку.

Ближе к полуночи Влад неторопливо оделся и накинул поверх футболки тонкую куртку. Август августом, но ночи – прохладные, а уж там, куда он направляется, и вовсе будет холодно. В небольшой заплечный мешок мужчина собрал все необходимое и, обведя сосредоточенным взглядом комнату, будто проверяя, не забыл ли чего, направился к выходу.

Ночи здесь были тихими, но сейчас, как и каждый раз, когда он отправлялся «на дело», тишина казалась ему особо густой. И хоть до границы еще было идти и идти, Владу опять подумалось, что на самом деле вход начинается уже здесь: открыв дверь своей квартиры, он входил в коридор плотной тишины и темноты. Так ему показалось в первый раз, так думалось и в последующие разы. Ну что ж, значит, он все делает правильно: сосредоточен, настроен, готов. Если у него не возникнет ощущения «коридора» – это знак, что нужно повернуть назад.

Выйдя из подъезда, Влад направился не к спящему саду, в тусклом свете, льющемся из окон, казавшемся армией пришельцев с тонкими телами-стволами и огромными шлемофонами-кронами, а свернул за дом

к узкой тропе, ведущей к заброшенному кладбищу. Этой ночью было новолуние, и через несколько шагов его окутала кромешная тьма. Дальше мужчина передвигался, освещая себе путь небольшим фонариком, но, едва увидев низкий заборчик, выключил свет. Дальше уже – интуитивно. Каждый раз, идя ночью этим путем, Влад испытывал не страх, а бодрящий выброс адреналина – словно во время езды на байке с сумасшедшей скоростью. Но это длилось только до невидимой границы, возле которой он останавливался, приводил свои чувства в покой, отключался от всего мирского и полностью сосредотачивался на деле. Вот и сейчас мужчина дошел до примеченного им еще в первый раз белого камня, наполовину вросшего в землю, и остановился. Для несведущих вход на кладбище находился десятью метрами ранее, около проржавевшей калитки, но Владу было известно, что изначально ворота находились здесь – возле камня, а потом, в начале прошлого века, старый забор был перенесен на десять метров назад. Но настоящий вход на кладбище, который не чувствовали обычные люди, так и остался здесь, у уцелевшего, будто в качестве опознавательного знака, камня.

– Разреши войти, Хозяин, – сказал тихо Влад после того, как ему удалось настроиться на другую тишину – кладбищенскую, которая уже не была такой плотной, лишенной всяческих звуков. Опять же, другому человеку именно эта тишина показалась бы абсолютной, слух же Влада начал различать тихие звуки. Мужчина подождал немного до тех пор, пока легкая прохлада не коснулась его лица и кистей рук, а звуки, доносившиеся из-за занавеса темноты, не стали громче, и тогда сделал шаг вперед. Кромешная тьма не была ему помехой, наоборот, помогала. Скоро глаза привыкнут к темноте, и из нее начнут проступать старые покосившиеся кресты и расколотые временем и непогодами надгробия. А затем он сможет увидеть тонкие светлые нити, которые тянутся от каждой могилы и сходятся вдали в одной точке – у самого старого надгробия. Эта схема напоминала Владу карту звездного неба со своими причудливыми созвездиями и погасшими «звездами» – темными пятнами на месте «нехороших» могил, в которых находились не отпетые или похороненные не по обрядам своей веры покойники. Еще пара мгновений, и мужчина увидел первые светящиеся «нити». На душе стало спокойно и легко: все идет как надо. Ощущение, что на него направлены со всех сторон невидимые взгляды, становилось с каждым шагом все четче. И все громче и различимей становился хор чужих голосов. Если не закрыться от них, то сложно сохранить хладнокровие и ясность мыслей. Влад, когда впервые отправился на поиски Хозяина, не на этом, другом, кладбище, чуть с ума не

сошел: голоса атаковали его со всех сторон, врезались в мозг, готовые растерзать его изнутри. Хохот, жалобы, шепоты – сотни, тысячи историй, рассказываемые ему одновременно с разными интонациями и на разные голоса. Тогда, в первый раз, он вынужден был повернуть назад и вернуться домой ни с чем и потом долго приходиться в себя. Не вышло у него и со второго раза. На третий раз Влад принес с собой самые настоящие наушники, которые используют в строительных или других работах, связанных с повышенным шумом, и только тогда сумел пригасить хор голосов. Потом, со временем, набравшись опыта, он научился просто представлять эти «наушники» и так закрываться от голосов. Сейчас закрыться и сосредоточиться только на визуализации кладбища и на собственных интуитивных ощущениях ему удалось легко. Так, видя и чувствуя погост, Влад дошел до самой старой могилы, обозначенной только торчавшим из земли, обкатанным дождями, растрескавшимся плоским камнем... Сюда, к камню, сходились нити, тянущиеся со всех сторон от могил. Здесь находился Хозяин – не первый покойник, как можно было подумать, а нематериальная разумная сущность, олицетворение всех похороненных на этом кладбище, собранные воедино осколки их сознаний. Влад снял с плеча рюкзак, вытащил из него пакет со свежими пряниками и банку с медом и с почтительным поклоном положил подношение к подножию камня. Этот Хозяин жалуется сладкое.

– Прими от меня дар, Хозяин. С миром к тебе пришел, с вопросом. Не откажи в помощи.

Вначале ничего не происходило, а потом вокруг Влада будто зашевелился воздух, со стороны потянуло холодом и сыростью. Если бы ночь была лунной, мужчина в ее свете увидел бы некий темно-серый сгусток, каждый раз принимающий разные формы: то человеческого силуэта, то гигантской кошки, то просто вид размытого бесформенного пятна. Это как уж Хозяину пожелается предстать.

– Что желаешь? – услышал он голос, похожий на треск сухих веток, который раздавался не снаружи, а будто внутри его головы.

– Хочу узнать, где и у кого находится Черная книга, украденная у упокоенной недавно моей клиентки.

– Сложная работа, – ответил, подумав, Хозяин. – Я не могу покинуть пределы кладбища. Если эта книга находится в мире живых, не в моих силах ее искать.

Хозяин, может, хитрил: не хотелось ему приниматься за трудоемкую работу, просить своих помощников об услуге, куда проще отказаться. Но, однако, великодушно разрешил:

– Проси другое.

– Хорошо, – не стал спорить Влад и достал из кармана куртки ладанку. – Хочу узнать, какое отношение эта вещь имеет к книге. Покажи мне ее историю.

– Это могу, – трескучим голосом отозвался Хозяин. – Но без жертвы не обойтись.

– Я готов, – сказал Влад.

– Бедовый ты, – захихикал Хозяин. – А ну как останешься со мной навеки!

Влад не ответил, занятый приготовлениями. Сюда он пришел за ответами, отступать не думает, а что до опасности – так без риска в его деле никак. Правильно сказал Тине, что в любом раскладе он будет помечен смертью. Да еще и привык он жертвовать собственной кровью – и эффективней, с его точки зрения, и гуманней, чем зверушек и птичек невинных губить. Конечно, в этом деле куда безопасней с помощником, чтобы было, если что, кому-то прийти ему на помощь, но где ж он сейчас возьмет помощника? Сам, все сам.

Влад прикинул время, которое ему может понадобиться, выставил на будильнике мобильного самый громкий и резкий звонок вместе с вибрацией и положил телефон в карман брюк, тесно прижав его к бедру. Затем он достал из рюкзака небольшую бутылочку со спиртом и нож с тонким заточенным с двух сторон лезвием и костяной ручкой. Протерев смоченной в спирту салфеткой острие ножа и кожу на руке, он быстрым и точным движением сделал надрез. Кровь быстро закапала с ладони на могильную землю рядом с положенной возле камня ладанкой. Влад мысленно вновь обратился к Хозяину, прося того показать ему связь амулета с книгой. Долгое время ничего не происходило, но мужчина терпеливо ждал. И вот темнота будто стала рассеиваться, и сквозь нее начали проступать очертания дороги и шаткого мостка через реку. Холод – не тот, который Влад испытывал раньше, а другой – ветреный, сырой, наполненный запахами талой воды и прелого сена, пробрался под куртку, вызвав сильный озноб. Вдруг вдали показалось подрагивающее пятно неяркого света, будто от тусклого света фонаря.

– Его могила пуста, – услышал он голос и вытянул шею, сиюсья рассмотреть того, кто находился в нескольких шагах от него – мужчину, присевшего над прямоугольником рыхлой черной земли, и закутанную в платки женщину. Тьма рассеялась до серого сумрака, в котором происходящее можно было видеть уже без фонаря. Влад затаил дыхание – не столько из нежелания выдать свое присутствие, сколько боясь

пропустить хоть слово из чужого разговора.

– Его могила пуста, – сказал молодой мужчина, одетый в поддевку и шапку. Звали его Петром, и, несмотря на молодость, о нем ходила слава сильного ведуна.

Петр поднялся на ноги и отряхнул колени от земли.

– Тело лежит здесь, но дух к этой могиле не привязан.

Голос его звучал тихо, но различимо.

– И что это значит? – шепотом спросила Лукерья, которая вызвалась ему помочь.

– То и значит, что если чернокнижник вышел ночью из могилы, то с рассветом не вернулся в нее.

– Так как же так? – испугалась знахарка и всплеснула руками. – И где же он тогда?

– Либо в другом месте покоится, либо бродит среди живых и днем.

– Так может ли такое быть?

Молодой мужчина не ответил. Оглядевшись вокруг, он указал рукой на остов старой мельницы:

– Пойду гляну там.

Его спутница покачала закутанной в платки головой, отказываясь идти за ним. И когда мужчина, взяв фонарь, направился к ступеням крыльца, быстро перекрестилась.

Петра не было долго, Лукерья в ожидании его нетерпеливо приплясывала на месте и вытягивала шею, силясь высмотреть его, иногда мелко крестилась и оглядывалась на могилу. Наконец мужчина вышел наружу.

– Мне кажется, сюда он не возвращался.

– Ой, неужто колдун бродит по деревне не только ночью, но и днем? Вот страсти-то какие! – ахнула Лукерья и в испуге закрыла рот ладонью. – Ай, да справимся ли мы с ним?

Петр не ответил, махнул рукой, призывая знахарку следовать за ним, и направился к дороге, ведущей от мельницы в деревню.

...Несчастья сыпались на деревню, в которой жил Иван Неторопов, одно за другим. Вот еще два молодых парня за минувшую неделю умерли. О том, что в деревне по ночам орудует колдун-мертвец, говорили уже в открытую. Могилу у мельницы, в которой лежало его тело, окропили святой водой, вбили в землю глубоко осиновый кол, а батюшка прочел молитвы. И с неделю все было тихо, а потом, когда жители, живущие в горе и страхе, обрадовались и вздохнули с облегчением, все началось опять.

– Он обвел всех вокруг пальца, – сказал Петр по дороге. – И еще обведет.

– Да как же нам тогда с ним сладить?

– Непросто будет... Сколько уже парней-то умерло?

Знахарка мысленно подсчитала:

– Шестеро-то будет.

– Гм... Сдается мне, что колдун желает набрать силу. Семь душ загубит и вернет себе могущество.

– Ой лихо лихое! – запричитала Лукерья и торопливо перекрестилась. – Так что делать-то?

– Скажи, Лукерья, сойду я за молодого? – усмехнулся вдруг Петр.

Знахарка удивленным взглядом окинула безусое и безбородое лицо мужчины – ну точно мальчишка. Если бы не сказал ей Петр, что ему уже двадцать восемь, приняла бы его за семнадцатилетнего. Так и ответила она ему.

– Ну, значит, постараемся мы обвести колдуна вокруг пальца! Прикинусь я этим седьмым молодцом. Обойду деревню, огляжу дома, колдун наверняка себе уже приметил следующую жертву. Проводи меня по избам, где молодые парни есть, скажи, пусть в каждой меня с почтением, будто дорогого гостя, привечают, пить-есть уговаривают. Я буду отказываться, а меня пусть усаживают за стол во что бы то ни стало. Так и накажи: я буду трижды отказываться, а меня пусть трижды уговаривают.

Так и сделали. Прошли они уже так с десяток домов, и везде Петра с искренней радостью уговаривали сесть за стол. Он входил в избу, крестился на образа и желал дому добра. А затем на приглашение хозяйки отобедать отвечал отказом. И только на третий раз брал то кусочек хлеба, то студня, то ложку супа, пробовал и, похвалив, уходил. И только когда оставалось лишь три дома, в семьях которых жили молодые парни, все пошло не так. Вошел Петр в избу, хозяйка радушно улыбнулась ему. Но когда гость перекрестился на образа и пожелал добра, вдруг переменялась в лице и закричала:

– Уходи, человек! Не с добром ты сюда пришел!

– Что ж ты, добрая хозяйюшка, меня гонишь? Хлеба дай да воды напиться.

– Нет тебе ни хлеба, ни воды!

Не стал Петр спорить, поманил за собой следовавшую за ним по пятам Лукерью и вышел во двор.

– Вот этот дом колдун пометил. Сюда собирается прийти.

Я останусь здесь ночевать. А ты собирай мужиков, пусть стерегут в засаде. Как я дам знак, так пусть хватают колдуна да не выпускают, что бы ни происходило. А я свое дело буду делать. Колдун вырваться будет, а они пусть держат. Упустят – другого шанса уже не выйдет.

Сказано – сделано. Собрала знахарка мужиков крепких со всей деревни. Устроили засаду, попрятавшись во дворе то за бочками, то за телегой, то за поленницей дров. Петр устроился в ожидании на крыльце. Ждет, прислушивается к каждому шороху. В доме давно спать легли, да только, предупрежденные о визите колдуна, не спят. Но соблюдают тишину, боятся. А ночь проходит, и ничего не происходит. Сумрак развеялся, петухи уж огласили деревню криками, извещая о наступлении утра. Мужики, насупленные и сердитые, обрушились на Петра с упреками, мол, обманул или ошибся.

– Нет, – твердо ответил ведун. – Будем ждать. Он придет. Не этой ночью, так следующей.

Еще ночь провели мужики в засаде зря. И только на третью после полуночи раздались вдруг тихие шаги, скрипнула калитка. Петр мгновенно вскочил на ноги и приготовился, оцупал надетый под рубашку оберег – ладанку на кожаном шнурке. Мать еще плела шнурок для этой ладанки с любовью. И как повесила ему этот оберег на шею – еще мальчишке, так Петр и носил его с собой по сей день. Матери уже давно нет, и шнурок, ею сплетенный, протерся. Ослабела бы его сила, если бы Петр другое не придумал: вложил в ладанку засушенные цветы из букета, собранного ему его маленькой дочкой. Любовь дочери к нему и его к ней и служила ему сильнейшей защитой от зла. Не было сильнее для него оберега. Быстро поцеловал Петр ладанку, сунул ее обратно под рубаху и подал мужикам условный знак. Те выскочили из засады и схватили в темноте человека. Зашумели, закричали, осыпая проклятиями колдуна.

– Папенька, не убивайте! Это я! – раздался вдруг молодой голос. Один из мужиков зажег фонарь и поднес к лицу пойманного. Ахнули хором мужики, увидев, что поймали молодого парня Сашку. Да не кто иной, как отец, держал его за руку.

– Сашенька... Как же так? Ты же ведь умер... – пробормотал мужик и невольно разжал пальцы.

– Не отпускайте его! Держите! – закричал Петр. Да куда там! Оторопевшие от такого поворота мужики не сразу сообразили, что неделю назад оплакивали всей деревней молодца. Выпустили его, расступились. А Сашка уж и был таков.

– Держите его! Это он, колдун! – завопил молодой ведун, кто-то из

мужиков, спохватившись, бросился вдогонку, метнул топор и попал в плечо колдуну. Взвыл тот страшно от боли, обернулся черным вихрем, закружился-завертелся и пропал.

– Ищи его теперь, – вздохнул кто-то из мужиков. – Нечисть проклятая!

Петр ничего не ответил. Только вновь достал ладанку на шнурке и что-то шепнул в нее, а затем спрятал обратно на груди.

...Иван Неторопов в ту ночь, когда ловили колдуна, отсутствовал: опять торговые дела позвали его в город. Вернулся уже к обеду. Марфа хлопотала, как обычно, встретила его приветливо, но была излишне бледна да руку правую держала как-то необычно, будто не поднималась она у нее.

– Что с тобой, Марфонька? – испугался Иван.

– Ай, Ванечка, полезла в погреб за сметаной – да ступенька подо мной провалилась. Упала, ушиблась.

Встревожился Иван, открыл крышку погреба, оглядел лестницу. Так и есть: одна перекладина сломана. Заохал он, огорченный бедой с Марфой – это ведь и убится могла! Взял молоток, гвозди и полез чинить лестницу.

– Надо тебе Лукерье показаться, – сказал он, закончив работу и умывшись. – А то и к доктору в город свожу тебя.

– Ай, что ты, милый!

И только Марфа так сказала, как в окно постучали: пришла Лукерья рассказать, как упустили ночью колдуна. Хозяйка пригласила гостью к столу, и знахарка не стала отказываться.

– Он обличия убиенных ими парней принимает, – закончила свой рассказ Лукерья. – Если все их обличия примет, то опять ослабеет, и тогда его можно будет победить. Если только он не прячет свою силу еще где.

Иван, услышав эти слова, даже есть перестал. Бросил взгляд на Марфу, увидел, что та хлопочет по хозяйству, но кто ее там знает, прислушивается ли к разговору? Узнает, что хранит ее муж черную книгу, напугается страшно. Дождался Неторопов момента, когда Лукерья домой собралась, вышел за нею во двор и успел только шепнуть о книге, но принести не успел, потому что вышла во двор и Марфа.

– Я скажу ему, Петру, – ответила Лукерья так, чтобы понял только Иван.

Она ушла, а Неторопов все ходил и думал, самому ли отнести книгу в дом к Лукерье, где остановился на постой Петр, или позвать ведуна. После того, что ему рассказала знахарка, стало ему страшно

прикасаюсь к проклятому «подарку». Прямо какой-то животный ужас испытывал он только от мыслей о книге, будто мог подцепить от нее смертельную заразу.

К вечеру Марфа совсем утомилась: сказывалось то, что рука у нее болела и не поднималась.

– Завтра, милый, завтра я покажусь Лукерье. Да за ночь, вот увидишь, все пройдет! Я пойду спать, утомилась очень.

Уснула Марфа, а Ивана будто сила неведомая потянула в сарай, где прятал он книгу. Запустил он руку за поленницу, вытащил сверток, развернул его. Что делать-то с книгой? Отнести ли сейчас в дом к Лукерье? Пожалуй, так он и сделает. Не в силах больше хранить этот секрет. Развернулся Иван, чтобы идти, и вскрикнул от испуга, увидев за своей спиной Марфу.

– Что ты, милая, тут делаешь? Проснулась? Болит у тебя?

– Отдай мне книгу, – прошипела вдруг жена.

– Да зачем она тебе, Марфонька?.. Ты же и читать не умеешь.

– Книгу, – протянула она руки, но не к переплету, а к шее Ивана. Не успел Неторопов что-либо понять, как пальцы Марфы сомкнулись на его горле, царапнули до крови когтями кожу. Иван засипел, сляясь что-то сказать. Но последнее, что он увидел в своей жизни, – страшно сверкнувшие в темноте глаза Марфы и искаженное нечеловеческое лицо, принадлежащее совсем не его жене.

Нашли Неторопова на следующий день: Лукерья пришла в дом спозаранку с Петром. И, не увидев ни хозяина, ни хозяйки, поначалу не заволновалась. Только Петр вдруг забеспокоился и принялся отыскивать хозяев. Нашел он Ивана сразу, будто ведал, где его искать. И, не дав Лукерье накричаться от страха, потащил знахарку на улицу.

– Скорее! Скорее, пока он не ушел.

– Да кто – он? – причитала, едва поспевая за ним, Лукерья.

– Колдун! Вселился он в Марфу. Не ты ли мне накануне рассказывала, что посылала Ивана к колдуну, чтобы тот излечил ее? Так вот, хитрец не умер, он только тело сменил – старое, износившееся, на молодое. Только силы растерял. Потому молодых парней и морил, что нужно было ему восстановить мощь. Видать, приходил к ним по ночам под видом молодой красивой девки и соблазнял. И пока тешились молодые с телом Марфы, забирал у них жизни.

– Да что ты такое говоришь! – испуганно ахнула Лукерья.

– Что есть, то и говорю.

– Страсти какие. Куда мы идем?

– К мельнице. Чую, там он скрылся. Ты останься тут, Лукерья. Нечего тебе там делать.

– Нет, я с тобой. Что мне, старухе, скрываться? Прожила уже жизнь. А тебе могу понадобится.

Ничего не сказал Петр. Но его молчание Лукерья приняла за согласие и, перекрестившись, отправилась с ним.

Лукерье тот путь от страха показался слишком коротким: вот только успели они выйти из деревни, а вот уже и мельница замаячила впереди страшным остовом. Повернуть бы назад, да Петр ее вперед тащит. Для него, торопившегося, путь, напротив, показался излишне долгим. А вдруг ошибся он? А вдруг опоздал?

Не ошибся. Успел. Дверь хоть и закрыта, да окно – отворено, чтобы свет луны падал в него.

– Ты жди здесь, снаружи, – попросил Петр Лукерью. – Не ходи, что бы ни происходило. Биться с ним буду.

– Я пойду вместо тебя! Я старуха, а ты – молодой парень. Тебе еще жить и жить.

– Некогда споры вести, Лукерья. Я знаю, как совладать с колдуном, сам из того теста замешан.

Сказал это Петр, вытащил ладанку, поцеловал ее и вошел на мельницу. Колдуна, принявшего обличие молодого парня, увидел он сразу: тот сидел за столом над раскрытой книгой, но не читал, а будто ждал гостя.

– Пришел... – медленно развернулся он к Петру. Лицо – молодое, безусое, а в глазах – мертвый холод. С мгновение смотрел колдун на застывшего в дверях гостя, а затем ударил – первым, сильно, так, что Петр пошатнулся. Набрался колдун молодой силы. Справится ли с ним Петр?

Страшный вышел бой, бились не на жизнь, а на смерть. Колдун не сдавался, перевоплощался из одного убитого им парня в другого, каждый раз черпая новые силы. Петру приходилось нелегко, не раз и не два случалось, что думал: вот конец ему настал. Да только сил придавали мысли о дочери любимой, каждый раз ее образ всплывал, едва Петр готов был сдаться. Ладанка на его груди будто теплом напитывалась, согревала, и вставал молодой ведун вновь с колен. Бились ночь почти до петухов, ослаб значительно колдун, но и Петр тоже выбился из сил. Если бы простой человек видел их битву со стороны, увидел он просто двух стоящих напротив человек с застывшими друг на друге взглядами, бледными, посеревшими от усталости и напряжения лицами, испариной

и печатью смертельной усталости на челах.

Чувствовал Петр, не справиться ему. Не дотянет до первых петухов. Колдун хоть и ослаб значительно, да молодой ведун уже почти повержен. И не мудрено: бился один, почитай, против шестерых. Даже ладанка стала на его груди холодеть. А колдун уже обратился Марфой, протянул к упавшему на колени Петру руки, улыбнулся змеиной улыбкой:

– Ну а неужто молодого тела не желаешь? Я куда краше твоей жены и куда искусней.

– Спору нет, – из последних сил вымолвил Петр и бросил мимолетный взгляд в окно: светает. Вот-вот петухи пропоют.

– Так иди ж ко мне! – повелела «Марфа». И Петр, будто подчиняясь, сделал шаг к ней навстречу, но, собрав все остатки сил, понимая, что последнее, что он увидит в этой жизни, – истинное безобразное лицо колдуна, ударом точным выбил из женского тела черную душу и направил ее на раскрытую книгу. Тут и петухи пропели. Захлопнулась книга, запирая в себе черную душу колдуна. Улыбнулся Петр, будто вспомнил лица дочери и жены, и упал рядом замертво.

Книга уже захлопнулась, а дикий крик из нее все не умолкал и не умолкал, наоборот, казалось, набирал мощь. Его сокрушительная сила была так велика, что заставляла дрожать и вибрировать землю. «Что ж это все никак не прекратится?» – подумал Влад, не сразу сообразив, что дикий «крик» и вибрации, отдающие в ногу, – это рингтон его мобильного. Последнее, что он успел увидеть, прежде чем прийти окончательно в себя, – это то, что на старую мельницу вошла Лукерья, испуганно охнула, увидев два поверженных тела – Петра и Марфы. А затем подобрала остывшую ладанку и сунула себе в карман.

«Книгу тоже забрала она. Взяла на хранение», – подумал Влад и открыл глаза. Слабость была такая, что он с трудом смог достать из кармана оружий мобильный и отключить будильник на нем. Нащупав правой рукой свой рюкзак, мужчина вытащил из него бутылку воды, отпил жадно половину, а остатками умыл лицо и сполоснул все еще кровоточившую ладонь. Похоже, перестарался с порезом, сделал его куда глубже, чем следовало. Затем Влад отыскал в рюкзаке плитку шоколада, откусил от нее сразу большой кусок и опять прикрыл глаза, сиюсь справиться с дурнотой и слабостью. Был велик соблазн лечь на землю и прямо тут уснуть, но как знать, не приберет ли тогда его в свое царство Хозяин? Нет, нельзя останавливаться, нужно двигаться. И пора уходить отсюда: сильно ослабев, он уже не мог закрываться, и множество голосов атаквали его со всех сторон, грозя свести с ума. Мужчина торопливо

разжевал шоколад, откусил еще кусок – поменьше, а остатки убрал в рюкзак, затем достал моток бинта и как мог перевязал себе ладонь.

– Благодарю тебя, Хозяин! – сказал Влад, поклонившись камню, и направился к выходу. Закрываться от голосов не получалось, они атаковали со всех сторон, назойливые и сильные, и когда он почти бегом достиг границы, испытал сильное облегчение. Выйдя за пределы кладбища, Влад вновь повернулся к нему лицом и поклонился.

Все, дело выполнено. Сейчас – домой, отдыхать и восстанавливаться. Думать и анализировать он будет уже завтра.

XII

Влад в тот день так и не объявился, хоть Вера почему-то решила, что он ей обязательно позвонит ближе к ночи. Смутная тревога – не столько за то, что она опрометчиво доверилась малознакомому мужчине, сколько за него самого, – к ночи усилилась до такой степени, что девушке никак не удавалось уснуть. А когда она наконец уснула, то увидела кошмары, в которых Влада окутывал холодный липкий туман. Туман был живой, дышал и сипел, высасывал из мужчины все силы и становился красным, будто пропитывался кровью. Проснувшись Вера разбитой и не отдохнувшей, но тем не менее, несмотря на раннее утро, встала и привела себя в порядок. Дождавшись часа, когда звонок не показался бы неприличным, она набрала номер Влада, но мужчина не ответил. Не взял он трубку и тогда, когда она позвонила позже. И лишь ближе к полудню объявился.

– Что-то случилось? – спросил он будничным тоном.

– Нет, – ответила она, сердясь и на себя за то, что поддалась необоснованной тревоге, и на Влада – за его слишком будничный и даже несколько лениво-сонный тон. Никак спал в то время, когда она себе места не находила!

– Хотела узнать, есть ли новости.

– Есть, – тем же будничным тоном ответил он и, кажется, даже зевнул в трубку.

– Рассказывай! – потребовала Вера.

– Не по телефону. Могу приехать?

– Конечно.

– Кофе сварить?

– И даже сделаю бутерброд.

– О, это непобедимое женское любопытство! – рассмеялся он. – Жди, скоро буду.

И, не прощаясь, повесил трубку.

Влад приехал через четверть часа – небритый, бледный и с темными кругами под глазами, будто провел ночь без сна. Вера, увидев его, встревожилась:

– Ты в порядке?

– Лучше и быть не может, – улыбнулся он, но улыбка вышла уставшей.

– Обманываешь, – покачала головой Вера, однако расспрашивать не стала. На кухне она поставила на огонь приготовленную заранее турку

и принялась готовить бутерброды. Влад вошел следом и тихо сел за стол, наблюдая за ее работой.

– Не смотри так. Ты меня нервируешь.

– Я не на тебя, на колбасу, – усмехнулся он. – Просто мне очень хочется есть.

– Откуда же ты явился, такой голодный? – серьезно спросила Вера, на секунду оторвавшись от своего дела.

– С того света, – уже без улыбки ответил Влад.

– Шутишь?

– И не думаю. У тебя кофе, кстати, убегает.

Вера бросила на стол нож и повернулась к плите. Влад тем временем достал из навесного ящика пару чашек, каким-то образом угадав для хозяйки ее любимую. И, пока та, занятая приготовлением кофе, не видела, стащил с тарелки кружочек копченой колбасы.

Вера разлила по чашкам кофе и добавила молока и сахара. Влад молчал, а она не спрашивала, хоть сгорала от любопытства, что за новости он принес. Похоже, ночь у него выдалась неординарной: вон и рука перевязана, а бинт насквозь пропитан бурой кровью и испачкан почему-то землей. Где Влада носило минувшей ночью? «На том свете...» Из могилы он, что ли, вылезал? Или что еще мог делать? Ей представилось, как Влад, весь из себя такой прекрасный, одетый во все черное, с развевающимися на ветру светлыми волосами, высокий и крепкий, похожий на викинга, стоит среди могил с покосившимися крестами, запрокинув к черному небу бледное красивое лицо. Глаза прикрыты, губы шепчут слова заклинаний, сам он стоит в центре начерченной на земле пентаграммы. Повелитель Тьмы. Вера легонько качнула головой, прогоняя это видение, почему-то неожиданно взволновавшее ее – слишком таинственным и привлекательным оно ей показалось. Ну что, право, за фантазии? Впрочем, в обычной жизни – ее обычной жизни – мужчины не сидят по утрам на ее кухне и не завтракают кофе с бутербродами так буднично и естественно, будто совместные завтраки стали рядовым семейным делом.

– Что у тебя с рукой?

– Порезался, – ответил Влад с излишней небрежностью, желая избежать дальнейших расспросов.

– Повязку нужно сменить.

– И так сойдет.

– Сойдет, если тебя устроит воспаление.

– Ладно, после завтрака, – нехотя согласился он и, зажмурившись,

с удовольствием вдохнул ароматный кофейный пар, поднимающийся от поставленной перед ним чашки.

– Что ты хотел рассказать? – не выдержала Вера, когда молчание затянулось. Ну что он, на самом деле, к ней завтракать приезжает? Влад будто прочитал ее мысли – посмотрев девушке в глаза, вдруг усмехнулся, по-доброму и чуть снисходительно, будто подловил ее на какой-то шалости.

– Узнал историю твоего амулета. Вот, кстати, он. – Влад выложил на стол ладанку. – Это оберег, если быть точным. И внутри, скорей всего, спрятаны засушенные цветочки, а не бриллианты. Если, конечно, за все это время что-то не поменялось. Я покажу ее сегодня кое-кому.

– Ты же сказал, что спрячешь ладанку надежно. Не думаю, что «надежно» – это таскать ее в кармане.

– Я решил вернуть ее тебе. После того, что я узнал, думаю, безопасней будет, если она окажется на тебе.

– Добрый какой! – фыркнула Вера. – Что, дяди, которые охотятся за этой вещичкой, слишком крутыми показались? Тебе не по зубам?

– Слушай, ты всегда не даешь человеку слова сказать, перебивая своими «умными» выводами? Или так ведешь себя только со мной? – спокойно, без резких интонаций вспыльчивого мальчишки, спросил он, и Вера устыдилась – и потому, что ее нападки на него действительно выглядели смешно, и потому, что он угадал: так себя она вела действительно только с ним.

– Ладанка, как я уже сказал, – оберег, защищает от темных сил. И раз «в комплект» к ней прилагается книга отнюдь не безобидных заклинаний, то тебе лучше носить этот оберег на себе – на всякий случай. Ну, а о том, чтобы ты не досталась вместе с этой ладанкой тому, кому не следует, я уж как-нибудь позабочусь.

И снова она смутилась – от его последней фразы. Какой смысл в сказанное он вложил? Вера сразу себя одернула: она и впрямь ведет себя как девочка-подросток, выискивавшая в интонациях и словах понравившегося мальчика важный для себя смысл. Этот мужчина ей не нравится – еще чего! Просто... в ее жизни не было таких вот защитников, которые, пусть и из своего интереса, скорей всего корыстного, говорили бы ей что-то подобное. И не то чтобы она была такой уж некрасивой и непривлекательной, нет. Она сама намеренно лишала себя всякой женской привлекательности, сознательно выбрав путь одиночества.

Так почему же сегодня, ожидая гостя, вдруг накрасила ресницы и нанесла на скулы немного румян?

– Ты меня слушаешь или витаешь мыслями далеко? – спустил ее на

землю его голос.

– Слушаю. Хочешь еще кофе?

– Не откажусь.

То, что рассказал Влад, походило на сказку, одну из тех, которыми Вера зачитывалась в детстве. Неужели он всерьез думает, что эта история имеет какое-то отношение к тому, что происходит? Или даже не так: неужели крепкие ребята-бандюганы, которые похитили ее и дважды залезли в ее дом, верят в такие сказки?

– Вижу, не поверила, – подвел итог Влад, увидев на ее лице скептическое выражение.

– Ну... Сложно соотнести эту... легенду с тем, что происходит, – осторожно заметила она.

– А ты ошибочно считаешь, что что-то так уж сильно изменилось в *этой* области – я имею в виду магию и все, что с ней связано? Мир поменялся только технически – машины там, Интернет, навороченные гаджеты и прочее. Но это только иллюзия прогресса. А на самом деле... – Он сделал многозначительную паузу. – На самом деле чувства и мотивированные ими человеческие поступки остаются прежними, несмотря на техническую эволюцию. А магия подчиняется в первую очередь желаниям и чувствам.

Влад отставил пустую чашку, взял со стола ладанку и встал:

– Спасибо за кофе и завтрак. Мне нужно ехать. Я тебе позвоню.

И опять он прощается вот так внезапно, когда у Веры возникла куча вопросов. А кто-то обещал ее еще и охранять. А на самом деле что выходит: приезжает, кормит сказочкой, выпивает пол-литра кофе и делает ручкой. Кстати...

– Давай сменю тебе повязку, – вырвалось у нее. Мужчина задержал на девушке взгляд, и в его серых глазах мелькнули смешинки, будто он опять понял, о чем она подумала. Впрочем, черт его знает, может, он и в самом деле читает ее мысли.

– Мне просто страшно, – серьезно, без улыбки, призналась Вера. – Я не знаю, кто эти люди, зачем им ладанка и когда они вновь объявятся. Они, похоже, убивают людей...

– Имея таких соседок, как твои бабушки, я бы ничего не боялся, – усмехнулся Влад.

– Баба Шура лежит больная, а Зинаида Михайловна в другом городе, – на автомате ответила Вера и, опомнившись, вспылила:

– Черт тебя побери, Влад! Это ты вызвался меня охранять, так чего переключиваешь свою работу на двух старушек?

– Такие старушки понадежней подготовленных охранников будут. И в телохранители тебе я не набивался, тебя мне, можно сказать, навязали.

– За неплохое, между прочим, вознаграждение! – ед-ко напомнила она, и Влад, нахмурившись, выдал:

– Ладно. Поедешь со мной.

– Куда?

– К моей любовнице, – ухмыльнулся он и, увидев, как у девушки вспыхнули румянцем щеки, уже с серьезным видом пояснил: – На самом деле Тина – ведьма. Я попросил ее кое-что выяснить для нас да хотел показать ладанку.

Ведьма, медиум, или кто он там еще, – как, однако, весело у них там должно быть, какие страсти кипят... Вера хмыкнула про себя и достала из аптечки все нужное для перевязки.

– Поедем на моей машине, – сказала она. – Я мотоциклам не доверяю.

– Ладно, поедем на машине, у меня, кстати, второго шлема с собой нет, – не стал возражать Влад. Видимо, увидел бутылочку с йодом в руке девушки и решил от греха подальше не спорить. – Только я загоню мотоцикл во двор, чтобы твоих бабулек в очередной раз не нервировать «драндулетиной» под их окнами.

– Без проблем, – кивнула Вера, присаживаясь на табурет напротив мужчины. Аккуратно сняв грязный бинт, она обработала порез. Затем ловко перевязала Владу ладонь и, закрепляя повязку, сделала несколько витков бинта вокруг его запястья.

– Готово.

– Раз готово, то поехали.

Когда они оба усаживались в машину, из соседского дома вышла баба Шура, но осталась незамеченной. Вера завела двигатель, и машина проехала мимо изумленной и испуганной старушки.

– Ой, батюшки! – запричитала баба Шура, проводив взглядом уехавший автомобиль. И, опомнившись, кряхтя и стелая, заторопилась обратно в дом. Там баба Шура сняла трубку телефона и набрала записанный на стене номер мобильного.

– Зин, Зин! – закричала она, едва ей ответили.

– Шур, ты что ль? – спросила Зинаида Михайловна сквозь какой-то шум и рокот и подула в трубку: – Фе, фе... Шур, ты это? Ничего не слышно! В автобусе я еду.

– Я, я! – завопила что было мочи баба Шура.

– Не ори так! У меня уши полопаются.

– Так не слышишь же!

- А теперь слышу. Что за пожар приключился?
- Верку нашу маньяк похитил!
- Фе, фе... Опять не слышу! Будь оно неладно...
- Маньяк! Верку! Увез!
- Куда?!
- А я что, его спросила?
- Фе... Фе... Я еду уже, Шур, е-ду-у! До-мой!
- Ко мне иди, слышишь? Ко мне!
- Фе... Фе... Фуууу...
- Тьфу! Глухая тетеря...
- Как ты сказала, Шур? Потеря?
- Жду! Жду-у-у! – выкрикнула баба Шура и отключила вызов.

* * *

Часть дороги Влад молчал и с задумчивым видом смотрел в окно, один раз ответил на телефонный звонок. Как Вера поняла, звонила ему та дама сердца, к которой они сейчас направлялись. Заговорил мужчина, только когда они уже въехали в Москву:

- Слушай, а кто из ваших ездит на черной «Ауди»?
- Никто, – удивилась Вера. – А что?
- Эта машина стояла неподалеку от того места, куда тебя привезли похитители, – сказал Влад, поворачиваясь к девушке.
- Почему ты решил, что это мог быть кто-то из наших?
- Да просто потому, что те, кто тебя привез, не скрывались, а тот, кто вел с тобой беседы, стоял в темноте. Думаю, потому, что ты его знаешь.
- Нет, насколько я знаю, никто из наших на «Ауди» не ездит.
- Понятно, – вздохнул Влад. – Номер, кстати, был не областной, а столичный.
- Это мог быть кто-то из посетителей нашего пансионата. Да вообще, Влад, кто угодно!
- Вот этого я и боюсь. Если кто-то из пансионата, проще вычислить.
- Я не узнала его голоса.
- Он мог изменить его.
- Мог, – согласилась Вера и, подумав, добавила: – В детективных романах и фильмах ищут мотив преступления и оттуда уже пляшут.
- Мотив тут может быть любой: от мести до желания подчинить себе волю другого человека, от денег до жажды власти. С помощью этой книги,

при умелом обращении с нею, что-то из этого получить можно. Но дело в том, что тот, у кого сейчас книга, не умеет с ней обращаться.

– А что, если этих девушек принесли в жертву?

– Можно было обойтись и малой кровью, – усмехнулся Влад и со значением кивнул на свою забинтованную руку. Вера, мельком скользнув по ней взглядом, невольно вспомнила о замеченных ею на запястье мужчины паутинках старых шрамов от давно заживших порезов. Сколько же Влад сам провел различных ритуалов, где требовалась кровь?

– Они – жертвы, но несчастных случаев. Что-то, думаю, пошло не так. И даже смею предположить причину: книга содержит в себе не только описание ритуалов, но также дух ее настоящего хозяина.

– Книга с душой в буквальном смысле слова.

– Можно и так сказать.

– А этот оберег, ладанка... – задумчиво произнесла Вера, включившись в «игру». – Что, если она нужна для того, чтобы защититься от духа колдуна?

– Возможно. Я над этой историей думаю всю дорогу. Видимо, простой защиты без ладанки оказывается недостаточно.

Какое-то время они ехали молча, потом девушка отважилась на тот вопрос, который ее волновал со вчерашнего дня:

– Влад, а как ты пришел ко всему этому? Или у тебя с рождения способность вступать в контакт с душами умерших?

Она спросила и затаила дыхание, ожидая ответа. От волнения даже чуть не пропустила нужный поворот и, перестраиваясь, неосторожно подрезала идущую за ней машину. Ей возмущенно посигналили, Вера, извиняясь, подняла руку. Знал бы Влад, насколько для нее важен его ответ!

– Нет, не с рождения, – сказал он после паузы, когда все дорожные страсти улеглись и машина направилась по двухполосной дороге, ведущей в тот район, где жила Тина. – Можно сказать, недавно. Года четыре назад. На одном корпоративном ужине у меня вдруг возникла сильная аллергическая реакция. Неожиданно, потому что никогда не случалось даже намека на аллергию. Все произошло слишком быстро – анафилактический шок, клиническая смерть, кома. Выжил, пришел в себя, долго восстанавливался. Но «проснулся» уже другим: открылась способность видеть души мертвых. Поначалу я не сразу понял, с кем имею дело. Лежал в больнице, и меня часто навещали другие пациенты. Приходили, присаживались рядом, спрашивали обо мне, рассказывали свои истории и почему-то просили передать приветы или какие-то сообщения своим родным.

– И как ты отреагировал, когда понял, с кем имеешь дело?

– Был в шоке, конечно. Вторая реакция – желание избавиться от этого «дара» немедленно, как от паразита, – усмехнулся он. И Вера понимающе улыбнулась.

– А потом я встретил Тину... Она к кому-то пришла – не к пациенту, а к врачу или медсестре. С кем-то из персонала водила там дружбу. Зашла ко мне в палату – я лежал в одноместной, а она кого-то искала. Я в шутку спросил, живая она или мертвая. А Тина неожиданно подошла ко мне, присела рядом и... мы с ней проговорили до вечера. Она оказалась тесно связанной с миром магии и могла многое рассказать мне. Не все, конечно, потому что ее область – не контакты с умершими. Но Тина познакомила меня с другими людьми, похожими на меня.

– То есть ты принял свой дар?

– А что оставалось делать, Вера? – усмехнулся Влад. – Если бежать от того, что тебе дано, лучше себе не сделаешь. Так и проведешь жизнь в темной кладовке, испуганно следя в замочную скважину за тем, что происходит снаружи.

– Даже если «дар» – видеть не души мертвых, а предвидеть смерти людей, с которыми общаешься? Только предвидеть, а предотвратить не в состоянии? – вырвалось у девушки. Щеки ее вспыхнули румянцем, а лежавшие на руле ладони похолодели от волнения. Не повернув головы, Вера тем не менее поняла, что Влад смотрит на нее.

– Можно научиться жить и с этим, – сказал он совсем не то, что хотелось бы ей услышать. Слишком банально.

– У меня не было такой Тины, как у тебя, – еле слышно пробормотала она себе под нос и тихонько с досадой выругалась, увидев, что дорога из-за ремонтных работ перекрыта и придется делать крюк – объезжать через другой район. Вера свернула на свободную дорогу, но, когда поняла, куда та ведет, заметно напряглась.

– Ты в порядке?

– Да, – рассеянно ответила она, вцепляясь в руль с такой силой, будто у нее его вырывали. – Да...

Влад поднял брови, будто не соглашаясь с ней, но промолчал.

– В этом районе живут мои родители. Я не видела их уже несколько лет.

– Заедем на обратном пути? – предложил мужчина.

– Нет, – слишком поспешно ответила Вера и, бросив на мужчину взгляд, тихо пояснила: – Это старая и долгая история. Как-нибудь в другой раз.

– Как хочешь.

За окном мелькали знакомые пейзажи, дорога-предательница петляла между домов, магазинов, детских садов и площадок, Вера, бледная от напряжения, с выступившей на лбу испариной, будто не машину вела, а катерок по реке с плавучими минами. Река ее жизни, начиненная минами-воспоминаниями.

– Хочешь, я сяду за руль? – спросил Влад. Вера покачала головой и наконец-то, когда они миновали этот район, с облегчением выдохнула.

– Уже недолго осталось, – сказал мужчина и почему-то извинился: – Прости.

Она опять покачала головой и минут через пять, увидев островок первых девятиэтажек, спросила:

– Какой номер дома?

Влад назвал, и Вера припарковала машину на единственное свободное место на парковочной площадке.

– Приехали.

Хозяйка по-свойски расцеловалась с Владом в обе щеки, а вот Веру смерила оценивающим взглядом прищуренных черных глаз. «Она его любовница», – вспомнила Вера. Как-то в свете дорожных разговоров и волнений она совсем это выпустила из виду.

– Проходите, проходите, – радушно заулыбалась хозяйка и плавно указала рукой в сторону гостиной. Вера, проследовав за Владом, тихонько вздохнула: с такой шикарной женщиной любая красотка может показаться дурнушкой. Возможно, Тине было гораздо больше лет, чем Вере и, может быть, даже больше, чем самому Владу. Но выглядела она так изумительно и молодо, что ей позавидовали бы и двадцатилетние. Юность в сочетании с мудростью, помноженная на дорогой уход за собой и умелый макияж. Одета Тина была в яркое кимоно, которое мягкими волнами окутывало ее стройную фигуру и очень шло к ее черным густым волосам, вишневым губам и восточного разреза глазам. Передвигалась Тина мягко и плавно, как кошка, пахло от нее чем-то сладким и пряным. Только вот голос у нее оказался низкий и хриловатый, будто прокуренный. Но даже и это не умаляло ее привлекательности, а, наоборот, добавляло некого шарма.

В гостиной уже был накрыт маленький столик к завтраку на двоих. Вера бросила растерянный взгляд на Влада, который в доме Тины чувствовал себя совершенно свободно. Хозяйка же молча вышла на кухню и вернулась еще с одним прибором.

– Мы уже позавтракали, – сказал Влад, и Тина едва заметно приподняла черную бровь, но в ответ медово улыбнулась:

– Но от чая-то не откажешься? Или хочешь кофе?

– Лучше чаю. Я уже выпил две чашки кофе.

– Ночь, вижу, у тебя выдалась бурная, – усмехнулась Тина, скользнув по нему оценивающим взглядом.

– Веселей и быть не может, – вздохнул он, присаживаясь на диван, по которому были живописно раскиданы вышитые подушечки. – Присаживайся, Вера. Кстати, Тина, это – Вера, девушка, о которой я тебе рассказывал.

– Медсестра в доме престарелых, – кивнула Тина и улыбнулась Вере, но та различила в ее словах унижающие интонации, а в улыбке – неприязнь, будто Тина сразу невзлюбила ее. Неужели думает, что она претендует на Влада? Это же смешно. Кто она, Вера, – безликая медсестра в доме престарелых, и кто Тина – шикарная и великолепная, опытная в обольщении мужчин, к тому же еще ведьма. Вообще в этом доме Вера чувствовала себя так неуютно, словно все тут, от диванных подушек до полка с диковинными статуэтками и абстрактных картин на стенах, было настроено по отношению к ней враждебно. Девушка пригубила налитый ей чай и робко сказала, что очень вкусно. Напиток и правда был вкусный – с земляничным ароматом, в меру сладкий, в меру – с горчинкой. Вера смаковала его, потому что больше ей ничего не оставалось делать, – Влад с Тиной тут же вступили в какой-то увлекательный для них разговор. Но, прислушавшись, Вера поняла, что разговор имеет отношение к ней.

– Я узнала про тех людей, которыми ты заинтересовался, – сказала Тина. И Влад, наклонившись к Вере, быстрым шепотом пояснил той, что речь идет об адресатах из телефонной книжки. – Они все так или иначе имеют... вернее, уже имели отношение к нашему миру. Похоже, твоя клиентка собрала телефоны ведунов и ведуний то ли из желания провести ритуал, то ли желая узнать о книге как можно больше.

– Скорее всего, второе. Она мне сказала, что хотела показать книгу знающим людям.

– Кто-то из этих людей жил в Москве, кто-то – там, где сейчас ты, поблизости. О пропавшей Марии Сеницыной не известно, жива ли она или уже нет.

– Попробую это выяснить. Если она уже среди мертвых, то отзовется... Только не сегодня, я много сил потратил в прошлую ночь, – сказала Влад таким тоном, будто речь шла об обыденных вещах.

– Вся информация у меня в компьютере. К сожалению, не могу ее распечатать: чернила в принтере закончились. И по почте переслать тоже не могу: с утра без Интернета сижу.

– Если разрешишь, я почитаю с твоего компа.
– Конечно. Об этом и речь.
– Влад, среди всех этих контактов был и твой, – напомнила Вера.
– Ты мне об этом не говорил, мальчик мой! – встревожилась Тина.
– А зачем? – пожал Влад плечами. – Про себя я все и так знаю. А то, что в этом списке мой номер, так это упрощает дело. Похоже, подошла моя очередь, и скоро те, кого мы ищем, сами на меня выйдут. Вера сказала, что у нее украли книжечку клиентки со всеми этими контактами.

– Украли-то недавно. А люди погибли задолго до этого, – напомнила Вера. – Похоже, эти контакты они сами нашли или, что всего возможней, Валентина Кузьминична продублировала телефоны. На нее похоже: она не полагалась на свою память и записывала все важное сразу в нескольких местах.

– Скорей всего так, Вера. Тина, спасибо за помощь! А что ты скажешь об этой вещичке?

С этими словами он вытащил из кармана ладанку. Тина протянула через стол руку, тихонько звякнули серебряные браслеты, и Вера в очередной раз с горечью подумала, что в этой женщине все прекрасно – от кончиков длинных ярко покрашенных ногтей до кончиков ухоженных волос.

– Это оберег, – после долгой паузы произнесла хозяйка. – Не вижу на нем ничего темного, наоборот, энергетика, которую он излучает, светлая, чистая. Еще он содержит родовую привязку. Может, его сделала с любовью мать для своего ребенка. Возможно, эта ладанка передавалась из поколения в поколение. Думаю, что защитить он может только того, кто принадлежит к этому роду. Я удовлетворила ваше любопытство?

– Вполне, – сказал Влад и, ухмыльнувшись каким-то своим мыслям, протянул ладанку уже Вере:

– Надевай. Я узнал все, что хотел.

Вера бросила на него недоуменный взгляд, но ничего не спросила. Похоже, эти двое разговаривают на каком-то своем языке. А Влад уже обратился к Тине:

– Пойду за твой компьютер.

– Идем, я покажу файл.

Они оба вышли из комнаты, и Вера осталась одна. Почему-то сейчас она еще больше почувствовала себя тут лишней и в очередной раз пожалела о том, что увязалась за Владом. Ну в самом деле, зачем она здесь?

– Заскучала? – услышала Вера хриловатый голос Тины и подняла голову. Хозяйка стояла прямо перед нею и улыбалась краешками губ, при

этом взгляд ее черных глаз оставался цепким и настороженным.

– Нет.

– Хочешь еще чаю? Влад там долго будет копаться, кому-то собрался звонить.

– Давайте, – пожала плечами Вера.

Тина налила чаю ей и себе и пододвинула гостье вазочку с печеньем.

– Сама пекла, угощайся. Ты ни одной штучки не попробовала.

– Извините, – смущенно улыбнулась Вера и взяла печенюшку. Вкусно. Ничего не скажешь, вкусно. Эта женщина превосходна и как хозяйка.

– О Владе думаешь? – спросила вдруг Тина. От ее прямого вопроса Вера вздрогнула и захлопала глазами.

– Нет.

– Обманываешь, – усмехнулась хозяйка. Вера промолчала и взяла еще одно печенье.

– Мой тебе совет – не думай о нем. Просто выкинь из головы и не заморачивайся.

– Вы... – вспыхнула Вера. Тина протянула через стол руку и накрыла ладонью пальцы девушки. Рука у нее оказалась прохладной и жесткой.

– Я тебе по-доброму советую. Завязнешь в мыслях о нем и чувствах, как муха в сиропе, – не выберешься. Он привлекателен, загадочен, но не по зубам. Ни тебе. Ни даже мне. Он – вольная птица. Такая уж у него натура. Влада нужно уметь отпускать и... не ждать. Я ждала. Долго ждала. А когда поняла, что ничего не выйдет, оставила. Первая. Хотя он до сих пор на меня обижен за то, что это якобы я его бросила. А я просто, собрав свою волю в кулак, его отпустила.

– Так вы не... Вы не вместе?

Тина вдруг расхохоталась, запрокинув голову.

– Мы вместе, девочка моя, и не вместе. Вместе только в какие-то редкие ночи. Крепко вместе, когда дело касается магии и всего, что с нею связано. И только. С ним невозможно быть постоянно «вместе», как ты выразилась. Влад не создан для семьи, для любви, для заботы. У него другое предназначение. Он больше принадлежит холодному миру мертвых, чем миру живых с его страстями, чувствами и привязанностями. Понимаешь?

– На нем печать смерти, – сказала Вера, думая о своем. Тина кивнула:

– Да, на нем печать смерти. Он уходит в мир мертвых, когда его зовут, и возвращается в этот мир только до поры до времени. Смогла бы ты с таким создать семью?

– Я не думаю о создании семьи с ним! – возмутилась Вера.

– Но он тебе нравится. Нравится, вижу же. А если молодую женщину заинтересовал какой-то мужчина, она вольно или невольно начинает фантазировать на тему совместной жизни с ним. Так вот, Влад – не для этого. Он закончит свое дело, получит оплату и уйдет. Как бы горько тебе ни было.

– Спасибо за предупреждение. Но вы ошиблись: у меня нет по отношению к Владу таких мыслей.

Тина внимательно посмотрела Вере в глаза, отчего девушке стало не по себе, и усмехнулась:

– Ну, как знаешь.

– О чем разговор? – весело спросил появившийся из другой комнаты Влад.

– Женские секреты, – невозмутимо ответила Тина, тогда как Вера, ошеломленная прямым разговором с хозяйкой, не знала, что ответить. Поскорей бы уйти отсюда!

– Нашел что-то интересное? – спросила она без особого любопытства.

– Нашел. Все четыре девушки занимались не бытовой или любовной там магией, не гаданиями и снятием порчи-сглаза, а практиковали кое-что «потяжелей». Одна из них, к примеру, называла себя служительницей Гекаты, другая вела семинары по демонологии. Только мужчина, Сергей Петров, оказался букинистом, хоть, впрочем, и имеющим прямое отношение к нашей теме. Он купил книгу, а потом опять же перепродал ее Валентине Кузьминичне. Я нашел сайт этой лавочки. Кстати, Тина, Интернет у тебя вновь работает. Так вот, я позвонил в этот букинистический магазин и немного поговорил с совладельцем Петрова. Мне сказали, что три-четыре месяца назад звонила некая дама, очень интересовалась этой книгой и поручила узнать (за отдельную плату) ее историю. Что и было сделано, в кратчайшие, причем, сроки. Но аванс был такой внушительный, что за него еще бы и не то раскопали. За файлом с информацией приехал, однако, мужчина. Петров погиб вскоре после того случая, попал в аварию, виновником которой он же и был. Никакого подозрения на криминал, в общем, трагическое стечение обстоятельств.

– Не густо, – качнула головой Тина. – Если бы тебе рассказали историю книги – это другое дело.

– Я же не заплатил за это, – усмехнулся Влад. – Ладно, Тина. Спасибо тебе за помощь! Я у тебя в долгу. Нам нужно ехать.

Они распрощались с хозяйкой и вышли.

XIII

Возвращаться пришлось опять через тот район, в котором когда-то жила девушка. За все время, что прошло с того момента, когда они вышли из квартиры Тины, Вера не произнесла ни слова. Владу даже показалось, что она огорчена и думает о чем-то своем, далеко от истории ладанки и книги. Он предположил, что все дело в горьких воспоминаниях, которые вызвал этот путь. Но расспрашивать Веру не стал. Захочет, расскажет. Влад бросил на нее еще один мимолетный взгляд, который она не заметила. Пожалуй, девочка симпатична, даже очень, только до ее природной красоты нужно еще «докопаться» через те слои искусственной антиженственности, за которыми она так тщательно прячется. А ведь она очень даже женственна, когда расстроена и не «держит лицо», не острит и не спорит и когда на ней не бесформенная кофта, а, как теперь, белая приталенная рубашка в народном стиле, с круглым вырезом и короткими рукавами. Тогда вдруг обнаруживается, что кожа у нее на руках – с легким золотистым оттенком загара и что талия – тонкая и высокая, а ноги в джинсах скини – стройные и длинные. И что эта стрижка Вере даже очень идет: она открывает длинную шею и розовые мочки ушей, такие аккуратные и красивые, что их грех прятать. И, наверное, так приятно запускать ладонь в короткий вихор на затылке, ерошить его еще больше и целовать девушку в открытую шею чуть ниже розовой мочки.

– Что-то не так? – спросила вдруг Вера, застав своим взглядом его врасплох.

– Нет, – качнул Влад головой и чуть заметно улыбнулся. «Все так, наоборот, все так», – добавил он про себя.

– Ты на меня так смотришь, будто оцениваешь.

Он пожал плечами. Зачем что-то отвечать?

– Тина мне сказала... – начала Вера и вдруг резко затормозила, так, что их обоих качнуло вперед, а затем откинуло назад на спинки кресел.

– Ты с ума сошла?! – закричал Влад, но, глянув на девушку, осекся. Что-то с ней происходило, и это «что-то» его сильно встревожило: Вера сидела с прямой спиной, вцепившись в руль так, что у нее побелели костяшки, и, не мигая, смотрела, как по пешеходному переходу идет женщина с двумя сумками.

– Ты... – начал он, но Вера слабо качнула головой. Влад вновь замолчал и проводил, как и девушка, женщину взглядом. Ничего в той не

было особенного – пенсионного возраста, одетая в бесформенную блузу и длинную темную юбку. Волосы ее скрывала косынка. Несла женщина две полные сумки, из одной торчал батон хлеба, из другой – длинные толстые стебли укропа, который используют при консервации. Женщина как женщина, обычная, среднестатистическая, не очень, видимо, счастливая: было в ее ссутуленных плечах, «круглой» спине, опущенной голове что-то скорбное, обреченное.

– Это моя мама, – тихо прошептала вдруг Вера.

– Так беги же скорей! – воскликнул Влад. – Помоги донести ей сумки! Или, хочешь, я ей помогу?

Она испуганно дернулась, будто от пощечины, и резко обернулась к мужчине.

– Нет!

Подбородок девушки вдруг задрожал, а глаза наполнились слезами.

– Вот черт, – тихо выругался про себя Влад, который, как и многие мужчины, терялся перед женскими слезами. Ну что с ней сейчас делать? Разревется, ударится в истерику – прямо на дороге. А сзади им уже сигналили, прося поторопиться: дорога между двумя дворами была узкой, объехать их стоящую машину было никак нельзя. Влад оглянулся назад и скомандовал девушке:

– Съезжай на обочину и останавливайся.

Она автоматически выполнила указание.

– Вот что, вести машину ты сейчас не можешь. За руль сажусь я.

Он ожидал возражений, но Вера безропотно вышла из салона, обошла автомобиль кругом и остановилась возле пассажирской двери. Мужчина пересел на водительское сиденье. А когда Вера села с ним рядом, спросил:

– Ты сегодня работаешь?

– Да.

– Бери телефон и звони на работу. Скажи, что не выйдешь. У тебя понос, золотуха и прочие мигрени.

– Зачем?

– Затем, – рявкнул он, рассерженный ее непониманием. Сидит, слезы льет, платочек комкает, руки трясутся, подбородок дрожит. Нет, девчонке нужен кратковременный отдых, чтобы прийти в себя. Хочет, пусть ревет, но в домашней обстановке, а не у себя на работе. Впрочем, с тем, чтобы она редела, Влад тоже согласен не был. Что-нибудь придумает.

– Я не могу... Я никогда не отпрашивалась!

– Ну, значит, тем более! Звони и меняйся с кем-нибудь сменой. Наверняка тебе кого-то уже приходилось подменять. И не раз. Сегодня

отдых нужен тебе.

Вера немного поколебалась, а потом, решившись, взяла телефон и позвонила. Влад тем временем завел двигатель и съехал на дорогу. Когда они проезжали мимо очередного дома, Вера на него оглянулась, и Влад понял, что там жили ее родители.

– Я могу предвидеть смерти, – сказала вдруг девушка. – И не могу повлиять на ход событий. Но однажды мне показалось, что могу все изменить...

...В медицинский вуз Вера поступила не сразу: после школы она провалила вступительные экзамены, недобрав бал до проходного. И, так как решила посвятить себя медицине, подала документы в медицинское училище. Ей казалось, что ее способностям в итоге можно будет как-то найти применение, если она будет работать в этой области, – наивная попытка примириться с тем, что она не такая, как все.

После окончания медучилища Вера устроилась в больницу и отработала там три года. Помогал ли ей как-то ее «дар» в работе? И да, и нет. Она могла предвидеть, кто из пациентов в первую очередь нуждается в помощи, но, увы, это не влияло на печальный исход дела: пациент мог умереть уже после выписки, и не от болезни, а из-за несчастного случая. Девушке казалось, что вся проблема в том, что она никак не может уловить нужную «волну» – понять, откуда исходит угроза жизни. Она анализировала все случаи, выискивала детали, но так и не угадывала. Сдавшись, Вера оставила затею «приручить» свои способности, а все усилия решила направить на достижение другой цели – стать врачом. Она уволилась с работы, опять подала документы в медицинскую академию и на этот раз поступила. Учиться было интересно, хоть и не просто, но Вера уверенно шла среди лучших, и так продолжалось до третьего курса. А потом случилось то, что рано или поздно происходит со свободными молодыми женщинами или девушками: она влюбилась.

Ярослав был на два курса старше ее, его родители, а также дедушки и бабушки были врачами, был невероятно, на взгляд Веры, красив – с резкими чертами лица, смоляными кудрями и черными глазами. Душа компании, весельчак и балагур, он нравился многим девушкам. Но встречаться он стал с Верой. На нее он обратил внимание на одном студенческом вечере и подошел первым. С праздника они ушли вместе и раньше всех. Все завертелось так быстро и стремительно, страсть захлестнула обоих так сильно, что Вера потеряла голову. До этого прилежная ответственная студентка, она стала отставать в учебе и даже пропускать занятия, потому что медицина ушла на второй план. На первом

был Ярослав, и только он. Вере казалось, что дело идет если не к свадьбе, то к помолвке уж точно. Она познакомила молодого человека со своей семьей, и он стал частым гостем в их доме. Настолько частым, что, возможно, кто-то бы со стороны и заподозрил неладное. Например, Ярослав мог заезжать к ней домой, когда Вера еще не успевала вернуться с занятий. Но ей даже не приходило в голову, что Ярослав, как влюбленный мужчина, мог бы дожидаться ее в фойе института. И даже мама, проницательная мама, очаровавшись таким милым молодым человеком, который ни разу не приехал в гости к будущей теще без гостинца, был интеллигентен и галантен, не поняла, в чем дело. А когда все открылось, было уже поздно.

Как-то незаметно Лидия из милого ребенка с круглыми коленками и ямочками на пухлых щеках превратилась в стройную красивую девушку. У нее было все: лицо, фигура, роскошные локоны и, главное, юность. Родители боялись, что такая красавица быстро поддастся соблазнам и забросит учебу еще до получения аттестата. Но Лидия окончила школу с серебряной медалью и поступила в институт на отделение дизайна и моды: она с детства хорошо рисовала и любила придумывать куклам оригинальные наряды. Девушка мечтала не ходить по подиуму, хоть предложения от модельных агентств получала, и не раз, – она мечтала сама выпускать свои коллекции. Поклонников у нее было достаточно: мальчишки-ровесники звонили ей каждый вечер, но Лидия не брала трубку и частенько просила старшую сестру отказать за нее тому или иному назойливому ухажеру. Лидия предпочитала проводить вечера не на дискотеках или в кино, а дома, придумывая и рисуя фасоны, подбирая цвета и фактуры тканей. На семнадцать лет родители подарили ей швейную машинку, и частенько по вечерам из-за закрытой двери ее комнаты раздавался стук швейной иглы и жужжание мотора. Свой выпускной наряд девушка сшила себе сама, да еще такой, что многие родители после бала поинтересовались у мамы Лидии и Веры, в каком ателье девочке заказали платье. И кто бы мог подумать, что умница и красавица Лидия, как и старшая сестра, принесет свою мечту в жертву первой любви! И уж никто бы из близко знавших обеих сестер никогда бы не заподозрил, что в один день между ними, жившими душа в душу, частенько секретничаящими по ночам, возникнет такая ненависть. Впервые у девятнадцатилетней Лидии появилась тайна, которую она не смогла открыть Вере. Да и как признаться, что она влюблена – впервые в жизни и так сильно – в жениха старшей сестры? И, что самое ужасное и одновременно прекрасное, что эта любовь взаимна, и что в дом к ним молодой человек уже давно ходит не ради

старшей сестры, а желая увидеть младшую, и что они тайком созваниваются, сбегают с занятий, чтобы побыть вместе несколько часов?

Рано или поздно это должно было случиться. В один день Вера, приболев, вернулась домой пораньше и застала счастливую парочку в интимный момент прямо в гостиной. Шок был такой силы, что Вера впервые в жизни ударила Лидию по лицу. И пока они, две сестры, в одно мгновение ставшие врагами, кричали и оскорбляли друг друга, Ярослав тихо ушел, предпочтя избежать объяснений.

Он продолжил встречаться с Лидией уже «официально», но уже не приходил, как прежде, в ее дом. Вера же не общалась с сестрой две недели и всячески игнорировала попытки той заговорить. Хуже всего в этой ситуации приходилось родителям, которые оказались вдруг на линии фронта между двумя вражескими лагерями. Мама пыталась поговорить то с одной дочерью, то с другой, и если с Лидией, чувствовавшей себя виноватой, но в то же время счастливой и влюбленной, еще можно было вести переговоры, то с Верой, выдерживающей характер, – никак.

– С ума с вами сойдешь! – рассердилась как-то за обедом мама. – Мы с отцом отправляемся на дачу, а вы тут как хотите!

– Мы с Ярославом тоже уезжаем, – робко заявила Лидия. – Я хотела сказать...

Вера бросила вилку и ушла к себе, громко хлопнув дверью. Позже к ней в комнату постучала Лидия. Но разговора не вышло: едва его начав, девушки с упреков опять перешли на оскорбления.

– Ты сама виновата! – закричала Лидия. Вера хотела ответить ей что-то колкое, но в этот момент увидела, что сестру вдруг будто обволакивает густой туман. Лидия еще что-то продолжала кричать, ее рот открывался, но Вера ничего не слышала, стояла и с ужасом смотрела на то, как от сестры вдруг отделилась другая фигура – полупрозрачная. Эта вторая Лидия замахала руками, будто пыталась за что-то ухватиться, а затем стала опрокидываться назад – в туман.

– Эй? – спросила вдруг младшая сестра. Вера, очнувшись, тряхнула головой, прогоняя страшное видение. – С тобой все в порядке?

Вера четко, по слогам ответила:

– Оставь меня одну.

Лидия без слов развернулась и вышла. А Вера заходила по комнате. Потом, когда первый шок прошел, она подумала о том, что впервые увидела страшное знамение не только в виде тумана или марева, не только почувствовала холод и запах сырости, но и различила некий «сюжет». Может, это случилось потому, что они с Лидией сестры и до недавних

событий были так близки, словно находились на «одной волне»? Вера нервно мерила шагами комнату и думала. И чем больше размышляла над увиденным, тем сильнее уверялась в мысли, что на этот раз «увидела» причину предполагаемой смерти: падение с высоты. Вера выскочила из своей комнаты и без стука ворвалась к сестре.

– Куда вы едете?! Когда?!

– А тебе какое дело? – огрызнулась Лидия. – Оставь меня в покое!

Вера бросилась к себе и вновь заходила. Надо что-то делать, что-то предпринять. Вдруг ее осенило. Она взяла телефон и набрала номер школьной подруги Лидии, понадеявшись, что та в курсе планов поездки. Так и вышло. Девушка ответила, что Лидия едет в компании сокурсников и сокурсниц Ярослава в Карпаты. Поезд отходит этой ночью.

Горы! Все сходится. Мало ли несчастных случаев может произойти в горах? Лидия может сорваться в какое-нибудь ущелье.

– Ты никуда не поедешь! – объявила Вера, увидев, что сестра уже достала из шкафа кое-какие вещи. Лидия же, проходя мимо, специально толкнула ее плечом, демонстративно прошествовала на лоджию и вытащила из шкафчика большой рюкзак. Вера мстительно улыбнулась и заперла лоджию со стороны комнаты.

– Эй! Немедленно меня открой! – закричала младшая сестра. Вера лишь расплылась в довольной улыбке. И, как Лидия ни билась в дверь, как ни плакала, как ни просила выпустить ее, Вера не сдалась. Она откроет лоджию только после того, как поезд, который бы увез младшую сестренку на верную гибель, уедет без нее.

Вера только ненадолго отвлеклась на какой-то телефонный звонок и упустила тот момент, когда отчаявшаяся Лидия открыла окно лоджии и выбросила на улицу свободный конец длинной веревки, найденной там же в шкафу, среди хозяйственных и походных вещей. Другой конец она закрепила за ножку шкафа. Этаж был третий, веревка доставала только до первого, но Лидия надеялась пробраться к соседям с первого этажа через открытое окно...

– ...Она сорвалась сразу же. Ножка шкафа была некрепкой и обломилась, – закончила свой рассказ Вера. – Когда я сбежала вниз, Лидия была жива и еще в сознании. Она обвинила во всем меня. И не без причины. Два дня она пролежала в реанимации, а потом умерла. Как я и «предсказала», причиной ее смерти стали травмы, полученные после падения с высоты. Господи, если бы я знала, что имелось на самом деле в виду! Отпустила бы ее в эти горы...

– Лидия могла бы убиться и там, – осторожно заметил Влад. – Скорей

всего, это было неизбежно.

Вера не ответила, отвернулась к окну и ладонью вытерла слезы. Платок, который она комкала в другой руке, уже давно промок насквозь.

– Мама тоже обвинила меня. Сказала, что, если бы я не была такой упрямой, если бы нашла в себе силы простить Лидию, этого бы не случилось. Что я могла сказать в свое оправдание? Ничего. Я собрала кое-какие вещи и после похорон уехала. Мы не поддерживаем связь уже четыре года. Я каждый месяц отправляю родителям деньги, но не звоню. Дважды мне звонил папа, мы поговорили, я сказала, что у меня все хорошо, но возвращаться не собираюсь. Но попросила принимать от меня деньги. Отец сказал, что был бы рад не деньгам, а мне. Но я не вернулась.

– Родители тебя простили, а ты себя – нет.

Вера кивнула.

– Ты не думала, что лишаешь их радости общения с оставшейся в живых дочерью? У них могла бы быть ты – одна за двоих. А так они лишились обеих дочерей.

– Что ты об этом знаешь... – устало ответила Вера и вытащила из бардачка упаковку бумажных платочков.

– Ты права, не знаю. Просто думаю, что твоя семья была бы счастлива обрести вновь хоть одну дочь.

– И я бы служила им живым напоминанием о том, что случилось. Я не такая, как все, Влад! Я приношу несчастья. Кому я нужна с этим моим проклятьем видеть смерти? Еще тогда я приняла решение не иметь семью. Так проще – для всех. Лучше оставаться одной, самой тащить этот крест и ни к кому не привязываться. Семья – это боль.

– Сама не знаешь, что городишь, – пробормотал сквозь зубы Влад и свернул на дорогу, которая вела не на загородное шоссе, а делала круг и возвращала в город.

– Куда мы едем? – встрепелась Вера.

– Увидишь. Расслабься, все равно торопиться некуда, у тебя выходной.

Какое-то время они ехали молча. Вера рассеянно изучала незнакомые пейзажи. Затем, будто решившись на этот вопрос после некоторых размышлений, развернулась к мужчине и спросила:

– Влад, а как твоя семья приняла твою особенность?

– Как-как, – пожал он плечами. – Это их не обрадовало, даже напугало. Я тоже, как и ты, живу отдельно, но просто потому, что мне так удобней, а не потому, что решил порвать со своей семьей. У меня, кстати, мировые родители. И младшая сестра есть, она сейчас на седьмом месяце беременности. Скоро родится племянник!

– Вот как? – обрадовалась Вера, но затем на ее лицо набежала тень. – Тина мне сказала, что ты лишен всяких привязанностей из-за того, что ушел в другой мир. Не дословно, но смысл тот.

– Глупости какие. Я звоню своим довольно часто и раза два-три в месяц навещаю. Не знаю, какие мотивы у Тины были так сказать. Кстати, мы почти приехали. Еще пять минут, и ты сама познакомишься с моей семьей.

– Что?! – испуганно воскликнула девушка.

– А чего ты так переполошилась? – засмеялся Влад. – Я же сказал, что родители у меня мировые! Если повезет, то и сестра придет, она уже в декрете и живет неподалеку. Лера всегда приходит, когда я приезжаю.

– Но зачем ты меня привез к своим родителям?

– Чтобы ты, хорошая моя, изменила свое отношение к семье! Кстати, – сменил Влад тему. – Как же ты со своими способностями в пансионате выживаешь? Там же так или иначе приходится со смертью мириться.

– Мне помогает кот Гаврила, – призналась Вера и покраснела.

– А, этот знаменитый кот! – воскликнул Влад. – Кто о нем из местных не слышал! Оказывается, он имеет какое-то отношение к тебе?

– Он был простым котом. И мне действительно первое время в пансионате приходилось туго. Каждый раз, когда уходит тот, чью смерть я увидела, я болеваю. А однажды, года два назад, в такой момент «предчувствия» ко мне подошел Гаврила и начал ластиться. Мяукал, терся о мои руки и ноги, когда я его взяла на руки, прижался и громко замурлыкал. Будто утешал. И мне вдруг стало легче. Потом он еще не раз подходил так ко мне, ласкался и уходил. А потом заходил в комнату одного из стариков... Он будто взял себе тяжелую роль вестника смерти, – улыбнулась Вера.

– А это касается только стариков из пансионата?

– Только, – тяжело вздохнула Вера. – Думаю, потому, что кот пересекается со мной только на территории пансионата.

– Возьми его к себе, – улыбнулся Влад.

– Как-то взяла, – погрустнела Вера. – Но он сбежал и вернулся в пансионат. Признает его своим домом. Знаешь, что мне сейчас подумалось... Два года назад к нам пришла Кузьминична. И с ее приходом начались эти «странности» с Гаврилой. Мне кажется, тут есть какая-то связь, но какая – не знаю. Кузьминична, мне кажется, догадывалась о моих способностях. Дважды она видела, как Гаврила ластился ко мне, а потом шел и выполнял свою «миссию». Мне в письме она написала, что кот «намурлыкал» ей мой секрет.

– Может быть, – кивнул Влад. – Мне ее соседки сказали, что она понимала животных. Кстати, мы уже приехали!

* * *

Семья Влада, несмотря на опасения девушки, встретила ее очень приветливо, чем даже вогнала Веру в краску смущения.

– Ой, что ж ты заранее не предупредил о вашем приезде! – всплеснула испачканными мукой руками мама – красивая седая дама с изумительной кожей и светлыми глазами. Вера невольно отметила про себя, что Влад похож больше на мать, чем на отца. – Я ж думала, ты завтра! Мы вон с Лерой пельмени затеяли, только тесто раскатали!

– Пельмени – это отлично! – обрадовался Влад. – А мы вам поможем их лепить!

– Да у тебя каждый пельмень получается размером с лапоть! – засмеялась русоволосая красавица с аккуратно торчащим вперед беременным животиком.

– Ну уж куда мне до вас! – весело хмыкнул Влад и поманил Веру за собой в ванную – мыть руки.

– Как тебе моя семья? – спросил он. – Отличная, правда? Вот еще разознакомись с каждым, увидишь... Когда-то лепить всем вместе пельмени было нашей традицией. Теперь вон готовят лишь к моему приезду, накануне и без меня. Сестра по привычке приходит помогать. Они с мужем живут в соседнем подъезде.

Влад рассказывал о своих родных с такой теплотой, что Вера тоже заразилась от него настроением. Грусть ушла без остатка.

– Черт... С этим бинтом пельменей не налепишь, – проворчал Влад, включая воду.

– Будешь смотреть, как их лепим мы, – заявила Вера, наблюдая, как он аккуратно, стараясь не намочить повязку, тщательно промывает мылом каждый палец по отдельности.

– Ты прямо как наш доктор Савельев, – засмеялась она. – Тот так же руки моет, даже перед обедом. Разве что щеткой каждый палец не трет, а потом еще спиртом дезинфицирует. Будто хирург перед операцией!

– Попробовала бы сама на моем месте... Навертела мне тут бинтов от души. А всего-то царапина.

– Была бы просто царапина, столько бы бинтов не навтерела, – парировала Вера. Влад на ее выпад не ответил.

– А кто он, ваш доктор Савельев, хирург? – спросил он, закрывая кран.
– Нет, терапевт, кажется. Что бы хирург делал в нашем пансионате? Мы его «хирургом» между собой зовем за эту манию к стерильности.

– Понятно...

– Эй, парочка? Вы там долго? – раздался из кухни голос Леры.

– Парочка... – проворчал мужчина, принимая из рук Веры полотенце. – Ишь как все всполошились! Тебя увидели – и все, сделали стойку.

– Почему?

– Да я никогда свою семью ни с какими девицами не знакомил. Мама все ждала, когда же я приведу в дом «невесту». Вот и подумали... Идем, идем! – крикнул он сестре. И, выходя из ванной первым, не заметил, как Вера улыбнулась. Ну и пусть, что семья ошибочно приняла их за пару. Ну и пусть, что это не так. Но один день можно пожить в этой иллюзии. Завтра все вернется на свои места, и она снова погрузится в свое одиночество.

День пролетел так быстро и хорошо – за разговорами и шутками, лепкой пельменей, ужином, пересказом семейных историй, – что, когда настало время прощаться, Вера злорово огорчилась.

– Приезжайте еще! – пригласила хозяйка, обращаясь не столько к сыну, сколько к его спутнице.

– Обязательно! – беспечно ответил мужчина, дав обещание, которое, по мнению Веры, вряд ли выполнит: не станет же он приглашать малознакомую девицу, с которой его ничего не связывает, кроме дела, еще раз? Но все же услышать от него такой ответ было очень приятно.

До дома машину вела уже Вера. Влад же сыпал смешными историями, припоминал случаи из детства и как мог веселил девушку. Она же, хоть и улыбалась его рассказам, с каждой минутой становилась все грустнее: вот и закончился такой странный, такой эмоциональный день, в который будто уместилась вся жизнь. И теперь предстоит сказать друг другу банальные слова и буднично распрощаться. Она пойдет вместо работы домой спать, а он... Кто знает, что будет делать он.

Вера поставила машину на прежнее место и повернулась к Владу.

– Ну... – сказала она и выдохнула. – Приехали.

Он молчал и смотрел на нее. В какой-то момент ей показалось, что он, как в романах или кино, приблизится к ней и поцелует. И, признаться, ждала этого момента-штампа. Но Влад уже секунду спустя открыл дверь и под еле различимый разочарованный вздох Веры вышел на улицу.

– Мой мотоцикл у тебя во дворе.

– Я помню. Надеюсь, с ним все в порядке.

– А что с ним станется? – отозвался Влад, входя за Верой следом в калитку. Он сразу направился к своему железному коню, достал шлем и присел на кожаное сиденье.

– Ну, как говорится, спасибо за все, я провела время отлично и все такое, – буркнула Вера, отводя взгляд. Все же где-то в глубине души она лелеяла надежду, что Влад хотя бы поцелует ее на прощание. А он вдруг с тихим смехом нахлобучил шлем ей на голову и застегнул под ее подбородком ремешки.

– Влад?! – запротестовала Вера.

– Тш... – прошептал он и, взяв девушку за запястье, подтянул ее к себе. – День еще не закончился, и не надейся. Садись сзади, держись крепче. На поворотах сиди прямо, не наклоняйся. Я не буду гнать. Не бойся, все будет хорошо.

– У тебя нет второго шлема...

– Постараюсь не попадаться патрулю на глаза. Готова? Держись крепче!

Вера с готовностью обняла его за талию, прижалась к его спине и, счастливая, прикрыла глаза.

Они долго ездили по пустым дорогам, то на маленькой скорости, то летели как стрела. Навстречу ветру, навстречу зарождающейся луне и, вместе с нею, чему-то новому, важному. Целовались, останавливаясь на обочинах, считали вместе звезды и искали созвездия, вновь садились на мотоцикл и мчались по расстилающимся под колесами полотнам дорог. И когда они вновь остановились возле дома девушки, Вера уже не боялась, что Влад попрощается и уйдет. Он пришел, чтобы остаться.

И все же она ошиблась: Влад пришел только на один день и одну ночь. Суточный цикл замкнулся, и Вера вновь осталась одна. Опять проснулась в одиночестве в своей постели, в одиночестве поставила чайник. В какой-то момент иллюзия, что Влад просто ушел в душ, что, может, вышел во двор, напитала ее надеждой. Но в ванной комнате никого не оказалось. А во дворе, там, где стоял мотоцикл, остался лишь след примятой травы. Вера разочарованно вздохнула. Так, наверное, чувствовала себя Золушка на следующий день после бала, не думавшая, что волшебство когда-нибудь может повториться. Вера бросила в чашку чайный пакетик и закурила. Может, она бы предавалась этой хандре еще долго, если бы не звонок мобильного. В какой-то момент вспыхнула надежда, что это Влад – звонит, чтобы объяснить свой ранний уход. Но она тут же погасла, когда Вера увидела, что номер звонившего скрыт.

– Красотка, твои старухи у нас, – услышала она в трубке грубый

мужской голос – не Влада. – Бери свой амулет и мчись по адресу, который скажу. И поторопись, иначе твоим бабкам хана.

– Кто вы? Что вам нужно?!

– Чтобы ты приехала и забрала своих соседок, – прогремел голос. – В обмен на амулет. Две жизни дорогих тебе бабок на никчемную побрякушку, усекла? И не вздумай нас обманывать или приводить с собой кого! Никаких звонков, понятно? Пиши адрес!

Вера торопливо записала продиктованный адрес и, когда собеседник попрощался, забыв о гордости, набрала номер Влада. Он не отвечал. Вера позвонила еще раз – безрезультатно. И только она отключила вызов, как экран телефона вновь вспыхнул. Опять тот неизвестный.

– Я же сказал – никому не звонить! Я специально проверил, перезвонил и наткнулся на занятый номер! Еще раз такой трюк выкинешь – начну убивать твоих бабок.

И бросил трубку.

Вера торопливо оделась, сунула мобильный в карман и выскочила во двор. Ехать нужно было в один заброшенный поселок неподалеку отсюда.

XIV

Влад проснулся раньше Веры. Тихо, стараясь не разбудить девушку, встал и вышел в душ. И уже там, под струями теплой воды, вдруг вспомнил, что вчера ему показалось неправильным. И не то чтобы это оказалось таким заметным, как остроугольный камешек в ботинке, нет, скорее было крупной песчинкой, которую и ощутить сложно, но все же он почувствовал некий дискомфорт. И вот сейчас вспомнил и вновь вернулся мыслями к тому эпизоду, когда он в ванной у родителей мыл руки, а Вера со смехом сказала, что он ей напоминает их доктора Савельева. Влад еще спросил – машинально, интуитивно, – хирург ли Савельев? И Вера ответила, что терапевт.

Влад закрутил воду, воспользовался висящим на крючке полотенцем и оделся. Нужно кое-что проверить. И срочно, ибо дело не требует отлагательств. Он на цыпочках вышел в спальню, полюбовался спящей девушкой – разбудить ли ее и попрощаться или оставить отсыпаться? И выбрал второе: у Веры и так какой-то ненормальный график, в котором все наоборот. Пусть отдыхает, а он позвонит ей позже. Он поискал глазами, на чем можно было бы оставить записку, но не нашел ни ручки, ни бумаги. Не страшно, позвонит ей позже.

Влад вывел мотоцикл на улицу со двора, провез его по дороге – подальше от дома девушки, чтобы не разбудить ее шумом, и только уже в конце улицы завел мотор.

Вначале – к себе. Найти в Интернете ответ: все ли доктора так тщательно моют руки даже перед банальным приемом пищи? Или это у Савельева выработавшаяся привычка после долгой хирургической практики? Конечно, вряд ли все хирурги в жизни перед едой тщательно намыывают и дезинфицируют спиртом руки, но кто их там знает... Не это главное, а то, что если Савельев никакой не терапевт, а хирург, у которого, скорее всего, была долгая практика, то что он делает тут, в пансионате? Конечно, можно предположить, что за осмотр стариков ему платят куда больше, чем за хирургическую практику в районной больнице. Но Владу казалось, что все должно быть не так просто.

Он вошел на сайт пансионата в раздел персонала. Вот фотография Веры: девушка с нее смотрит строго, будто учительница. А вот фотографии Савельева Дмитрия Васильевича почему-то нет. Влад отметил это и отправился искать дальше. Он вбил в поисковик имя и фамилию доктора,

а также добавил наугад слово «хирургия» и получил ответ, который заставил его радостно воскликнуть. Интуиция не подвела. Ссылки вели на сайт столичной клиники пластической хирургии, но сама страница оказалась закрытой. Но и это еще не все. Когда Влад увидел фотографию пластического хирурга Савельева, он понял, что на верном пути.

А ведь машина-то, «Ауди», которая стояла, спрятавшись, за заброшенными зданиями в пустом поселке, правильно, была со столичными номерами! Видимо, осталась у Савельева со старых добрых времен. А в поселке зачем разбивать такую дорогую машину на бездорожье? Наверняка ездит доктор на работу либо на дешевой машине с областными номерами, либо на мотоцикле, либо и вовсе на велосипеде, а то и пешком ходит.

Влад сделал несколько распечаток. У одной из его бывших клиенток отец был профессором медицины, ее Влад и попросил об услуге. Она не отказала, только ответить обещала через час-полтора. Ну что ж, не страшно, он подождет. А пока съездит в местную библиотеку и пороеется в архивных подшивках газет. Чует он, что тут не одна ниточка. Владу не давал покоя джип, на котором ездили похитившие Веру люди. Конечно, внедорожники, в том числе крутые, в их местах не редкость: приезжают на отдых далеко не бедные люди... Однако погибших девушек, в том числе и москвичек, нашли именно здесь – значит, следы ведут в их поселок. На крутом джипе, конечно, ездит не сам заказчик, а его охрана. И наличие охраны очень Владу не нравилось. Не простой это человек, денежный и всемогущий. В их местах точно. Куда до него простому Владу Колосову! Со всемогущим господином Варенниковым ему справиться будет сложно.

А в библиотеке он нашел в подшивках газету, одна короткая заметка в которой заставила его пересмотреть свои подозрения и удивленно усмехнуться. Влад краем уха слышал, что особняк изначально предназначался для матушки олигарха мадам Варенниковой, и вспомнил, что новоиспеченная «графиня» недолго там прожила, ушла в мир иной незадолго до организовываемого ею бала. Так вот, в заметке, вышедшей уже после тех событий, вскользь упоминалось, что олигарх Варенников выселил свою матушку из особняка, чтобы отдать его под свою новую бизнес-идею – элитный пансионат. В следующей газете, вышедшей всего днем позже, было опровержение этой новости и были опубликованы повторные соболезнования олигарху Варенникову в связи с недавней кончиной его матушки.

Влад отложил подшивку и призадумался. У него сложилось впечатление, что опровержение было сделано по горячим следам. А тот, кто

написал первую заметку, раскопал нечто запрещенное. Влад посмотрел фамилию автора – Конный. Сдал подшивки обратно в архив и вышел на улицу. Там он позвонил в редакцию и выяснил, что журналист Конный ушел из газеты четыре года назад и вскоре после увольнения его тело было обнаружено в одном из озер. Но так как этот труженик пера был известен своим пристрастием к алкоголю, то и уголовное дело закрыли, списав все на несчастный случай. Полез купаться пьяным в запрещенном месте. Может, так оно и было...

* * *

До заброшенного поселка Вера доехала быстро, но вот на месте ей уже пришлось поплутать, отыскивая нужное строение. Подстраховались, сволочи, спрятались понадежней. И лишь когда она совершала на местности второй круг, заметила стоявший под каким-то навесом черный джип. А вот и старые знакомые. Вера остановила машину и вышла. Опробетовано, конечно, соваться самой в бандитское логово, но от нее только и требуется, что ладанка. Девушка подошла к небольшому строению без окон и постучала. Дверь не сразу, но открылась, и Вера робко вошла в темное помещение, освещенное только несколькими свечами, расставленными вокруг каменного стола.

– А вот и наша красавица пожаловала! – услышала она голос, который принадлежал скорее женщине, чем мужчине. Но глаза Веры еще не привыкли к темноте, а фигура разговаривающего с нею человека не попадала в поле тусклого свечного света.

– Привезла амулет?

– Привезла, – ответила Вера, останавливаясь и не решаясь сделать ни шагу. – Где мои соседки?

– Вначале амулет, девонька.

Рядом с Верой вспыхнул свет от фонарика, и в его пятне девушка увидела огромную фигуру мужчины. Один из тех, с кем ей уже довелось столкнуться раньше.

– Амулет, – жестко сказал тот и протянул руку.

Вера сняла с себя ладанку и вложила ее в ладонь.

– Вот так-то лучше, – захихикал кто-то. Вера напрягла память, пытаясь вспомнить тембр голоса того человека, который разговаривал с ней из темноты в первый раз. Тот или не тот? Да нет, похоже, что сейчас с нею все же разговаривает женщина, и, возможно, немолодая.

– Долго мы за тобой бегали, пришлось пойти на крайние меры. Побудешь у нас в гостях. – На запястье Веры стальными наручниками сомкнулись пальцы охранника.

– Где мои соседки?!

– А нет их! Сбежали. Да они нам уже и не нужны. Пусть себе идут. Теперь нам ты нужна. А вернее, твой защитник. Как думаешь, ради тебя он выполнит одну услугу?

– Кто вы?! И что вам от нас нужно?!

– От тебя – амулет. Кстати, понадобится он твоему парню. Ты же не хочешь увидеть его мертвым? Ну а ты нам нужна, чтобы заманить его сюда. Ну а там, если все пойдет так, как я желаю, мы вас отпустим. Может быть.

И снова это мерзкое хихиканье.

– Теперь, девонька, можешь ему звонить. Или нет, лучше мы. Серж! Забери у нее телефон!

* * *

У него было все: имя, известность, доходное и, главное, любимое дело. В его-то молодые относительно годы – и стать владельцем входящей в моду клиники пластической хирургии, да о таком он и мечтать не смел! Помнится, когда двадцатичетырехлетним мальчишкой приехал из далекого белорусского селения покорять столицу с одним лишь маленьким чемоданчиком, он и подумать не мог, что пройдет еще каких-то пятнадцать лет – и у него будет практически все, о чем мог бы мечтать. А тогда, в первую ночь, ему пришлось ночевать на Белорусском вокзале. И вторую, и третью тоже, потому что он попал, как последний лох, на мошенников, обещавших сдать ему квартиру по дешевке и в итоге кинувших на крупную для него сумму денег. На эти деньги он надеялся жить как минимум два месяца, отдал задаток, и вот... Четвертую ночь он провел в «обезьяннике», потому что случился милицейский рейд и его забрали вместе с вонючими бомжами. Но хоть столица изначально и показала ему зубы, потом, после таких испытаний, улыбнулась. Ему удалось поступить в ординатуру к известному челюстно-лицевому хирургу, получить крошечную комнатку в общежитии для аспирантов и начать свою карьеру.

Будущий пластический хирург учился без устали. В душе он был художником: мечтал вылепливать из несовершенных человеческих лиц совершенную красоту. Он не отказывался ни от каких дежурств, ассистировал на всех возможных операциях и впитывал, внимал,

записывал, запоминал, а потом, после операций, оставшись наедине с собой, по памяти разбирал по шагам и действиям каждый шаг его учителей.

В итоге – к сорока годам собственная клиника, имя, известность и улыбающиеся с телеэкранов лица с идеально вылепленными носами, губами, скулами: его клиентками были не только жены состоятельных господ, но и поп-певицы, модели, актрисы, дикторы телевидения. Его рекомендовали, к нему обращались, его нахваливали.

Все шло хорошо до того рокового дня чуть больше четырех лет назад, когда к нему на прием пришла пожилая дама, мать одного олигарха. Дама заявила, что принадлежит к древнему дворянскому роду, что ей удалось вернуть их родовое поместье и она собирается дать в отреставрированном особняке бал. «Ну и, конечно же, «реставрация» нужна и мне», – кокетливо хихикнула дама. Ей хотелось превратить свои семьдесят в двадцать пять, чего уж никакой даже самый лучший хирург не мог сделать. Что он деликатно и сказал. Но капризная дама, привыкшая получать то, что хотела, предложила за операцию совершенно сумасшедшие деньги. Конечно, в свои двадцать пять лет она бы не вернулась, но значительно омолодить ее Савельев понадеялся. Ох, если бы знал он, чем это для него обернется!

Чувствовал же, что берется за рискованное дело. Подозревал, что дама, лихо выдающая желаемое за правду, соврала и насчет возраста, и насчет неких своих заболеваний, которые могли бы осложнить период восстановления. И все же, ослепленный перспективой получить невероятную сумму и выданным прямо на руки авансом, Савельев решился.

Те сутки после операции, когда все пошло не так и он сидел в реанимации возле ее подключенного к аппаратам тела, были самыми тяжелыми в его жизни. И никакие ночевки в «обезьяннике» и на вокзале, никакие понукания наставников, не ставивших его поначалу ни в грош, не могли сравниться по безысходности с той ночью. Он вдруг ясно понял, что путь у него теперь один – в тюрьму. Дама, похоже, не выживет, и ее сынок, на чьи деньги и осуществлялось «омоложение» маменьки, с лица земли его сотрет.

Мадам выжила, но осталась изуродованной: когда речь пошла о спасении ее жизни, стало уже не до эстетики. И, что самое ужасное, ничего поделать было нельзя: повторных операций пожилая женщина не пережила бы.

Его и правда стерли в порошок. Но иным, более изощренным способом: сынок мадам в суд обращаться не стал, но сделал все возможное,

чтобы клинику закрыли, персонал распустили, а имя доктора Савельева исчезло из списка практикующих врачей. Громкого скандала никому не хотелось: дама так была потрясена тем, что с ней стало, что отнюдь не горела желанием демонстрировать миру свое безобразие. Она поручила все сделать сыну – без пыли, тихо и жестоко, а сама предпочла... исчезнуть. Сынок безошибочно нащупал слабое место доктора Савельева – честолюбие. И наказал его куда строже суда. Да, Савельев остался без клиники, без имени, без средств, но хуже всего оказалось унижение. Олигарх перекрыл ему все пути и выходы и... предложил затем работу. В доме престарелых, который организовал в маменьком особняке. Савельев слышал, что по поводу этого дома между мадам и ее сыном возник какой-то конфликт: олигарх Варенников не пожелал оставлять опустевший особняк за маменькой: такое шикарное место должно приносить доход, как он изначально и планировал. А маменька... Ну, она же сама пожелала исчезнуть! Мадам Варенникова поселилась в коттедже, но обиду все же затаила.

Савельев тем временем, пока бушевали страсти по поводу особняка, продал московскую квартиру и купил домик в поселке. К этому моменту по городу уже прошла «новость» о кончине мадам Варенниковой от сердечного приступа. И только Савельеву и еще трем-четырем людям из персонала олигарха было позволительно посещать охраняемый одинокий коттедж за городом, в котором и поселилась старуха. Варенников считал, что его мать уже смирилась и со своей участью, и с тем, что не за ней остался особняк, что доживать его матушка будет свои последние годы в тишине и покое. И только Савельев да те люди из персонала знали, какие бесы живут в душе мадам Варенниковой.

Унизительной и сложной оказалась участь доктора Савельева: работать не только в пансионате среди стариков, постоянно имея перед глазами увядающее несовершенство и безобразие, дряхлые тела и сморщенные лица, но и прислуживать мадам Варенниковой – не только осматривать ее и выписывать лекарства, но и выполнять самые безумные пожелания.

Старухе очень нравились старинные безделушки. И она постановила, чтобы доктор Савельев осматривал личные вещи поступающих в пансионат стариков, составлял подробный реестр и показывал его мадам Варенниковой. А та уже сама отбирала, что Савельев должен ей принести. Так уважаемый когда-то пластический хирург превратился еще и в воришку. Китайская фарфоровая статуэточка начала прошлого века, деревянная музыкальная шкатулка, набор мельхиоровых ложек еще

советского периода, курительная трубка, медный наперсток – не вещи, а воспоминания, которые украл у стариков доктор. А мадам Варенниковой они требовались для «антуражу», да и злилась она на стариков, занявших, как она считала, «ее особняк». Совсем с катушек съехала. Терпел Савельев это все потому, что мадам Варенникова прочно держала его на крючке обещанием «когда-нибудь» отблагодарить – вернуть за верную службу имя и клинику.

Черная книга попалась ему на глаза случайно несколько месяцев назад и будто сама попросилась в руки. Он и не должен был работать в тот час, его вызвали к загрипповавшей старухе Кузьминичне. Савельев вошел к ней в комнату, увидел на столе книгу. И сам уже, без указания Варенниковой, позже, в отсутствие хозяйки, украл фолиант, почуяв в нем особую ценность. Надеялся, что Варенникова щедро отблагодарит его за такой подарок. И опять просчитался, забыв в каком-то помутнении, что нельзя доверять этой старой крысе! Мадам и правда его отблагодарила некой суммой денег, а потом выяснила историю книги и вбила себе в голову статью уже не просто «графиней», а повелительницей мира. Сказочку про книгу Савельев выслушал, но не шибко-то в нее поверил. И зря, так как ему же и пришлось избавляться от трупов. Тут уж он, конечно, запаниковал, припер заигравшуюся Варенникову к стенке: это уже не сказка выходит – с трупами девиц. «Завтра тебя в озере найдут. Или не найдут. От твоего благоразумия зависит. Если хоть кому пикнешь или на попятную пойдешь, скормят тебя рыбам», – твердо заявила мадам. И он поверил: Варенникова не шутила, в ее распоряжении были трое крупных амбалов без мозгов, но с силищей. Что им прикажут, то и сделают. И он продолжил плясать под ее дудку.

Варенникова отыскала в книге листок с несколькими именами, все выяснила про этих людей и приказала Савельеву и трем амбалам нанимать по очереди девиц-магов из списка для исполнения ритуалов. А затем – прятать их трупы. Поначалу Савельеву казалось, что девушки сами были виноваты в своей гибели, что-то делали не так. Но потом призадумался: а с чего это старуха, надумавшая провести ритуал переселения запертого в книге духа могущественного колдуна в ее тело, сама не присутствовала на ритуалах, а сидела в своем коттедже и оттуда отдавала распоряжения по телефону, тогда как исполнительниц приказывала на время ритуала запирают в заброшенном здании наедине с книгой? И понял, что мадам намеренно приносила девушек в жертвы ослабшему духу колдуна, «питала» его, чтобы, когда тот наберется силы, а у нее окажется оберег, провести последний, решающий ритуал. Четверых молодых женщин уже

погубила, последнюю пока еще ищут и надеются найти живой. Но не найдут. Когда доктор Савельев все это осознал, ему стало по-настоящему страшно, но уже не столько из-за жестокости и циничности мадам Варенниковой, сколько от мысли, в какое же чудовище превратится и так бессердечная сумасшедшая старуха в случае успешного проведения ритуала!

С него хватит. Служил он верой и правдой, но дело пахнет совсем дурно. Доктор Савельев выкатил в коридор чемодан на колесиках, в который собрал самые необходимые ему вещи. И в этот момент в дверь позвонили.

– Откройте, полиция! – услышал он и обреченно протянул руку к замку.

* * *

Молодой лейтенант полиции Сиволапов долго не мог взять в толк, что опять хотят от него эти две старухи. Вчера они явились и подняли все отделение на уши криками, что какой-то маньяк похитил какую-то девицу. При этом обе бабки еще спорили друг с другом: одна, держась за спину, доказывала другой, что маньяк повезет жертву сразу в лесок, а другая, помахивая сердитыми «рожками» платка, – что топить в озеро. И никакие доводы, что нужно выждать определенное время после пропажи человека, не помогали, как и резоны, что девица уехала с «маньяком» на своем авто (со слов старух) наверняка добровольно и сейчас где-то с ним развлекается. Угмонить бабок удалось только после данного им обещания проверить все ближайшие леса и озера.

– А мы вас проверим! – пообещала, уходя, бабка с «рожками». И ведь правда проверяла: звонила в участок каждые четверть часа и интересовалась, не обнаружили ли уже их пропавшую девицу или ее труп. В итоге пришлось пригрозить старухе арестом и перспективой провести ночь в «обезьяннике». Похоже, угроза подействовала, потому что к ночи звонки прекратились.

И вот на тебе, пожалуйста, с утра пораньше заявили обе. Только уже с новым заявлением: якобы их похитили и продержали полночи в каком-то сарае. Вид у бабок и правда был такой, словно они участвовали всю ночь напролет в каком-то увлекательном квесте. «Рожки» платка повисли унылыми «усами», лицо старушки оказалось перемазанным чем-то, похожим на сажу, юбка – заляпана до самого пояса грязью. Ее подруга

выглядела не лучше: такой же грязный подол, платье разорвано от края до пояса, и в «разрезе» видна нога в коричневом чулке в «рубчик» и с обычной резинкой для трусов вместо подвязки. Сиволапову даже стало жаль бабок. И он, поддавшись этому чувству, выслушал обеих уже спокойней. Старухи и правда провели бурную ночь: к одной из них домой явился некий господин с приятным голосом, но неприятной наружностью («Страшен, как моя жизнь! Белый весь – усы, брови и ресницы»), представился доктором из пансионата, в котором работала пропавшая девица Вера («А там и правда такой страшила работает, Верка рассказывала!»), и сказал, что девушка попала в беду. Бабки обе охнули и доверчиво сели к доктору в машину, чтобы ехать на помощь. Вывезли их куда-то за город и спрятали в заброшенном сарае.

– Дурака еще нас стеречь поставили, – хихикнула одна из старушек. – Он снаружи стоит, дверь стережет, а мы с Шурой через окно с другой стороны вылезли – и были таковы. Он же, дурень, никак не ожидал, что мы на такое способны! А мы еще ого-го!

Старушка гордо подбоченилась и с улыбкой глянула на свою подругу.

– Мы всю ночь шли, два раза с пути сбивались. Попутку ловить не стали, мало ли кто на них ездит? Хватит, покатались уже. Вот, сами дошли, и прямо к вам! Ну, так что, ловить маньяка будем, или как? Вот вам вещественное доказательство, – бабка указала на разорванный подол своей товарки, и та опять выставила ногу в разрез.

– Он что, на вашу... эм... честь покушался? – изумленно вымолвил Сиволапов.

– Окстись! – грозно рявкнула бабка с «рожками». – Чтоб мою Шуру – и этот урод?!

– Вы ж сами сказали, что он... гм... маньяк.

– Маньяк! Девочек молодых убивает! Ты газету открой и почитай, раз не в курсе, что у тебя в городе делается. Полицейский еще мне! Маньяк это из газеты! А Шура платье порвала, когда через окно лезла. Узкое оно больно, нога не задиралась.

Сиволапов прикрыл глаза и затрясся в беззвучном смехе.

– Что с вами делать, садитесь и пишите заявление. О вашем похищении и так далее.

– Дык пока мы писать будет, он уйдет! Идите и арестовывайте его сейчас же! Доктор это, из пансионата, – авторитетно заявила бабка с «рожками». – Упустите, я вам такую тут «славу» устрою! Не рады будете.

И Сиволапов поверил: эта – устроит.

Влад примчался вскоре после звонка, будто и не искал вовсе это место или находился поблизости. Он ворвался в помещение и крикнул:

– Где она?!

– Здесь твоя девочка, здесь, – захихикала мерзкая старуха, на страшное лицо которой Вера за все время ожидания уже успела налюбоваться. Один из помощников зажег множество свечей. И в их прыгающем пламени странно асимметричное, будто перекошенное после инсульта, лицо старухи с проваленным, словно у сифилитика, носом, казалось маской монстра. Вера не знала, кто эта старуха, но поняла, что она тут главная, «братки» слушались ее без возражений. Еще Вере подумалось, что старуха – безумна. Иначе как объяснить дикое желание той предоставить свое тело для духа колдуна? Если бы Вера не услышала ранее эту историю от Влада, то посчитала бы ее бредом. Старуха доверительно поведала ей, что таким образом мечтает обрести могущество и еще много лет жизни, и даже рассчитывает вернуть себе молодость и красоту. Ведь черная книга, собравшая мудрость многих поколений ведунов и ведуний, в ее руках. «Вы сумасшедшая», – честно сказала Вера то, что думала, и получила тычок в бок от своего охранника. Но старуху такое заявление только позабавило. «Да, моя девочка! Да». И в этот момент в помещение ворвался Влад.

– Ну-с, молодец, вы-то нам и нужны, – довольно объявила старуха, поглаживая лежащего на ее коленях черного кота по имени Мефистофель. – Всего лишь провести один ритуальчик... Один-единственный, и вы будете свободны. В этом фолианте содержится дух одного могущественного ведуна, а я желаю, чтобы он отныне жил во мне. Я, я хочу стать могущественной ведьмой, владеть знаниями, повелевать судьбами, получить бессмертие и молодость!

– Я в курсе истории этой книги, – сухо перебил Влад. – А вы уверены в том, что все пойдет так, как вы желаете? Что получите молодость и бессмертие?

– Нет, мой мальчик. Но кто не рискует, тот не пьет шампанское! – подмигнула старуха.

– Кто не рискует, того не выносят преждевременно вперед ногами, – парировал Влад. Старуха захихикала, оценив его шутку.

– А ты сделай так, чтобы и тебя не вынесли, и я бы получила желаемое, мой мальчик. Постарайся! Мне, может, терять уже нечего, а вот тебе... Если что-то пойдет не так, в первую очередь не поздоровится твоей

девочке!

Влад метнул на Веру взгляд, та решительно замотала головой, надеясь, что Влад откажется выполнять требование. Но он уже смотрел не на нее, а в безобразное лицо старухи.

– Хорошо, – ответил Влад и кивнул на каменный алтарь. – Вижу, вы тут основательно подготовились.

– Так я время даром не теряла, мой мальчик! Книгу изучила вдоль и поперек.

– Дайте мне ее, – потребовал Влад. И когда один из охранников принес ему книгу в черной обложке, взял ее в руки, погладил, будто живое существо, не удержавшись, открыл и пролистал несколько страниц, не столько просматривая их, сколько будто прислушиваясь к своим ощущениям.

– Я готов, – наконец сказал он.

– Влад, не смей! – крикнула Вера в отчаянии. Он что, не понимает, сколько бед может натворить этим ритуалом! Все равно им отсюда не выйти: вряд ли старуха пожелает оставить их живыми после всего, что тут наговорила. Но Влад и ухом не повел, будто и не услышал девушку. А охранник опять больно ткнул ее кулаком под ребра, так, что Вера охнула.

Ей ничего не оставалось, как со своего места следить за приготовлениями Влада. Происходящее казалось Вере кадрами из мистического фильма, и представить, что вот с этим мужчиной, таким незнакомым ей сейчас – бледным, красивым, с длинными, до плеч, светлыми волосами, предельно сосредоточенным, – она провела минувшую ночь, было сложно. Она старалась внимательно следить за его действиями, но от волнения и страха детали ускользали, происходящее виделось ей не целиком, а отдельными эпизодами-вспышками. Вот Влад надел протянутый ему защитный амулет, вот попросил старуху протянуть ему руку и сделал надрез на ее сухом запястье. Темная, будто черная, капля крови упала в чашу из темного серебра. Это Вера еще помнила, а что мужчина стал делать потом – упустила. Вот он уже опять стоит у алтаря: склонился над книгой, по его лицу пляшут, искажая черты, тени от свечного пламени. Затем – опять провал, будто она в эти моменты теряла сознание. Затем Вера вновь увидела Влада все в той же позе у алтаря, услышала нетерпеливый возглас старухи и из этого поняла, что ничего не происходит уже очень долго. Но не успела она с облегчением вздохнуть, как почувствовала, что по душному маленькому помещению будто пронесся прохладный ветер. Пламя дрогнуло, и несколько свечей погасло. Голос Влада, произносивший непонятные слова, набрал силу. Мужчина запрокинул к потолку лицо,

прикрыл глаза и вдруг, резко выкрикнув непонятную фразу, раскинул в стороны руки. Одновременно с этим из книги взметнулся сноп искр – и тут же погас. Веру это зрелище одновременно и напугало, и заворожило. Она даже не заметила, что сжала кулаки с такой силой, что ногти врезались в ладони. И даже не почувствовала, как охранник, тоже удивленный этим зрелищем, невольно разжал пальцы, выпуская ее запястье. А из книги уже вырвался черный дым, закружился смерчем, метнулся к Владу – к его горлу, но, будто коснувшись чего-то для него опасного, отпрянул. Старуха, сидевшая неподалеку с котом на руках, подалась вперед и издала ликующий вопль, который совпал с приказным выкриком мужчины. Черный смерч метнулся к старухе... Но что случилось потом, Вера не поняла, увидела, как кот, до этого спокойно дремавший на коленях старухи, вдруг издал дикий вопль и соскочил на пол и заметался по помещению, как безумный. А Влад, схватившись руками за голову, захохотал, будто над очень смешной шуткой. Девушка испуганно ойкнула и в этот момент увидела четко, как никогда, как фигура мужчины тонет в белом тумане, который пробивает черная пуля. И, опередив истошный крик старухи всего на пару мгновений, метнулась к мужчине в стремлении закрыть его собой.

– Стреляй в него!

И следом грянул выстрел.

– Иди-о-от! – завопила старуха охраннику. – Не в него! В кота-а!

Последнее, что успела услышать Вера, – сильный шум, раздавшийся снаружи. Резкий свет резанул по глазам, и она погрузилась в темноту.

Здесь было темно и промозгло, будто в ноябрьских сумерках. Вера удивленно огляделась вокруг: как – ноябрь, если она помнила, что на дворе был август? Вон, на ней даже джинсы и кофточка, которые она носила летом. Но тем не менее все вокруг говорило о том, что она ошиблась сезоном: и голые ветви деревьев, белеющие на фоне черного неба, и снег под ногами, не хрусткий, а мягкий, словно пепел. И все же, хоть тут и было холодно, но не до такой степени, как если бы Вера действительно вышла из дома ноябрьским поздним вечером в легкой одежде. Не было морозно. Вера присела и тронула рукой снег – не холодно и мягко, словно ее рука погрузилась в пепел или толстый слой пыли. Тогда где же она? Вера испуганно огляделась, силясь разглядеть огни домов или, на худой конец, свет от проезжающих мимо машин. Но нет, ее со всех сторон окружали только странные деревья – невысокие, кривые, чахлые, будто выросшие в неподходящем для них климате. Отчего-то ей подумалось, что деревья, у которых белыми были не только ветви, с которых клочьями свисал мох, но и стволы, на фоне черного беззвездного неба похожи на неправильно сросшиеся кости на рентгеновских снимках. Что за странный лес ее окружает?

Вера двинулась вперед, понадеявшись куда-нибудь выйти. Сколько времени она провела в пути, не знала, ей казалось, что шла она долго, но часов у нее не было, а мобильный где-то выронила или оставила. Только сколько она ни шла, ничто за это время не изменилось. Может, это всего лишь иллюзия – что она идет? Как бег на тренажере: лента движется, ты потеешь, теряешь калории, отматываешь километр за километром, а на самом деле бежишь на месте. Похоже на то. И все же она упорно шла вперед, не теряя надежды. Даже самая большая в мире пустыня когда-нибудь заканчивается. Не брести же ей тут вечность! Так Вера подумала и похолодела от страшной догадки: а вдруг она и правда в вечности? В памяти замелькали картины – последние эпизоды ее жизни в солнечном августе, и девушка с ужасом поняла, что она умерла. Выстрелили во Влада, а она на какое-то крошечное, прямо-таки микроскопическое мгновение успела опередить пулю – просто потому, что за долю секунды до выстрела успела увидеть, что пуля попадет Владу прямо в сердце. Какое счастье, что она вовремя увидела это! Права была Валентина Кузьминична, когда говорила, что ее проклятие на самом деле – дар. Пусть только на один

единственный раз оно обернулось даром и помогло ей спасти жизнь другого человека, без которого, Вера поняла в ту самую долю секунды, ей не будет жизни.

Вера потеряла саднившее горло: почему-то оно болело, как при ангине. Наверное, она все же простыла, когда пришла сюда в такой легкой одежде. Хотя болеют ли ангиной мертвые? Вряд ли. Скорей всего, горло у нее болит потому, что в него попали. Да, точно. Пуля летела Владу в сердце, а попала Вере, которая была ростом ниже, в горло, чуть выше ямочки над ключицами. Вере вдруг стало так жаль себя, что она села прямо в пыль и заплакала. Слезы почему-то были не солеными, однако казались настоящими. Но не успела Вера всласть наплакаться по своей рано оборванной жизни, как услышала громкий синхронный гул, словно кто-то бил в несколько барабанов. Поднявшись на ноги, она вгляделась в темнеющую даль и увидела строй солдат, который шел прямо на нее. Обрадовавшись, девушка бросилась солдатам навстречу, замахала руками, прося остановиться. И только когда они приблизились, в ужасе отшатнулась и спряталась за ближайшее дерево: надвинутые на лбы каски скрывали верхние части лиц, но нижние оставались открытыми и являли голые, без кожи и мышц, челюсти. Вере переждала в своем укрытии, когда страшное войско промарширует мимо, и только тогда с облегчением выдохнула. Как давно здесь бродят эти солдаты? С Первой мировой войны, со Второй, с чеченской?

– А ты их не бойся! Они ничего не сделают! – услышала она за спиной детский голос и от неожиданности подскочила на месте.

– И меня тоже не бойся!

Вера медленно обернулась и увидела за своей спиной девочку лет одиннадцати в летнем платье.

– Ну да, надо бояться живых, а не мертвых, – пошутила Вера. Голос ее прозвучал тихо и со страшным сипом.

– Они – да, мертвые. Хоть и не совсем.

– Что значит – не совсем? – не поняла Вера.

– Они, как и все здесь, – Неопределившиеся.

– Как это – неопределившиеся?

– А вот так! Не определились, куда идти. Сами умерли, но не признают это, потому и бродят здесь. И будут бродить, пока не поймут.

Девочка вытащила из кармана леденец на палочке и предложила его Вере:

– Будешь?

– Нет, не хочется, – ответила девушка и невольно коснулась шеи рукой.

– А, ну да, у тебя же дырка в горле, и трубка из него торчит, – весело, будто это казалось ей забавным, ответила девочка и сунула леденец в рот, но не стала сосать, а принялась грызть, словно орех. Вера невольно поморщилась от противного хрустящего звука, необычно здесь громкого.

– Расскажи, кто такие – Неопределившиеся?

– Ну, те, кто здесь находится.

– Живет?

– Нет, – засмеялась девочка и вытащила изо рта обглоданную палочку уже без леденца. – Здесь никто не живет. Здесь *находятся* те, кто мертв, но никак не признаёт это. Как эти солдаты или безумный Боб.

– Безумный Боб?

– Может, ты его встретишь. Он ищет автобусную остановку. Его машина сбила, когда он спешил на автобус и перебежал дорогу. Такой растрепанный дедуля в куче одеж и рваных перчатках, вечно торопится.

– Кто-то еще здесь находится? – спросила Вера, потому что она-то уж точно не относилась к категории тех, кто не признает себя мертвым.

– Еще те, кто знает, что мертв, но слишком привязан к миру живых. Как я. У меня там мамочка горюет, я не могу ее оставить. Она засыпает, а я прихожу домой и сижу с ней рядом, – вздохнула девочка и достала из кармана уже карамельку. – Мамочка мне конфеты на столике оставляет. Правда, я хочу шоколадных, а еще грильяж.

Вера вытерла невольно набежавшие на глаза слезы: девочку было безумно жаль, а еще сильнее – ее маму. Девушке очень хотелось спросить, как девочка умерла, но она постеснялась, вместо этого спросила, как девочку зовут.

– Света! И я не хочу уходить в мир душ. Там лучше, но тогда я не смогу ходить к мамочке: стану счастливой и забуду о ее страданиях.

– Наверное, твоей маме стало бы лучше, если бы она знала, что ты счастлива и не страдаешь, – осторожно заметила Вера.

– Да, но я еще хочу грильяжа! И шоколада, – задумчиво ответила девочка.

– Хорошо, – кивнула Вера, стараясь вернуть разговор в нужное русло. – А я почему здесь? Я ведь мертвая и...

– А ты из тех, кто никак не определится, жив он или мертв. Такие здесь тоже есть. И могут находиться долго-долго, если их никто не ищет и не зовет. Но даже если ищет, такие, как ты, часто все равно уходят в мир душ. Потому что там хорошо.

– А если... А если меня кто-то позовет отсюда? – с волнением спросила Вера.

– Тогда этот кто-то должен позвать тебя сильно-сильно, так сильно, что тебе захочется вернуться к нему. Понятно?

– Понятно, – прошептала Вера и тихонько про себя добавила: – Сильно-сильно.

* * *

Влад уже третий день сидел под дверями реанимации, уезжая домой только для того, чтобы выпить чашку кофе, съесть бутерброд и принять душ. А потом опять возвращался в больницу. Спал он здесь, в коридоре, в неудобном дерматиновом кресле. К Вере за эти трое суток его пустили лишь дважды и каждый раз всего лишь на пять минут.

– Мужчина, езжайте домой! Поспите. Все равно сейчас не разрешат посещение. Если будут новости, мы вам позвоним, – сказала, выйдя к нему, сердобольная медсестра, но Влад только покачал головой и прикрыл глаза. Сможет ли он уснуть дома? Вряд ли, проворочается-промучается в кровати, а потом все равно сорвется в ночи в больницу. Ему казалось, что если он будет сидеть здесь, то ей, этой хрупкой девочке с огромными синими глазами и хрупкими ключицами, которая так быстро и неожиданно стала ему дорога, станет лучше. Может, она почувствует его присутствие – через дверь, через писк и шум приборов, через холод кондиционированного воздуха, – и откроет глаза.

Все это время Влад провел в бездействии. Просто вдруг все мысли, не касающиеся Веры, стали ненужными и будто отключились за ненадобностью. Он даже не позвонил матери, чтобы сообщить о случившемся. И не подумал, что надо разыскать родителей Веры: они должны узнать о случившемся с их дочерью. Он даже не съездил к ее соседкам, чтобы рассказать и им. И весь мир, будто разделяя его горе, тоже впал в молчание. Только Тина позвонила ему – на исходе этого третьего дня. Только сейчас Влад очнулся и впервые кому-то рассказал о том, что произошло.

– Я так и поняла, что что-то произошло, – хриловато выдохнула в трубку верная подруга, забытая любовница, мудрая наставница Тина. – Я знала, что это случится... Говорила же тебе. Я пыталась предупредить это, посоветовав уже ей не приближаться к тебе.

– Ты можешь помолчать или нет?! – вспыхнул Влад, впервые в жизни закричав на Тину.

Она не обиделась, извинилась:

– Прости. Я говорю не то. На самом деле звоню, чтобы спросить: что ты собираешься делать?

– В смысле?

– В прямом. Что ты собираешься делать ради того, чтобы вернуть ее оттуда?

– Ну... Я сижу здесь, – растерялся он.

– Сидит он! – фыркнула Тина. – Ты не сидеть должен, а действовать. Действовать, понимаешь? Так, как ты можешь. Для чего тебе дан твой дар? Денежки получать, общаясь с мертвецами по просьбе их родственников, – выпрашивать, куда перед смертью спрятали сберегательные книжки и каковы пароли к счетам? Не-ет. Действуй, мой хороший!

Тина повесила трубку, не сказав ошеломленному мужчине больше ни слова, но приехала через час и застала его в коридоре. Влад бродил в возбуждении от стены к стене. Тина узнала его лишь потому, что в этом коридоре больше никого не было. Она видела Влада раньше всяким – уставшим, невыспавшимся, обессиленным после сложных ритуалов, но даже изможденный после своей болезни он не выглядел так плохо, как сейчас. Влад, однако, едва завидев ее, просиял и бросился навстречу.

– Понимаешь, у нее дрогнули ресницы! Я подумал, что она откроет глаза!

– Тебе дали ее увидеть еще раз?

– Ненадолго, – сник Влад. – На каких-то несчастных три минуты. Но у нее дрогнули ресницы! Я видел! И еще эта слеза... У нее покатилась слеза. Одна, но настоящая. Понимаешь, что это значит?!

– Это значит, что ты должен приложить все усилия для того, чтобы ее вытащить, – твердо сказала Тина и протянула пакет с бутербродами и термос с кофе. – Поешь и действуй. Я тут вместо тебя посижу.

Влад послушно присел в одно из кресел и положил в соседнее пакет с бутербродами. Открыв термос, налил в крышку-кружку кофе и, зажмурившись, втянул пар. А затем, будто вспомнив что-то приятное, улыбнулся.

– Спасибо, Тина.

– Что-то тебе еще нужно?

– Нет. То есть да. Надо разыскать родителей Веры. Они еще не знают о случившемся. Вера не поддерживала с ними связь очень долго, только отправляла раз в месяц денежные переводы. Но они живут неподалеку от тебя. Я даже знаю дом...

Он подробно описал улицу и дом родителей Веры.

– Понимаю, это непросто...

– Я найду, – уверенно сказала Тина. – Завтра. А ты возьми себя в руки и действуй.

Влад кивнул, допил кофе, вытащил из пакета один бутерброд и направился к выходу из больницы.

* * *

Вера все шла и шла, не зная куда и ждет ли ее кто там. Но она шла – лишь бы не застревать на месте, как те Неопределившиеся, которые то и дело встречались ей на пути. Один раз Вера встретила безумного патлатого старика, закутанного в многослойное развевающееся тряпье. Старик бежал ей навстречу и бормотал себе под нос:

– Автобус! Автобус сейчас уйдет.

Безумный Боб, догадалась Вера. Еще дважды ей встретились марширующие солдаты. Часто попадались одиночные или бредущие маленькими группками Неопределившиеся в разорванных грязных одеждах и со стеклянными осколками в волосах – жертвы автомобильных катастроф. Иногда ей встречались лежащие в белой пыли, которой тут все было покрыто, – такие же, как она, не определившиеся между жизнью и смертью. Вере почему-то казалось, что ей нельзя вот так сдаваться и засыпать в пыли. Тогда она точно никуда не придет и не узнает, ждет ли кто ее.

Лес закончился, теперь под ногами было болото. Прыгать по пружинистым кочкам могло показаться забавным, если бы ноги по очереди то и дело не соскакивали в жижу. Эта жижа была будто живая – нечто единственное по-настоящему живое в этом месте. Она чавкала, булькала, надувалась и лопалась пузырями, словно под ней, как под одеялом, дышало многоголовое огромное чудовище. Вера перепрыгнула все кочки и оказалась в песчаной пустыне. На смену пронизывающему холоду пришла изнуряющая жара. Иногда девушке казалось, что ветер приносит ей издали слова: «Я тебя ищу, ищу». И тогда она, обрадовавшись, присаживалась в ожидании, вертела головой, надеясь увидеть того, кто ее разыскивает. Но вокруг оказывалась только пустыня. Вера с горечью понимала, что это ветер шуршит песком, и продолжала путь. Она все шла и шла, падая, поднимаясь, но бредя вперед. До тех пор, пока впереди не увидела золотой свет и в нем – мужскую фигуру. «Меня ждут!» – обрадовалась она и, проваливаясь в песок, побежала навстречу ожидавшему ее.

* * *

Он искал ее, ночь за ночью приходя в одно и то же место, мертвое, черно-белое, как старый снимок, в котором все, как на негативе, было наоборот: деревья и земля – белыми, а небо – черным. Здесь он был чужим – тем единственным, кто не выцветал до этой дихроматической гаммы. Это место присасывалось каждый раз к нему, как вампир, стараясь максимально напитаться его живой энергией, вытягивало из него все силы, грозя в недалеком будущем тоже превратить его в черно-белый негатив. Но Влад не сдавался и каждую ночь опять приходил сюда, начиная там, где закончил накануне. Он понимал, что за время его отсутствия Вера уходит вперед еще на целый день. Он отставал от нее уже на несколько суток, но все равно не сдавался – делает же она остановки, чтобы передохнуть. Когда кого-то он видел, бросался навстречу с вопросом, не встречалась ли по пути девушка с черными короткими волосами и большими глазами на бледном лице. Кто-то из встречных не удостаивал его и взглядом, кто-то отрицательно качал головой, а кто-то говорил, что видел похожую девушку, но уже давно. Давно – не страшно. Главное, что Вера еще здесь и, похоже, тоже борется. Хоть, может, не так, как ему бы хотелось. Ему бы хотелось, чтобы она развернулась и пошла ему навстречу, а не от него. Но она упорно отдалялась.

Днем прогнозы были то утешительными (у Веры опять дрогнули ресницы, будто она пыталась открыть глаза), то неутешительными (показатели жизнедеятельности опасно падали). Влад понимал, что это означает: Вера ушла слишком далеко от него и опасно приблизилась к тому месту, где ей наверняка захочется остаться. Наверное, на ее месте он бы поступил так же: устав от долгого пути, от борьбы, он бы остался в том прекрасном мире, который ей может открыться. «Не сдавайся, не надо, не уходи. Я тебя ищу», – шептал он в те моменты, когда ему позволяли взглянуть на девушку. И верил, что она его слышит.

* * *

Человек в длинных одеждах, в сиянии золотого света с улыбкой ожидал ее. И, когда Вера приблизилась, протянул ей руку и помог взобраться на песчаную дюну.

– Кто вы? – спросила девушка, силясь вспомнить, где уже встречала

этого мужчину с ласковыми добрыми глазами, молодым безусым и безбородым лицом и длинными волосами на прямой пробор. Где-то она его видела, и, как ей казалось, совсем недавно. А еще ей казалось, что знает она его уже очень давно, даже не века, а тысячу жизней.

– Я твой проводник, – голосом, отозвавшимся внутри Веры теплыми вибрациями, ответил он. – Ты могла меня знать как Петра, своего прапрадеда. Так тебе будет понятней.

– Петр? Тот самый? – удивленно и обрадованно спросила Вера и коснулась невольно рукой груди, где еще до недавнего времени пряталась ладанка. Мужчина кивнул и повел девушку за руку куда-то наверх – на самую верхушку дюны.

– Мы решили, что тебя встречу я и приведу домой, ко всем, – говорил Петр, ведя Веру за собой. Идти, несмотря на крутой подъем и осыпавшийся под ногами песок, было удивительно легко, словно девушка не шла, а невесомая, парила.

– Куда? Домой? – удивилась она. И Петр терпеливо пояснил:

– Куда возвращаются все души после того, как окончат очередной урок на земле. Мы тебя ждем.

– Это значит, что я правда умерла, – прошептала Вера, испытывая вдруг сильную грусть. Что-то она там, на земле, оставила – дорогое и родное, но вот что или кого?

– Не умерла, души бессмертны.

Петр помог Вере преодолеть оставшееся до верхушки дюны расстояние и, выпуская ладонь девушки, обвел широким жестом открывающийся перед ним вид:

– Посмотри, узнаешь? Это наш дом, куда мы всегда возвращаемся.

Вера боязливо выглянула из-за его плеча и увидела простирающуюся внизу залитую золотым светом бесконечную долину. В первый момент ее ослепило столь яркое сияние, и она прикрыла глаза. Но, повторно взглянув и немного привыкнув к свету, смогла различить вдали некие воздушные скопления, похожие на облака. Они мерцали и переливались всеми цветами радуги, иногда плавно перемещались с одного места на другое, иногда сливались, а иногда вдруг распадались на несколько «облачков» поменьше.

– Эти облака... – Вера указала рукой на одно из них.

– Это души, которые отдыхают, общаются, готовятся к новым воплощениям. Ты просто забыла, но скоро все вспомнишь.

Вера кивнула и почувствовала вдруг такой прилив неожиданной радости, словно она действительно вернулась домой. Эта долина, открывающаяся с дюны, показалась ей самым прекрасным, что она когда-

либо видела, и счастье – золотое и чистое, как сияние, – наполнило ее полностью.

– Скажите, – вдруг вспомнила Вера, – это ведь вы были в пансионате, возле комнаты Валентины Кузьминичны? В ту ночь, когда я так сильно напугалась?

– Я не хотел тебя пугать. Так получилось. Прости. Часть моей души осталась в ладанке, чтобы из поколения в поколение помогать и защищать моих потомков, но находиться все время в тесном предмете было неудобно и помогать неудобно. И она, часть души, переселилась на время в кота.

– В Гаврилу?!

– В Гаврилу, – лукаво улыбнулся Петр. – Ты очень страдала от своего дара, воспринимала его как тяжелый крест, и я решил немного облегчить тебе твои страдания.

– Вы... Вы снимали с меня эти предчувствия?

Петр кивнул и вдруг указал рукой куда-то вдаль:

– А вон и остальные, идут тебя приветствовать.

Вера посмотрела вниз и увидела сестру, бегущую ей навстречу с улыбкой и широко раскинутыми, будто для объятия, руками.

– Лидия! – обрадованно закричала Вера и тоже раскинула в стороны руки. Они обнялись с такой искренней радостью, будто и не было между ними ссоры, ненависти и трагедии. Вера чувствовала любовь, исходящую от души ее земной сестры, и сама любила ее.

Она видела тут всех, ушедших раньше нее: бабушку с дедушкой, соседей Нечаевых, подругу Алину, Валентину Кузьминичну, даже техничку тетю Славу. И все были счастливы, все искренне радовались ее приходу и уговаривали остаться. И Вера, радуясь вместе со всеми и отвечая на задаваемые ей наперебой вопросы, в какой-то момент подумала, что зря так боялась своего страшного дара. И если бы вновь вернулась туда, на землю, к страдающим от потерь и живущим в страхе смерти людям, она бы поступала по-другому. Она бы дарила людям веру. Недаром же ее так зовут.

– Пойдем, – пригласила ее Лидия и протянула ладонь. Вера тоже протянула руку, и в этот момент услышала у себя за спиной отчаянный крик:

– Вера! Вера! Вернись. Ты мне нужна.

Она оглянулась и, увидев того, кто взбирался по ту сторону холма, падая и скатываясь вниз, вдруг поняла, что еще может принять другое решение, и в ответ на немой вопрос Лидии покачала головой. Сестра понимающе улыбнулась и опустила руку.

– До встречи! – попрощалась Лидия.

Он потерял ее. Потерял, хоть искал дни и ночи напролет, оставляя часть себя в том страшном мире. Почти ослепший, Влад искал Веру уже интуитивно, пробираясь сквозь темноту наощупь, то и дело натываясь на бредущих ему навстречу Неопределившихся.

– Влад, это бесполезно, – в какой-то из вечеров сказала ему Тина, приехав к нему домой. – Посмотри, во что ты превратился. От тебя осталась практически тень, ты теряешь зрение, а скоро потеряешь *там* себя без остатка.

– Пусть я полностью ослепну, пусть оглохну и онемею, но найду ее, – упрямо ответил мужчина.

– Хорошо, но представь себе, что ты ее найдешь... Задумайся о том: *какой* ты ее можешь встретить? И *каким* останешься сам? Ты уже сейчас почти не видишь, и я не уверена, что твое зрение может восстановиться. Боюсь, что ты жертвуешь уже собой впустую. Она ушла. Ушла, понимаешь? Отпусти ее.

– Не могу.

– Сегодня она перенесла клиническую смерть.

– Тина, уйди. Прошу тебя, уйди! – процедил Влад, сжимая кулаки.

Женщина задержалась на мгновение, словно собиралась что-то еще сказать, но, так и не произнеся больше ни слова, поднялась и вышла в коридор. Влад услышал, как тихонько щелкнул замок, и прикрыл глаза. В комнате свет не горел, но ему уже почти было все равно – со светом или без. Тина права, если он еще раз отправится туда, то оставит там жизнь. Пусть. Если Вера там, то и он тоже...

На этот раз его путь оказался коротким: дорога уперлась в высокую песчаную дюну. Сил почти не осталось, но Влад, закусив губу, принялся взбираться. А когда добрался до середины, увидел вдруг девушку, окруженную фигурами в золотом сиянии.

– Вера! – закричал он, но она не услышала. Он снова закричал, вложив в это крик все свои силы и понимая, что если на этот раз она его не услышит, то уйдет за ту черту, из-за которой уже не вернется.

– Вера! Останься! Ты мне нужна!

В какой-то момент ему показалось, что девушка его не услышала, но она вдруг оглянулась.

Вера открыла глаза и тут же зажмурилась от ударившего в глаза света.

– Вера? Верочка?! – услышала она рядом обрадованный и такой знакомый голос. Нет, наверное, она еще спит и продолжает видеть этот длинный странный сон, в котором она вначале бродила в темноте, а потом встретилась со всеми умершими, но близкими ей людьми.

– Вера, – настойчиво звали ее.

И девушка вновь открыла глаза:

– Мама?

Возле ее кровати сидела мама, которая улыбалась сквозь слезы, а рядом с нею – отец.

– Позвони Владу, – прошептала мама отцу. – Скажи, что Вера пришла в себя.

Эпилог

Восемь месяцев спустя

– Шур, глянь, как я тебе?

Зинаида Михайловна, совершенно преображенная, без своего неизменного платка с рожками, с выкрашенными в баклажанный цвет короткими волосами, примеряла перед зеркалом шляпу. Шляпа с огромными полями, с тульей, украшенной громадным искусственным букетом, напоминала цветочную корзину.

– Да как-то тебя из-за этой шляпы и не видно, – выразила сомнение баба Шура, которая выглядела куда скромней: в темно-синем платье и светлой кружевной косынке.

– А чего меня под ней-то разглядывать? – парировала Зинаида Михайловна. – Пусть все на шляпу глядят! Я в ней как королева, эта, как ее, Елизавета! Английская.

– Да английского в тебе разве что бусы, дочкой в прошлом году привезенные.

– Точно, бусы! Сюда нужны бусы, – востроенулась Зинаида Михайловна, бросилась к шкафу, выдвинула верхний ящик и принялась копаться в его содержимом. – Вот они! Чистый жемчуг. Шур, а ты чего? Где твое платье? Сказала же, что пошла наряжаться.

– Так я вот, – разгладила руками подол соседка. – Вот оно, праздничное.

Зинаида Михайловна глянула критическим взглядом из-под «корзины» на подругу и поджала тонкие губы.

– Тьфу на тебя, Шур! Какое же это платье праздничное!

– Так я его по праздникам и надеваю, – обиделась баба Шура. – В церковь да когда к мужу, покойному Савелию Игнатьичу, на кладбище иду.

– Вот именно, что на кладбище! – едко заявила Зинаида Михайловна и сняла с себя шляпу, которая делала ее похожей на гриб-боровик. – А мы на свадьбу идем! Стыдобища, Шур! В этом платье на свадьбу нельзя.

– Да так другого нет!

– А мы купим! Я вон за шляпу полпенсии выложила! Ну и что, раз в жизни нужно и королевой побыть.

– Ну не всем же королевами... – продолжала обижаться баба Шура. – Верка-то меня и в этом платье будет рада видеть.

– погоди ты, Шур, сердиться! Платье я тебе дам, новое, ни разу не надеванное. На один раз уступлю.

– Это то, что ты себе на похороны приготовила? – с подозрением сощурилась баба Шура.

– Ну и что! – настала очередь обижаться Зинаиды Михайловны. – Оно красивое, с рюшами. И, главное, ни разу не надеванное.

– Нет уж, надевай его сама. Когда время придет. Я уж лучше в этом, церковном... – Баба Шура вновь огладила подол руками. – Или позвоню невестке, пусть мне платье подберет. Скажу, что на свадьбу иду. Невестка у меня хорошая, все время гостинцы привозит. Так пусть наряд поможет выбрать.

– Это уже дело, – одобрила Зинаида Михайловна, навешивая на себя бусы из крупного искусственного жемчуга. – Правда, судя по тому, за кого наша Верка замуж собралась, можно к ним на свадьбу и в похоронных платьях явиться. Это ж додуматься! За антихриста какого-то патлатого. Видимо, мало я его тогда граблями огрела, не одумался, так нашу Верку и окрутил.

– Да ладно тебе, Зин! Девка наша наконец-то счастье обрела, а то все одна да одна. Ни парня, ни подружек, только мы у нее, соседки. Это ж разве нормально, чтоб у молодой девки в подружках одни престарелые соседки были?

– Ну мы, Шур, хоть живые. А теперь у нее какие соседи будут, а? Жених-то у кладбища живет. Тьфу ты, прости господи...

– Да уж, – поджала губы баба Шура. – Это нам уже туда пора переезжать, а не Верке.

– Окстись! Я только шляпу купила, полпенсии за нее выложила, какое на кладбище?! Вот когда изношу ее, тогда и можно.

– Да эту шляпу и за век ты не износишь.

– А я никуда не тороплюсь! – бодро закончила Зинаида Михайловна и вновь нахлобучила себе на голову «цветочную корзину».

* * *

– Влад, знаешь, я, кажется, наконец-то поняла, зачем мне этот «дар».

– М-м-м? – спросил мужчина, отрываясь от чтения лежащего перед ним на столе раскрытого толстого фолианта в черной кожаной обложке. – Что ты еще придумала? Мне уже хватило того раза, когда ты под пулю бросилась.

– Так ведь тебя спасла!

Влад снял очки, потер уставшие глаза и внимательно посмотрел на девушку:

– А сколько всего я потом пережил? Нет уж, я бы предпочел твой «дар» больше никак не использовать.

– Ты не понимаешь! – разгорячилась Вера и села на краешек стола, так, что теперь перед взглядом Влада оказались ее обтянутые домашними джинсами колени. – Мой дар без твоего – неполный. Вот мы с тобой подходим друг другу, как две половинки одного целого. Так и наши способности... Я, когда была там, увидела, что смерть – это просто уход в другой мир, в котором мы все так или иначе встречаемся, потом расстаемся на какое-то время, приходим снова на землю, пересекаемся или нет – это уже как запланировано нашими уроками, но потом опять встречаемся. Так вот, мы, когда живем на земле, забываем о своем настоящем Доме и боимся смерти, потому что думаем, что после нее ничего нет и что смерть разлучает нас с любимыми навсегда. А мы могли бы нести утешение и веру. Вместе. Ты и я. Понимаешь?

– Не совсем, – качнул Влад головой.

– Ну как же! У тебя были и до сих пор появляются клиенты. Ты – «проводник» между клиентом и его уже умершим близким. Чаще всего такие сеансы тебе заказывают с корыстной целью. Но есть и те, которые хотят войти в контакт с кем-то очень любимым, но рано ушедшим. Я могла бы помочь тебе нести таким людям утешение, рассказывать о том, что я там видела. Меня на эту мысль натолкнула та девочка Света, с карамельками... Вот если бы ее мама узнала, что ее умершая дочь мечтает о грильяже... Душа девочки ушла бы в Мир Душ и была бы счастлива. И, может, мать бы тоже получила утешение. Понимаешь, о чем я?

– Ох, Верка... – вздохнул Влад. – Давай об этих великих идеях поговорим потом, после свадьбы и нашей поездки на острова. Потом, хорошо?

– Угу, – кивнула девушка и скользнула взглядом по раскрытой книге. – Здорово ты тогда придумал – переселить душу колдуна не в мерзкую старуху, а в ее кота.

– А что оставалось делать? Не мог допустить такого кошмара – душа колдуна, подселенная к сумасшедшей старухе. Животину только жалко, – усмехнулся Влад. – Никак котяра не угомонится. Опять про этого Мефистофеля в газете написали.

– Я читала, – улыбнулась Вера и кивнула в сторону книги: – Нашел что-то интересное?

– Да вот, читаю ритуал, как сделать так, чтобы жена «понесла».
– Жена – чего? – не поняла Вера, и Влад рассмеялся:
– Забеременела.
– И?
– Зачитываю: «Берете щепоть сушеных мышинных хвостов, толчете в порошок в ступе. Добавляете вываренные...»
– Перестань! – поморщилась Вера.
– А этот отвар жене еще и выпить предлагается! – дочитал про себя уже «рецепт» Влад и поднял на девушку смеющиеся глаза: – Есть способ куда проще и натуральней!
С этими словами он подхватил Веру на руки и понес ее в спальню.

* * *

– Слушай, опять тут про этого кота написали! – воскликнула Ирина, пробегая взглядом заметку. – Бешеный какой-то! Точно, бешеный, а отловить его никто не может. Такой быстрый.
– И что он опять вытворил? – подседа к напарнице за стол Алевтина.
– Прыгнул на витрину мясной лавки и разбил стекло. Представляешь, какая силища у кота должна быть? Стажил кусок мяса и был таков. Потом, уже часом позже, кто-то из свидетелей видел, как черный кот катается на крыше автобуса и громко на всю улицу орет.
– От страха?
– Свидетель говорит, что ему показалось, будто от удовольствия. Кот... словно смеялся, – пересказала прочитанное Ирочка.
– О господи! Прямо кот Бегемот какой-то, такой же черный и хулиган.
– Бегемот? Почему – бегемот?
– Так звали кота из «Мастера и Маргариты», Ириша! – с досадой воскликнула Алевтина.
– Это Чехов написал?
– Ты еще скажи – Пушкин! Темная ты башка. Видно сразу, что читаешь мало, только «Космополитены» да местные газеты. О чем с тобой говорить...
– О чем, о чем... – проворчала Ирина и обратилась к вылизывающему на столе лапу Гавриле: – Что, красавец, украли у тебя славу? Ты теперь не знаменитый кот, а самый что ни на есть обыкновенный.
– И слава тебе господи... – тихо добавила Алевтина. – Пусть уж у нас простые коты живут, без славы, чем вон такие, как этот Мефистофель, –

кивнула она на газету. – Будто бес в него вселился.

– Говорят, что он бывший кот Варенниковой. Мадам уже восемь месяцев как нет, умерла от сердечного приступа, когда нашего доктора Савельева арестовали. А кот как сбежал, так до сих пор по улицам и шляется, и хулиганит.

– Мадам с закидонами была, и кот не лучше.

– Вот это сюрприз был так сюрприз, что наш доктор Савельев в чем-то темном оказался замешан, – вздохнула Ирочка.

– Да что уж об этом говорить! – махнула рукой с досадой Алевтина. – Он никогда мне не нравился, страшный и неприятный. Зато новый доктор какой душка! И знаешь, Ириш, мне кажется, что ты ему нравишься!

– Дамы, чайком не угостите? – спросил в приоткрывшуюся вдруг дверь молодой симпатичный человек в белом халате.

– А вы что же, Виталий Сергеевич, еще домой не ушли? – зарделась от смущения Ирочка и проворно принялась готовить чай.

– Да решил отдежурить ночь. Семенова вчера на сердце жаловалась. Вот... Думаю, как бы ей плохо не стало.

Он отвернулся к крану вымыть руки, и Алевтина в этот момент подтолкнула красную от удовольствия Ирочку в бок:

– Что я тебе говорила? Из-за тебя остался! Семенова уже третий час как рулады на весь коридор выдает, какое там сердце! Ну, Ирка, не теряйся!

Девушка с радостной улыбкой кивнула и, когда доктор повернулся, указала ему на тарелку с домашним печеньем:

– Виталий Сергеевич, а попробуйте печенье! Я его сама испекла.

– Тогда оно должно быть невероятно вкусным, если его испекли вы.